

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 1 (75) 2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПБУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). Калининград: Калининградский филиал СПБУ МВД России, 2024. 170 с.

Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования - Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);*
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);*
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),*
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).*

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале, требованиях к статьям и порядке представления их для опубликования доступна на сайте журнала (переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена в сети Интернет по адресу: https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala (https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный эксперт-специалист отдела организации деятельности временных формирований МВД России, сформированных для решения задач в особых условиях, управления организационного

обеспечения комплексного применения сил и средств ОВД, функционирующих в особых условиях, Главного управления оперативного реагирования МВД России (г. Москва);

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России;

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Chief Expert-Specialist of the Department for organizing the activities of temporary formations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, formed to solve

problems in special conditions, Department of organizational support for the integrated use of forces and means of internal affairs bodies operating in special conditions, Main Directorate of Rapid Response of the Ministry of Internal Affairs Russia (Moscow);

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Docent of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.В. ВЕКЛЕНКО, А.И. ЛОКНОВ

Совершенствование уголовно-правового противодействия
неправомерному доступу к компьютерной информации.....9

А.В. КУРСАЕВ

Уничтожение наркотических средств и психотропных
веществ, повлекшее их утрату: пределы преступного 16

О.Н. ПАХОМОВА

Административная преюдиция
в современном уголовном законодательстве России 23

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. ЛАВЕЛИНА

Организационно-методические особенности работы
со следами биологического происхождения человека 31

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Е.А. МАРКОВА, О.А. ТУЧИНА

Несовершеннолетие как основание применения
к обвиняемым и подозреваемым мер пресечения,
не связанных с изоляцией от общества 38

Е.В. КУЗНЕЦОВА

Нормативное регулирование завершающего этапа
предварительного следствия: сравнительно-правовой анализ.....45

Я.В. ТУЧКОВ

О понятии «цифровая уголовно-процессуальная форма» 51

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

В.В. ПЛОТНИКОВ, Н.В. БИЧАН

Социальный анализ факторов развития преступности: условия
криминализации общества и социально сберегающие механизмы.....59

А.П. АЛЕКСЕЕВА, О.И. БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ

Право граждан на самозапрет получения потребительских
кредитов или займов: проблемы и перспективы реализации.....65

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.В. КИСИЛЬ

Особенности проведения оперативно-разыскного отождествления личности.....70

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.И. МЕЛИХОВ, Е.Г. ЛОБАСЕВА

Образовательное и научное обеспечение
профессиональной подготовки оперативных сотрудников
полиции через призму теории национальной безопасности.....75

О.С. КОЛОСОВИЧ

Глобальная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией
как эффективный инструмент международного сотрудничества 83

Д.А. ПЕТРОСЯН, А.В. ПОЛЯКОВ

Основные направления деятельности по профилактике
хищений предметов, имеющих особую ценность.....89

С.В. ПОПОВ

Содействие граждан оперативным подразделениям
органов внутренних дел: проблемы и перспективы.....96

Содержание

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.П. АНИСИМОВ, А.В. ЧИЧКИН Понятие экологического правопорядка: вопросы теории	103
С.В. ИВАНОВА, Ю.Л. УНГУРЯН Государственный мониторинг, учёт и кадастр объектов животного мира: проблемы реализации.....	111
А.С. ГЕВОРГЯН, А.А. КРИЦКАЯ Государственная политика в сфере обеспечения экологической безопасности	118
О.И. ДЕРЮШЕВА Гражданско-правовое регулирование нотариального обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы	124
В.А. МАКСИМОВ, С.Н. АНДРЕЕВА Типы и виды медиации	130
М.Ю. ПОПОВ Гражданское единство как гарантия российского народовластия и российской государственности.....	136

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Н.И. КОСТЮЧЕНКО Феномен «социальное управление» как научная проблема	143
--	-----

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

С.В. КАЛАШНИКОВА Проектная деятельность как метод реализации профессионально ориентированного обучения иностранному языку в образовательных организациях МВД России	150
---	-----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

А.В. КОСТЮКОВ, А.А. БАЛАНДИН Обучение сотрудников полиции силовому взаимодействию на основе использования метода ситуационно-ролевых игр	157
---	-----

ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

О.А. ВАСИЛЬЕВА XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Международная научно-практическая конференция (Калининград, 15 декабря 2023 г.)	165
---	-----

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

- S.V. VEKLENKO, A.I. LOKNOV*
Improvement of criminal law counteraction
to illegal access to computer information 9
- A.V. KURSAEV*
Destruction of narcotic drugs and psychotropic
substances, resulting in their loss: the limits of criminal 16
- O.N. PAKHOMOVA*
Administrative prejudice in modern
criminal legislation of Russia 23

CRIMINALISTICS RESEARCHES

- V.V. LAVELINA*
Organizational and methodological features
of working with traces of human biological origin 31

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

- E.A. MARKOVA, O.A. TUCHINA*
The age of minority as a basis for applying preventive measures
to accused and suspects not related to isolation from society 38
- E.V. KUZNETSOVA*
Regulatory regulation of the final stage
of the preliminary investigation: comparative legal analysis 45
- Y.V. TUCHKOV*
About the concept of «digital criminal procedure form» 51

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

- V.V. PLOTNIKOV, N.V. BICHAN*
Social analysis of crime development factors: conditions
for the criminalization of society and socially saving mechanisms 59
- A.P. ALEKSEEVA, O.I. BELOKOBYSKAYA*
The right of citizens to self-lock out consumer credits
or loans: problems and prospects for implementation 65

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

- T.V. KISIL*
Features of conducting operational
investigative identification of a person 70

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

- A.I. MELIKHOV, E.G. LOBASEVA*
Educational and scientific support for professional
training of operational police officers through
the prism of the theory of national security 75
- O.S. KOLOSOVICH*
Global Anti-Corruption Law Enforcement Network
as an Effective Instrument for International Cooperation 83
- D.A. PETROSYAN, A.V. POLYAKOV*
The main areas of activity for the
prevention of theft of items of special value 89
- S.V. POPOV*
Assistance of citizens to operational units
of internal affairs bodies: problems and prospects 96

Contents

STATE. SOCIETY. LAW

A.P. ANISIMOV, A.V. CHICHKIN The concept of environmental law and order: issues of theory	103
S.V. IVANOVA, Y.L. UNGURYAN State monitoring, accounting and cadastre of wildlife objects: problems of implementation	111
A.S. GEVORGYAN, A.A. KRITSKAYA State policy in the field of environmental safety	118
O.I. DERYUSHEVA Civil legal regulation of notarial support for persons in places of deprivation of liberty	124
V.A. MAXIMOV, S.N. ANDREEVA Types and kinds of mediation	130
M.Y. POPOV Civil unity as a guarantee of Russian democracy and Russian statehood	136

DISCUSSION PLATFORM

N.I. KOSTYUCHENKO The phenomenon of «social management» as a scientific problem	143
--	-----

EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS

S.V. KALASHNIKOVA Project activity as a method of realization professionally oriented foreign language teaching at educational organizations of the ministry of interior of Russia	150
--	-----

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

A.V. KOSTYUKOV, A.A. BALANDIN Training police officers in force interaction using the method of situational role-playing games	157
---	-----

HORIZONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

O.A. VASILYEVA XII Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium»: international scientific and practical conference (Kaliningrad, December 15, 2023)	165
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сергей Владимирович ВЕКЛЕНКО,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-8625-8656
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
профессор кафедры уголовного права
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
veklenkosv@mail.ru

Алексей Игоревич ЛОКНОВ,

кандидат технических наук, доцент, ORCID 0000-0003-4425-1939
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры информационной безопасности
info_for_aleksey@mail.ru

Научная статья
УДК 343.34

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕПРАВОМЕРНОМУ ДОСТУПУ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Неправомерный доступ, компьютерная информация, компьютерные преступления, уголовно-правовое противодействие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования продиктована необходимостью анализа норм уголовного закона о преступлениях, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, объективных и субъективных признаков составов данных преступлений, уголовной ответственности за их совершение, а также необходимостью формулирования предложений по совершенствованию уголовно-правового противодействия такого вида деяниям. В статье анализируются особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. Подчеркивается высокий уровень неопределенности трактовки понятий, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, что вполне закономерно обуславливает отсутствие единообразной судебно-следственной практики применения данной статьи. Проведен анализ объективных и субъективных признаков рассматриваемого преступления. Обосновываются предложения по внесению изменений в действующее законодательство. **Методы.** Методологическую основу исследования составляют общие научные (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, сопоставление, сравнение) и частные научные методы юридического исследования (историко-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, системный). **Результаты.** Проведенное исследование показывает, что, несмотря на активную разработку вопросов практического применения положений ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации в отечественной науке, есть основания констатировать, что на сегодняшний день многие аспекты квалификации данного посягательства носят спорный и нормативно неразрешенный характер. Авторы предлагают внести в указанную статью кодекса дополнение, которое позволит правоприменителям более точно определять и квалифицировать преступления, связанные с незаконным доступом к компьютерной информации.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе информационные технологии и цифровизация играют весьма существенную роль, проникая в различные сферы жизни людей. Разнообразные виды коммуникации, повседневное общение, возможность быстрого и целенаправленного планирования

рабочих задач и полный незабываемых впечатлений досуг неразрывно связаны с компьютерной информацией. В процессе своей жизнедеятельности люди постоянно используют компьютерные технологии: для фотографирования, видеосъемки, аудиозаписи, быстрого обмена текстовыми и голосовыми сообщениями, документами, изобра-

Sergey V. VEKLENKO,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-8625-8656

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law

Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

veklenkov@mail.ru

Aleksey I. LOKNOV,

Cand. Sci. (Engineering), Associate Professor, ORCID 0000-0003-4425-1939

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Associate Professor of the Department of Information Security

info_for_aleksey@mail.ru

**IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION
TO ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION**

KEYWORDS. Unauthorized access, computer information, computer crimes, criminal legal counteraction.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the study is dictated by the need to analyze the norms of the criminal law on crimes related to unlawful access to computer information, objective and subjective signs of the composition of this crime, criminal liability and the need to formulate proposals to improve criminal law counteraction to this type of acts. The article analyzes the specifics of the qualification of the crime provided for in Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. The high level of uncertainty in the interpretation of concepts related to illegal access to computer information is emphasized, which quite naturally causes the lack of uniform judicial and investigative practice in the application of this article. The analysis of objective and subjective signs of such a crime is carried out. The proposals on amendments to the current legislation are substantiated. **Methods.** The methodological basis of the research is made up of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, classification, comparison, comparison) and private scientific methods of legal research (historical-legal, comparative legal, formal-logical, systemic). **Results.** The conducted research shows that despite the active development of issues of practical application of the provisions of Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation in domestic science, it should be noted that many aspects of the qualification of this attack are currently unresolved. The authors have proposed an addition that will allow law enforcement officers to more accurately define and qualify crimes related to illegal access to computer information.

жениями, управления финансами, осуществления денежных переводов и т.д. Наличие столь объемного информационного пространства подразумевает широкое использование компьютерной информации. В первую очередь, безусловно, в благих целях. Но вместе с тем актуализирует и активизирует противоправную деятельность недобросовестных личностей и целых преступных групп, связанную с неправомерным доступом к такой информации.

МЕТОДЫ

В настоящей статье изложены основные результаты проведенного авторами исследования. При его осуществлении применялись общие научные (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, сопоставление, сравнение) и частные научные методы юридического исследования (историко-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, системный).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Неправомерный доступ к компьютерной информации – общественно опасное деяние, непосредственно связанное с тем, что современные технологии – телефоны, компьютеры и другие технические устройства различного назначения (кассовые аппараты, смартфоны, планшеты, терминалы по приему платежей), а также информация, которую они передают и хранят, – не только затрагивают все сферы деятельности на-

шего общества, но и являются в высокой степени социально значимым благом, посягательство на которое должно преследоваться уголовным законом. Законность операций с данными, включая компьютерную информацию, а также работу компьютеров, их систем и сетей, в первую очередь зависит от наличия согласия и одобрения со стороны оператора или владельца этих данных и этой информации или техники, во вторую очередь – от соблюдения требований, предъявляемых к обработке и передаче информации, и правил эксплуатации компьютерной техники.

Проникновение в системы хранения и обработки компьютерной информации и незаконное ознакомление с ней может подорвать нормальный порядок выполнения банковских операций, создать помехи обороноспособности страны, нарушить деятельность системы социального обеспечения, привести к повреждению транспортной инфраструктуры и в конечном итоге нанести ущерб национальной безопасности¹. Именно поэтому уголовное законодательство наряду с законами из других отраслей права защищает законные процессы по сбору, хранению, поиску, обработке и передаче информации.

Законодатель не определяет содержание видового объекта преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», указывая лишь сферу

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.

охраняемых отношений. На основе результатов анализа структуры Уголовного кодекса Российской Федерации можно сделать вывод о том, что родовым объектом такого преступления являются общественные отношения по поводу общественной безопасности и общественного порядка [1, с. 174]. Под непосредственным объектом неправомерного доступа к компьютерной информации понимаются общественные отношения, обеспечивающие право обладателя компьютерной информации на ее безопасное создание, хранение, использование и передачу. Дополнительный объект преступления в данном случае факультативен, его наличие зависит от вида вреда, причиненного правам и законным интересам потерпевшего. Дополнительный объект – это общественные отношения, заслуживающие самостоятельной защиты применительно к целям и задачам издания конкретной нормы, которые охраняются законом лишь попутно, так как они неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при посягательстве на основной объект [2, с. 84]. Он повышает степень общественной опасности исследуемого преступления. Таковыми могут быть отношения в области права собственности, в области авторского права, личные права и свободы граждан, неприкосновенность частной жизни.

Большой научный и практический интерес вызывает вопрос об определении предмета неправомерного доступа к компьютерной информации. Под предметом преступления в отечественной уголовно-правовой науке обычно понимается элемент нормального правомерного общественного отношения, воздействуя на который, лицо нарушает (пытается нарушить) охраняемое законом общественное отношение [3, с. 41]. В последнее время в качестве предмета преступления ученые рассматривают не только материальные объекты, но и объекты нематериального мира. Например, П.А. Колмаков и В.В. Воробьев с учетом специфики и многообразности преступлений в сфере компьютерной информации считают, что необходим более широкий подход к определению предмета преступления. В зависимости от вида преступления его предметом следует видеть не только охраняемую законом компьютерную информацию, но и иную компьютерную информацию, а также аппаратно-технический комплекс ЭВМ, системы ЭВМ или их сети [4, с. 68]. А.Ф. Мицкевич и А.В. Сулопаров называют предметом преступлений изучаемой нами группы «данные» [5, с. 206]. В.Б. Вехов полагает, что предметом таких преступлений является машинная информация, компьютер, компьютерная система или компьютерная сеть [6, с. 79].

Несмотря на то, что ст. 272 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, является, согласно официальной статистике¹, наиболее востребованным и наиболее часто применяемым при квалификации

составом преступления из всех уголовно-правовых запретов гл. 28 УК РФ, проблемы с ее практическим применением остаются.

Как показывает практика, законодательство не поспевает за развитием современных технологий и возникновением все новых форм преступности [7, с. 78]. Среди последних, например, мошенничество с использованием электронной почты или сети Интернет, кража «цифровой личности», кража данных платежных карт и другой финансовой информации, хищение и перепродажа корпоративных данных, кибершантаж, атаки с использованием программ-вымогателей, криптоджекинг (майнинг криптовалют с использованием чужих информационных ресурсов) и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что при квалификации общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 272 УК РФ, вызывает серьезные затруднения неоднозначность трактовки понятия «неправомерный доступ к компьютерной информации» [8, с. 201].

Обратим внимание на то, что существуют различия в трактовке терминов «информация», «сведения», «сообщения», «данные». В то время как данные представляют собой объективные факты или сведения, информация возникает только у субъекта, который анализирует и сопоставляет эти данные со своими знаниями об объекте. То есть информация используется субъектом для принятия управленческих решений. С учетом этого применение термина «информация» в тех или иных контекстах с точки зрения науки информатики может считаться некорректным, однако в примечании к ст. 272 УК РФ законодатель между терминами «информация», «сведения», «сообщения», «данные» фактически поставил знак равенства.

Кроме того, остался неразрешенным вопрос о правильном толковании термина «охраняемая законом информация», что вполне закономерно обуславливает отсутствие единообразной судебно-следственной практики применения ст. 272 УК РФ. Некоторые суды, придерживаясь рекомендаций Генеральной прокуратуры Российской Федерации, указывают на то, что неправомерные манипуляции с открытой (общедоступной) информацией не подпадают под действие данной статьи [9, с. 302]. Вместе с тем все большее распространение стала получать позиция, согласно которой под охраняемой законом информацией следует понимать так называемую закрытую информацию, к которой относятся государственная, служебная, коммерческая, банковская, врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, персональные данные и другие виды тайн [10, с. 85]. По мнению А.Ю. Карамнова и М.Ю. Дворецкого пробелы законодательства способствуют безнаказанному созданию и распространению программ-вирусов [11, с. 169].

В Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в частности, указано, что по смыслу ст. 272 УК РФ охраняемой законом информацией являются лишь сведения,

¹ Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=ln60fdhccm646861487> (дата обращения: 10.11.2023).

в отношении которых установлен специальный режим правовой защиты (например государственная, служебная и коммерческая тайна, персональные данные)¹.

Так, Верховный Суд Чувашской Республики, отменяя обвинительный приговор в качестве вышестоящего суда, отметил следующее: «По смыслу закона под охраняемой законом понимается информация, для которой установлен специальный режим ее правовой защиты..., то есть информация ограниченного доступа... При этом судом сделаны выводы, что указанная информация (новости, советы логопеда, психолога и т.п.) охраняется законом – статьей 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»... Однако данные выводы противоречат содержанию вышеуказанных законодательных актов Российской Федерации... Информация на сайте, в редактировании и удалении которой признана виновной К., является общедоступной информацией, к которой относятся общеизвестные сведения и для которой отсутствует необходимость установления специального режима ее правовой защиты. Указанное закреплено и в пунктах 1.7 и 3.2 Положения о сайте МБДОУ "1", утвержденного Приказом заведующей учреждением, согласно которому информационный ресурс сайта является открытым и общедоступным, информация на сайте является открытой и общедоступной, если иное не определено специальными документами. При этом таковых в материалах уголовного дела не имеется»².

Компьютерная информация доступна только законным пользователям, то есть тем, кто имеет право использовать компьютерные системы. Это разрешение может быть предоставлено администратором базы данных.

Момент начала выполнения объективной стороны преступления, которым является неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, А.Ю. Решетников и Е.А. Рускевич определяют как «осуществление лицом действий, которые направлены на преодоление средств защиты информации и их нейтрализацию» [12, с. 87].

Стадиями совершения неправомерного доступа являются приготовление к преступлению (такие действия, как получение логинов и паролей, планирование технической стороны совершения преступления, подыскание специализированных программ для доступа) и покушение на преступление (действия, непосредственно направленные на получение доступа, ввод паролей, использование программ для получения доступа к информации). Начало деяния связано с совершением перечисленных действий.

Обязательный элемент объективной стороны состава преступления рассматриваемого вида –

последствия. Общественно опасное последствие – это такое вредное изменение в объекте уголовно-правовой охраны, которое предусмотрено УК РФ и наступает или может наступить в результате совершения преступления.

Статья 272 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное получение доступа к охраняемой информации, содержащейся в компьютерных системах. Само по себе проникновение в машинные носители (например для ознакомления с информацией путем прочтения) не является достаточным для квалификации преступления по данной статье. Согласно тому, как выстроена объективная сторона преступления в соответствии со ст. 272 УК РФ, совершение определенного деяния или наступление последствий, непосредственно предусмотренных законом, является обязательным. Это означает, что необходимо не только считать информацию, но и незаконно обрабатывать ее, чтобы совершать незаконные действия, такие как уничтожение, блокирование, изменение и копирование информации.

Следует заметить, что согласно ч. 1 ст. 272 УК РФ уголовная ответственность возникает только при неправомерном доступе к компьютерной информации, который обязательно сопровождается блокированием, уничтожением, копированием или модификацией информации.

Уничтожение информации заключается в удалении файла (поименованной области на диске или другом машинном носителе) без технической возможности восстановления. «Формы уничтожения также могут быть разнообразными. Главный признак уничтожения – информацию невозможно восстановить» [13, с. 102]. У.В. Зинина полагает, что если есть возможность восстановить информацию, то такое деяние должно признаваться покушением на преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ³. А.А. Гребеньков считает, что при уничтожении информации преступление считается оконченным, если данная информация восстановлению не подлежит [14, с. 26].

Блокирование информации – это мера, направленная на ограничение доступа к конкретным данным без их удаления. В отличие от полного стирания блокировка позволяет сохранить информацию, но делает ее недоступной для определенного пользователя или группы пользователей. Для блокировки могут использоваться различные методы, например такие, как установка паролей или перевод программы на специфичный для программирования язык, непонятный для неавторизованных лиц.

По мнению А.Г. Антонова и Д.В. Крюкова, проявление общественной опасности деяния рассматриваемого нами вида более очевидно в случае наступления последствий, отраженных в квали-

¹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: утв. Генпрокуратурой России от 30.05.2014 // СПС «Гарант».

² Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 03.06.2015 № 22-1054/2015 // Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru>.

³ Зинина У.В. Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

фицирующих признаках, установленных ч.ч. 2-4 ст. 272 УК РФ [15, с. 168].

Под модификацией понимается изменение программы или базы данных с целью оптимизации ее поведения на конкретном оборудовании пользователя или под управлением конкретной программы. Во время модификации программный код может быть изменен, могут быть добавлены новые функции, исправлены ошибки и улучшены рабочие параметры. Однако изменения должны быть необходимыми и не должны мешать работе программы или базы данных.

Использование «взломанной» или модифицированной программы без наличия других преступных действий не является составом преступления по ст. 272 УК РФ. Для образования состава данного преступления необходимо наличие незаконного доступа к компьютерной информации и ее модификации или копирования.

Декомпиляция программы для компьютеров или базы данных является процессом, отличающимся от модификации. Декомпиляция представляет собой преобразование машинного кода в исходный текст программы с целью изучения ее структуры и кодирования. Машинный код – это исходный текст, который был скомпилирован в символы, понятные компьютеру, в то время как сам по себе исходный текст является алгоритмом для обработки данных или управления ими, описанным на языке программирования.

Под копированием информации следует понимать процесс дублирования файла или системной области на диск.

Согласно действующей редакции ч. 1 ст. 272 УК РФ простое ознакомление или чтение информации без согласия владельца информации не является преступлением и не преследуется по уголовному законодательству, то есть не образует состава преступления.

Однако речь идет зачастую не о фактах незаконного любопытства и проявления безразличия к собственности других, что уже само по себе является неприемлемым в современном обществе, а о фактах грубого вмешательства в частную жизнь, способного привести к серьезным негативным последствиям как для индивидуальных лиц, так и для общества в целом. Необходимо четко понимать, что бывают ситуации, когда действия человека представляют угрозу обществу, являются общественно опасными, но при этом неправомерный доступ к компьютерной информации в их рамках был осуществлен исключительно для ознакомления с той или иной конкретной информацией.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем в ч. 1 ст. 272 УК РФ внести изменение, а именно дополнить ее формулировку после слова «повле-

кло» словами «несанкционированное ознакомление»:

«Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло несанкционированное ознакомление, уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, – ...»

Такое дополнение позволит правоприменителям более точно определять и квалифицировать преступления, связанные с незаконным доступом к компьютерной информации. Понятие «несанкционированное ознакомление» охватывает как случаи, когда лицо получает доступ к данным без согласия их владельца, так и случаи, когда доступ был предоставлен, но был совершен с иной целью, чем предполагалось изначально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что, несмотря на активную разработку вопросов практического применения положений ст. 272 УК РФ, в отечественной науке многие аспекты квалификации описанного в ней посягательства в настоящее время носят спорный и нормативно неразрешенный характер.

Причинно-следственная связь является ключевым элементом при привлечении лиц к ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации. Доказательства должны подтверждать, что действия виновного лица напрямую привели к наступившим последствиям, указанным в законе. Для этого часто требуется проведение тщательного технического анализа компьютерных систем и сетей, а также сбор и анализ цифровых доказательств. Это позволяет установить не только факт несанкционированного доступа, но и связать его с конкретным лицом или группой лиц. Иными словами, должно быть установлено, что несанкционированный доступ привел к указанным последствиям, что поведение виновного реально могло привести к этим последствиям и что это поведение явилось основной причиной наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, изменения или копирования информации.

Законодательное закрепление предложенного нами дополнения частично поможет устранить давно назревшую необходимость внесения изменений в действующее законодательство. Однако оно не решит все имеющиеся проблемы правового и организационного характера, касающиеся применения на практике ст. 272 УК РФ. Некоторые положения законодательных и иных нормативных правовых актов необходимо совершенствовать, устраняя существующие между ними противоречия, вызывающие неоднозначное толкование норм, представленных в ст. 272 УК РФ, не только правоприменителями, но и рядом ученых. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Клещева А.С. Особенности объекта и предмета преступлений в сфере компьютерной информации // Материалы национальной научно-практической конференции. Чита, 2018. С. 173-177.
2. Ораздурдыев А.М. Характеристика объекта составного преступления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 75. С. 80-85.
3. Динека В.И., Жабский В.А., Денисенко М.В. Предмет преступления в уголовном праве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 1 (64). С. 40-47.

4. Колмаков П.А., Воробьев В.В. К вопросу о содержании и объеме предмета преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 66-69.
5. Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206-209.
6. Вехов В.Б. Преступления, связанные с неправомерным использованием баз данных и содержащейся в них компьютерной информации // Защита информации. Инсайд. 2008. № 2 (20). С. 78-81.
7. Зайцева С.Е., Сосновская С.Р. Исследование и анализ уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы современной науки: сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21 апреля 2023 г. СПб, 2023. С. 78-83.
8. Зайцев В.С., Горбань В.С. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции: в 2-х т. Чебоксары, 2016. Т. 2. С. 200-204.
9. Демин Д.В. Проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации // E-Scio. 2022. № 8 (71). С. 301-305.
10. Русскевич Е.А. О проблемах квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 85-91.
11. Карамнов А.Ю., Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 165-169.
12. Решетников А.Ю., Русскевич Е.А. Некоторые вопросы квалификации неоконченных преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 86-95.
13. Халиуллин А.И. Уголовно-правовой аспект неправомерного уничтожения компьютерной информации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2 (14). С. 100-105.
14. Гребеньков А.А. Уничтожение компьютерной информации как информационное преступление // Апробация. 2016. № 7 (46). С. 26-27.
15. Антонов А.Г., Крюков Д.В. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшего ее блокирование // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 168-179.

REFERENCES

1. Kleshcheva A.S. Osobennosti ob»ekta i predmeta prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Materialy nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, 8 dekabrya 2017 g. Chita: Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 173-177.
2. Orazdurdyev A.M. Harakteristika ob»ekta sostavnogo prestupleniya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2011. № 75. S. 80-85.
3. Dineka V.I., Zhabskij V.A., Denisenko M.V. Predmet prestupleniya v ugodovnom prave // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2022. № 1 (64). S. 40-47.
4. Kolmakov P.A., Vorob'ev V.V. K voprosu o sodержanii i ob»eme predmeta prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3 (122). S. 66-69.
5. Mickevich A.F., Susloparov A.V. Ponyatie komp'yuternoj informacii po rossijskomu i zarubezhnomu ugodovnomu pravu // Probely v Rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 2. S. 206-209.
6. Vekhov V.B. Prestupleniya, svyazannye s nepravomernym ispol'zovaniem baz dannyh i sodержashchejsya v nih komp'yuternoj informacii // Zashchita informacii. Insajd. 2008. № 2 (20). S. 78-81.
7. Zajceva S.E., Sosnovskaya S.R. Issledovanie i analiz ugodovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21 aprelya 2023 g. Sankt-Peterburg, 2023. S. 78-83.
8. Zajcev V.S., Gorban' V.S. Problemy kvalifikacii prestupleniya, predusmotrennogo st. 272 UK RF // Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiya. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h t. Cheboksary, 2016. T. 2. S. 200-204.
9. Demin D.V. Problemy kvalifikacii nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // E-Scio. 2022. № 8 (71). S. 301-305.
10. Russkevich E.A. O problemah kvalifikacii nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // Ugodovnoe pravo. 2017. № 5. S. 85-91.
11. Karamnov A.Yu., Dvoreckij M.Yu. Ugodovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii v Rossii i zarubezhnyh gosudarstvah // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2011. № 2. S. 165-169.
12. Reshetnikov A.Yu., Russkevich E.A. Nekotorye voprosy kvalifikacii neokonchennyh prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Ugodovnoe pravo. 2018. № 2. S. 86-95.
13. Haliullin A.I. Ugodovno-pravovoj aspekt nepravomernogo unichtozheniya komp'yuternoj informacii // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2013. № 2 (14). S. 100-105.
14. Greben'kov A.A. Unichtozhenie komp'yuternoj informacii kak informacionnoe prestuplenie // Aprobaciya. 2016. № 7 (46). S. 26-27.

15. Antonov A.G., Kryukov D.V. К вопросу об общественной опасности неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшего ее блокирование // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С. 168-179.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Векленко С.В., Локнов А.И., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Векленко С.В., Локнов А.И. Совершенствование уголовно-правового противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 9-15.

Александр Викторович КУРСАЕВ,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-9571-8207
Договорно-правовой департамент МВД России (г. Москва)
главный эксперт-специалист
kursaevo@list.ru

Научная статья
УДК 343.57:343.231

УНИЧТОЖЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ПОВЛЕКШЕЕ ИХ УТРАТУ: ПРЕДЕЛЫ ПРЕСТУПНОГО

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, уничтожение, утрата, преступный вред, здоровье населения, привлечение к уголовной ответственности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы допустимости привлечения к уголовной ответственности за уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по ст. 228.2 УК РФ. Проблема отграничения преступной утраты наркотических средств от их непроступного уничтожения актуальна для сферы медицинской деятельности, где распространены случаи потери наркосодержащих медицинских препаратов. Обращается внимание на то, что в подобных случаях уничтожение является преступным, если оно нарушает общественные отношения по обеспечению здоровья населения. **Методы.** Методологической основой проведенного автором статьи исследования являлся системный подход. Использованы общенаучные (функциональный метод, метод теоретического моделирования, метод построения гипотез) и специальные (формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод) методы правовых исследований. **Результаты.** Исследование показало, что случаи уничтожения наркотических средств и психотропных веществ по неосторожности, не повлекшие перехода данных средств и веществ в обладание посторонним лицам, не являются уголовно наказуемыми. Подчеркнуто, что неосторожная утрата наркотического средства или психотропного вещества может являться преступной, если она привела к потере возможности дальнейшего управления процессом их использования, в том числе создала условия для поступления таких средств и веществ в распоряжение постороннего лица. Проанализировано примечание к ст. 228.2 УК РФ, ограничивающее сферу действия данной статьи уголовного закона.

ВВЕДЕНИЕ

В целях борьбы с немедицинским потреблением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – наркотические средства, если иное не оговорено особо) в уголовный закон включено несколько составов преступлений, предусматривающих ответственность за деяния, так или иначе связанные с такими средствами. Действие этих норм Уголовного кодекса Российской Федерации призвано содействовать снижению последствий немедицинского потребления наркотиков, а также разрушению организационных и финансовых основ преступного их оборота. К числу таких норм относятся и те, которые закреплены в ст. 228.2 УК РФ. В этой статье определена уголовная ответственность за нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтоже-

ния наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, повлекшее их утрату.

Подходы законодателя к уголовно-правовой оценке всевозможных случаев незаконного распространения, оборота и потребления наркотических средств часто изменяются, что настоятельно требует оперативности в деятельности по выработке предложений, касающихся квалификации преступлений данного вида. Поскольку квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств нередко вызывает затруднения, вопросы, связанные с уяснением некоторых признаков таких преступлений, относятся к числу наиболее актуальных и обсуждаемых в уголовно-правовой литературе [1, 2, 3, 4, 5]. Одним из них является вопрос о разграничении преступного уничтожения наркотических средств и случаев их уничтожения, граничащих с их утратой, когда привлечение к уголовной ответственности представляется нецелесообразным.

Alexander V. KURSAEV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0001-9571-8207
Legal and Treaty Department of the Ministry
of Interior of Russia (Moscow, Russia)
Chief Expert-Specialist
kursaev@list.ru

DESTRUCTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, RESULTING IN THEIR LOSS: THE LIMITS OF CRIMINAL

KEYWORDS. Narcotic drugs, psychotropic substances, precursors, destruction, loss, criminal harm, public health, criminal prosecution.

ANNOTATION. Introduction. The article discusses the admissibility of bringing to criminal liability for the destruction of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors under Art. 228.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problem of distinguishing the criminal loss of narcotic drugs from their non-criminal destruction is relevant for the field of medical activity, where cases of loss of narcotic-containing medications are common. Attention is drawn to the fact that in such cases destruction is criminal if it violates public relations to ensure public health. **Methods.** The methodological basis of the research conducted by the author of the article was a systematic approach. General scientific (functional method, theoretical modeling method, hypothesis construction method) and special (formal legal method, comparative legal method) methods of legal research were used. **Results.** The study showed that cases of destruction of narcotic drugs and psychotropic substances through negligence, which did not result in the transfer of these drugs and substances into the possession of third parties, are not criminally punishable. It is emphasized that the careless loss of a narcotic drug or psychotropic substance can be criminal if it leads to the loss of the ability to further manage the process of their use, including creating conditions for the receipt of such drugs and substances at the disposal of an unauthorized person. Analyzed the note to Art. 228.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which limits the scope of this article of the criminal law.

МЕТОДЫ

Методологической основой проведенного нами исследования являлся системный подход. Используются общенаучные (функциональный метод, метод теоретического моделирования, метод построения гипотез) и специальные (формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод) методы правовых исследований. Применялся метод исследования юридического текста (герменевтика).

ОБСУЖДЕНИЕ

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 21 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ (далее – постановление Пленума № 14) разъяснено, что под утратой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров следует понимать их фактическое выбытие из законного владения, пользования или распоряжения либо такое повреждение оборудования или инструментов, которое исключает в дальнейшем их использование по прямому назначению, если указанные последствия находились в причинной связи с нарушениями, допущенными лицом, в обязанности которого входило соблюдение соответствующих правил.

Таким образом, утрата наркотического средства означает, что оно перестало находиться в месте постоянного хранения или у лица, которое по роду своей профессиональной деятельности

обязано обеспечивать его сохранность. Владелец наркотического средства не имеет возможности осуществлять за ним фактический контроль, а у посторонних лиц, которые завладели наркотическим средством, появляется реальная возможность его использования по своему усмотрению.

При этом необходимо обратить внимание на то, что преступная утрата наркотического средства предполагает только ситуацию, когда оно находится у его владельца на законном основании. Как правило, такие ситуации имеют место при утрате наркотического средства, используемого в медицинских или ветеринарных целях. Поэтому в данном случае очевидно наличие специального субъекта преступления, что ограничивает круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за допущенные нарушения, и сферу действия запрета.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что легальное толкование термина «утрата» применительно к ст. 228.2 УК РФ, сформулированное высшей судебной инстанцией, не означает прекращения дискуссий по вопросу содержания этого понятия.

Разъяснения, которые дал Верховный Суд Российской Федерации, позволили определить перечень случаев утраты, в которых с учетом общественной опасности содеянного виновный должен быть привлечен к уголовной ответственности. Так, например, судебная практика в качестве утраты наркотических средств по ч. 1 ст. 228.2 УК РФ рассматривает:

¹ Опубликовано: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

- недостачу наркосодержащих лекарственных препаратов, вверенных медицинскому работнику¹;

- нарушение правил передачи лекарственного препарата в виде ампулы с наркосодержащим средством лечащему врачу, который, используя это обстоятельство, сделал укол препарата себе, а не больному²;

- оставление без наблюдения в свободном для доступа посторонних лиц месте наркотических средств, что повлекло их утрату³;

- потерю в результате несоблюдения правил хранения наркосодержащего медицинского препарата на территории лечебного учреждения, приведшую к опасности присваивания его посторонними лицами⁴.

Этот перечень, несмотря на своеобразие и особенности каждой из описанных ситуаций, позволяет установить две формы совершения деяния, которые судебная практика рассматривает в качестве типичных и достаточных по набору уголовно-правовых признаков для привлечения виновного к уголовной ответственности за утрату наркотического средства. Такими формами являются:

1) неосторожная утрата (потеря) наркотического средства;

2) оставление наркотического средства без надлежащего контроля, что привело к противоправному завладению им посторонним лицом.

На данные формы совершения деяния как на типичные примеры преступной утраты наркотических средств обращается внимание и в научной литературе, например Д.В. Токманцевым [6, с. 44-45]. Утрата здесь выступает синонимом потери наркотического средства в результате неосторожного несоблюдения правил по обеспечению его сохранности.

Однако существует возможность совершения утраты и в третьей форме, когда наркотическое средство по ошибке передается иному лицу, в действительности не имеющему права на его получение. Такая утрата может иметь место в результате ошибочного отпуска или продажи наркосодержащего медицинского препарата лицу, не имеющему соответствующего права на его получение (рецепта, разрешения).

Все указанные случаи объединяет одно обстоятельство – наркотическое средство сохраняется как физическая субстанция, однако законный владелец не располагает сведениями о его дальнейшей судьбе. Даже если наркотик не используется сразу в противоправных целях, создается опасность такого его использования. Поставление в этом случае под угрозу отношений в сфере здоровья населения [7] и выступает самостоятельным и достаточным основанием для криминализации такой формы совершения деяния, как утрата наркотического средства.

Обратим внимание на то, что могут иметь место ситуации, когда наркотическое средство в результате неосторожного обращения с ним было достоверно уничтожено. Здесь также наркотик более не находится во владении его собственника, что делает эти ситуации схожими с другими случаями утраты. Более того, обстоятельства утраты наркотического средства в данных ситуациях не противоречат содержащимся в п. 21 постановления Пленума № 14 критериям утраты-преступления: наркотическое средство здесь также выбывает из законного владения собственника, который лишается возможности его дальнейшего использования в своих интересах.

Однако в подобных ситуациях наркотическое средство не может поступить в оборот, и отношения в сфере общественного здоровья не подвергаются угрозе: распространения наркотического средства не происходит. В связи с этим возникает вопрос об уголовно-правовой оценке ситуации утраты наркотического средства в форме его уничтожения.

Некоторые суды соглашались с квалификацией органов предварительного следствия и выносили обвинительные приговоры за действия по уничтожению наркотических средств, рассматривая их как совершение утраты. Например, по ст. 228.2 УК РФ были квалифицированы действия виновного, который неосторожно разбил ампулу с наркосодержащим лекарственным веществом, в результате чего ее содержимое разлилось⁵. По другому делу как совершение утраты были квалифицированы действия лица, вылившего остатки медицинского препарата с наркосодержащим веществом в канализацию⁶.

Еще одна существенная проблема состоит в том, что диспозиция ст. 228.2 УК РФ не связывает преступность закрепленных в ней форм преступного деяния с размерными показателями наркотического средства. Нарушение правил оборота наркотических средств (будь то их отпуск, уничтожение или приобретение) с точки зрения уголовного закона является преступным вне зависимости от их вида и количества. Законодателем не закреплено никакой связи между формой деяния и количеством наркотика, при котором это деяние признается преступным. УК РФ какой-либо дифференциации по данному вопросу не проводит.

Такой чрезмерно репрессивный подход уголовного закона к ответственности за утрату наркотического средства по ст. 228.2 УК РФ, по нашему мнению, не может быть поддержан. В данном случае необходимо исходить из правовой природы запрета, предусмотренного рассматриваемой уголовно-правовой нормой. Функция криминализации утраты наркотического средства заключается в создании условий, препятствующих использованию наркотика тем, кто нашел его, путем личного потребления или введения в незаконный

¹ См.: Постановление Новосибирского районного суда Новосибирской области от 26.04.2011 № 1-436/11.

² См.: Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области от 25.03.2013 № 1-77/2013.

³ См.: Приговор Пушкинского городского суда Московской области от 02.06.2010 № 1-37/2010.

⁴ См.: Приговор Новоспаского районного суда Ульяновской области от 17.11.2011 № 1-1051/2011.

⁵ Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи от 14.03.2011 № 1-79/2011.

⁶ Приговор Химкинского городского суда Московской области от 23.09.2011 № 1-147/2011.

оборот. Цели обеспечения сохранности наркотического средства являются факультативными, вспомогательными.

К тем же выводам мы приходим, рассматривая общественные отношения, которые поставлены под охрану ст. 228.2 УК РФ. В качестве объекта уголовно-правовой охраны здесь выступают отношения, связанные с обеспечением здоровья населения, а не отношения собственности, касающиеся защиты чужого имущества. Данное суждение находит отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации, который в определении по одному из дел подчеркнул, что объектом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является здоровье населения, поэтому преступными являются только деяния, связанные с немедицинским потреблением их людьми¹.

Такого же мнения придерживается и М.А. Любавина, которая отмечает, что при отсутствии посягательства на общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотических средств, отсутствует и состав преступления, предусмотренный ст. 228.2 УК РФ [8, с. 325].

В данном случае следует согласиться с А.В. Бриллиантовым, который указал на то, что в ст. 228.2 УК РФ говорится не о самом уничтожении наркотических средств или психотропных веществ, а о нарушении правил их уничтожения [9, с. 18-19].

Таким образом, есть основания говорить о том, что целевое предназначение ст. 228.2 УК РФ заключается в установлении уголовной ответственности за деяния, совершенные в ситуациях, когда нарушение правил обращения с наркотическими средствами привело к их утрате, что создало возможность для их дальнейшего использования посторонними лицами путем личного потребления или вовлечения в оборот. Социально-правовая обусловленность уголовно-правового запрета состоит в пресечении возможности создания в результате утраты наркотического средства угрозы наступления вредных последствий для охраняемых общественных отношений, связанных с обеспечением здоровья населения.

При определении соотношения понятий «уничтожение наркотического средства» и «утрата наркотического средства» следует исходить из того, что уничтожение может рассматриваться как частный случай утраты. Однако утрата в этом случае приобретает принципиально иное свойство. Так, если при обычной утрате возможен переход наркотического средства во владение иного лица, то при утрате в форме уничтожении наркотик полностью прекращает свое существование как материальная субстанция. Исчезают и негативные свойства наркотического вещества, обуславливающие уголовную ответственность за противоправные манипуляции с ним. Уничтоженное наркотическое средство не может стать причиной неблагоприятных для здоровья населения последствий.

Сформулированные выше суждения подтверждаются и тем обстоятельством, что диспозиция ст. 228.2 УК РФ разграничивает понятия «уничтожение» и «утрата». Они не являются синонимичными и имеют разное правовое содержание.

В связи с этим полагаем, что всевозможные деяния, результатом которых оказалось уничтожение наркотического средства по неосторожности (выливание в канализацию, рассеивание на ветру и прочее), не являются уголовно наказуемыми, так как не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, в силу отсутствия негативного воздействия на объект преступления. При подобных обстоятельствах причинение кому-либо вреда принципиально исключено. Этим уничтожение наркотического средства отличается от его утраты: в случае утраты происходит поставление в опасность объекта, на который осуществляется посягательство, и имеются общественно опасные последствия нарушения правил обращения с наркотическими средствами.

На аналогичные доводы, свидетельствующие о том, что не во всех случаях уничтожение наркотического средства является его утратой в понимании, закрепленном в ст. 228.2 УК РФ в качестве последствия преступления, неоднократно обращали внимание представители научного сообщества, например Д.В. Токманцев [10, с. 75], В.А. Новиков [11, с. 252-253], М.А. Любавина [8, с. 326-327] и другие.

Подобные выводы находили отражение и в судебной практике: неоднократно суды не соглашались с формальным подходом со стороны органов предварительного расследования и обращали внимание на то, может ли утрата наркотического средства являться причиной ущерба отношениям в сфере здоровья населения. Так, по одному из уголовных дел судом было установлено, что гражданка О., замещающая должность медицинской сестры, сделала больному укол медицинского препарата кетамина (75 мг). При этом его остатки в количестве 25 мг она вылила в раковину для мытья рук. Акт о списании данного психотропного вещества О. составлен не был. Суд посчитал, что в действиях О. отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, и вынес в отношении нее оправдательный приговор².

Кроме того, следует учитывать, что в процессах противодействия наркотическим преступлениям ст. 228.2 УК РФ играет вспомогательную роль, поскольку в борьбе с криминальным оборотом наркотических средств в первую очередь применяется ст. 228.1 УК РФ. На общее состояние противодействия наркотизации населения ст. 228.2 УК РФ оказывает только косвенное воздействие. Субъектом преступления по ст. 228.2 УК РФ являются не наркоторговцы, а медицинские работники и другие лица, профессиональная деятельность которых сопряжена тем или иным образом с использованием наркосодержащих препаратов и субстанций. Поэтому по ст. 228.2 УК РФ вполне обоснованным представляется наказывать

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 67-Д11-10.

² Кассационное определение судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда от 06.12.2011 № 22-8604/2011.

не любое нарушение правил оборота наркотических средств, а только такое, которое связано с негативными последствиями для объекта преступления.

Чрезмерная жесткость уголовной ответственности, предусмотренной для врачей, работа которых связана с выпиской рецептов и предоставлением пациентам наркосодержащих лекарственных препаратов, может привести к негативному эффекту, выражающемуся и создании препятствия гражданам в реализации ими права на получение медицинской помощи. Особенно актуально это в отношении пациентов, которым оказывается паллиативная медицинская помощь.

Более того, на такой аспект обращается внимание и государственными органами в актах долгосрочного планирования. В частности, в одном из распоряжений Правительства Российской Федерации указано на необходимость упрощения процедурных аспектов, связанных с назначением наркотических лекарственных препаратов, и декриминализации деяний медицинских и фармацевтических работников, заключающихся в допущении нарушений в процессе осуществления ими профессиональной деятельности правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, последствия которых не представляют общественной опасности¹.

Для уничтожения наркотических средств нехарактерны корыстные мотивы (ч. 2 ст. 228.2 УК РФ), наличие которых свидетельствует о повышенной общественной опасности содеянного и даже может выступать в качестве криминообразующего признака отдельных составов преступлений (например ст.ст. 145.1, 153, 154 и 155 УК РФ).

С учетом вышеизложенного есть основания говорить о том, что утрата наркотического средства может образовывать состав преступления по ст. 228.2 УК РФ в случае совокупного наличия следующих четырех обязательных признаков:

- 1) имеет место потеря наркотического средства лицом, которому оно было вверено и которое обязано было осуществлять за ним контроль;
- 2) владелец утратил возможность управлять процессами использования данного средства;
- 3) имеет место факт поступления наркотического средства в распоряжение постороннего лица или возникают условия для этого;
- 4) утрата наркотического средства обусловлена преступной неосторожностью.

Третий признак охватывает, по нашему мнению, и те случаи, когда отследить дальнейшую судьбу наркотического средства после его утраты не представляется возможным.

На то, что случаи неосторожной утраты наркотических средств в процессе их использования, при которых исключается возможность их попадания в руки посторонних, не могут рассматриваться в качестве преступлений, было обращено внимание Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе встречи с представителями

общественности в г. Светлогорске Калининградской области 31 октября 2019 года. По итогам той встречи и обсуждения проблематики, связанной с подобными ситуациями, МВД России было дано поручение о разработке соответствующего законодательного акта (подп. «к» п. 1 перечня поручений от 8 января 2020 г. № Пр-27).

Министерством в целях выполнения этого поручения был разработан законопроект, на основе которого принят Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 259-ФЗ «О внесении изменения в статью 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»². Этим федеральным законом ст. 228.2 УК РФ была дополнена примечанием, согласно которому действие данной статьи кодекса не распространяется на нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенные по неосторожности при осуществлении медицинской деятельности и повлекшие утрату этих средств и веществ, если такая утрата не причинила вреда охраняемым уголовным законом интересам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По итогам анализа рассматриваемой нами правовой нормы необходимо отметить следующее.

Во-первых, она касается нарушения правил оборота только наркотических средств или психотропных веществ, а не иных предметов преступления, предусмотренных ст. 228.2 УК РФ, в виде прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, в отношении которых действует специальный контроль, а также растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры.

Во-вторых, законодатель специально установил, что утрата наркотических средств для целей применения примечания к ст. 228.2 УК РФ может осуществляться только с неосторожной формой вины. Если же уничтожение наркотических средств было произведено умышленно, то уголовная ответственность за содеянное наступает на общих основаниях.

В-третьих, ограничена сфера действия примечания к ст. 228.2 УК РФ. Оно может применяться только в случае, когда деяние совершено при осуществлении медицинской деятельности, в рамках которой наиболее часто и происходят такие эксцессы. Законодатель определил здесь специального субъекта, действия которого могут признаваться неприступными. Таковым является медицинский работник [12, 13]. Данное решение законодателя представляется вполне справедливым, поскольку, по нашему мнению, вряд ли целесообразно привлекать к уголовной ответственности медицинского работника за утрату наркосодержащего медицинского препарата. Это деяние не обладает таким уровнем общественной опасности, при наличии которого можно говорить о совершении преступления.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.07.2016 № 1403-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение доступности наркотических средств и психотропных веществ для использования в медицинских целях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 29. Ст. 4849.

² Опубликован: Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5087.

И наконец необходимо отметить, что рассматриваемая нами утрата наркотических средств не должна причинять вреда охраняемым уголовным законом интересам. Иными словами, отсутствует причиняющее вред влияние допущенных нарушений на общественные отношения в сфере здоровья населения.

Факт утраты наркотического средства должен быть зафиксирован и установлен комиссией в порядке, определенном ведомственным правовым актом Минздрава России, принятым по согласованию с МВД России. Таким правовым актом является приказ Минздрава России от 22 октября 2021 г. № 1005н «Об утверждении Порядка фиксации комиссией фактов утраты наркотических средств и (или) психотропных веществ, совершенной при осуществлении медицинской деятельности»¹.

Как отмечают А.И. Ролик, Л.И. Романова и А.В. Федоров, такое нормативно-правовое решение соответствует рекомендациям международного комитета под контролём над наркотиками, который признает одной из причин ограничения доступности наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях наличие правовых санкций за непреднамеренные ошибки при обращении с опиоидными анальгетиками².

Ранее подобные эксцессы, связанные с утратой наркосодержащих медицинских препаратов, повлекшей их уничтожение, теоретически могли признаваться малозначительными деяниями (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [14]. Однако очевидно, что такой подход не был оптимальным, так как оставлял решение вопроса об исключении уголовной ответственности на усмотрение правоприменителя. С учетом ориентации уголовной политики на борьбу с оборотом наркотических средств правоприменителю, а иногда и суду было трудно решиться на неформальное применение уголовного закона и признать произошедшую утрату наркотического средства путем его уничтожения непроступным деянием.

Проанализированные нами изменения уголовного закона позволили обеспечить определенность уголовно-правового запрета по ст. 228.2 УК РФ и более полно отграничить общественно опасную утрату наркотического средства, завершившуюся его уничтожением, от непроступных эксцессов. Примечание к ст. 228.2 УК РФ устраняет опасность необоснованного привлечения

к уголовной ответственности за непреднамеренные ошибки при обращении с наркотическими средствами, не связанные с поступлением таких средств в нелегальный оборот. В то же время не исключается возможность применения при наличии соответствующих условий иных видов юридической ответственности. Так, за уничтожение наркотического средства возможно привлечение к административной (ст. 6.16 КоАП РФ), дисциплинарной или материальной ответственности.

Правовая природа примечания к ст. 228.2 УК РФ среди всех иных примечаний к статьям Особенной части УК РФ уникальна. В отличие от большинства иных примечаний оно не закрепляет частный случай освобождения от уголовной ответственности [14], а представляет собой уточнение сферы действия уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 228.2 УК РФ, путем ограничения сферы преступного. В целом такое оформление решения законодателя, хотя оно и является новым в юридической технике российского уголовного закона, следует оценивать только положительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На момент принятия УК РФ в него было включено семь статей, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и иных опасных для здоровья человека веществ (ст.ст. 228-234). В настоящее время количество таких статей в уголовном законе увеличилось до 15 (ст.ст. 228-234.1 УК РФ). Это обстоятельство свидетельствует о существенном увеличении объема криминализации деяний в сфере защиты здоровья населения от последствий незаконного оборота наркотических средств. Изменения, вносимые в законодательство, касающиеся данной сферы, как правило, обусловлены необходимостью его совершенствования. Имеет место ужесточение уголовной ответственности за действия, повлекшие распространение наркотических средств, при одновременном освобождении от нее тех лиц, которые не связаны с криминальным оборотом наркосодержащих субстанций. Примечание к ст. 228.2 УК РФ отражает данную тенденцию, так как позволяет более последовательно разграничивать криминальный оборот наркотических средств и иные нарушения, не представляющие серьезной общественной опасности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зазулин Г.В. Антинаркотическая политика в России. СПб: Юридический центр-Пресс, 2013. 327 с.
2. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты. СПб: Юридический центр-Пресс, 2003. 427 с.
3. Малинин В.Б., Клименко Т.М. Преступления в сфере обращения наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств. СПб: Юридический центр-Пресс, 2018. 300 с.
4. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 284 с.
5. Бурлаков В. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ: особенности состава преступления и его квалификация // Уголовное право. 2012. № 2. С. 19-23.

¹ Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 29.11.2021.

² Цит. по: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. VII. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. А.И. Коробеева. СПб: Юридический центр - Академия, 2021. С. 339.

6. Токманцев Д. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 3. С. 43-47.
7. Алтунин Т.В. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного статьей 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 7. С. 80-83.
8. Любавина М.А. Уголовно-правовое противодействие наркотизму: закон, теория, практика. М.: Юрлитинформ, 2021. 752 с.
9. Бриллиантов А. Квалификация действий по уничтожению наркотических средств // Законность. 2008. № 6. С. 17-20.
10. Токманцев Д.В. Объект нарушений правил оборота наркотических средств // Современное право. 2017. № 6. С. 74-78.
11. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил: Монография / Авт. колл.: Андрианов В.К., Боровиков В.Б., Мотин О.А., Новиков В.А. и др.; под. ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Российский государственный университет правосудия, 2018. 467 с.
12. Токманцев Д.В. Специальные признаки субъекта нарушения правил оборота наркотиков (ст. 228.2 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 4. С. 77-84.
13. Бимбинов А.А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Уголовное право. 2019. № 6. С. 4-10.
14. Шалагин А.Е. Преступления в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (уголовно-правовой и криминологический аспект) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 36-40.
15. Голенко Д.В. Примечания к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 67-75.

REFERENCES

1. Zazulin G.V. Antinarkoticheskaya politika v Rossii. SPb: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2013. 327 s.
2. Kurchenko V.N. Protivodeystviye nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: ugovolno-pravovoy i ugovolno-protsessual'nyye aspekty. SPb: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2003. 427 s.
3. Malinin V.B., Klimenko T.M. Prestupleniya v sfere obrashcheniya narkoticheskikh, psikhotropnykh, yadovitykh i inykh sil'nodeystvuyushchikh sredstv. SPb: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2018. 300 s.
4. Prokhorova M.L. Narkotizm: ugovolno-pravovoye i kriminologicheskoye issledovaniye. SPb: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. 284 s.
5. Burlakov V. Narusheniye pravil oborota narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv: osobennosti sostava prestupleniya i yego kvalifikatsiya // Ugolovnoye pravo. 2012. № 2. S. 19-23.
6. Tokmantsev D. Obshchestvenno opasnyye posledstviya kak priznak ob'yektivnoy storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 228.2 UK RF // Ugolovnoye pravo. 2013. № 3. S. 43-47.
7. Altunin T.V. K voprosu ob ob'yekte prestupleniya, predusmotrennogo stat'yey 228.2 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. № 7. S. 80-83.
8. Lyubavina M.A. Ugolovno-pravovoye protivodeystviye narkotizmu: zakon, teoriya, praktika. M.: Yurilitinform, 2021. 752 s.
9. Brilliantov A. Kvalifikatsiya deystviy po unichtozheniyu narkoticheskikh sredstv // Zakonnost'. 2008. № 6. S. 17-20.
10. Tokmantsev D.V. Ob'yekt narusheniya pravil oborota narkoticheskikh sredstv // Sovremennoye pravo. 2017. № 6. S. 74-78.
11. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannyye s narusheniyem spetsial'nykh pravil: Monografiya / Avt. koll.: Andrianov V.K., Borovikov V.B., Motin O.A., Novikov V.A. i dr.; pod. red. Yu. Ye. Pudovochkina. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2018. 467 s.
12. Tokmantsev D.V. Spetsial'nyye priznaki sub'yekta narusheniya pravil oborota narkotikov (st. 228.2 UK RF) // Ugolovnoye pravo. 2016. № 4. S. 77-84.
13. Bimbinov A.A. Analiz praktiki privlecheniya meditsinskikh rabotnikov k ugovolnoy otvetstvennosti: nekotoryye vyvody // Ugolovnoye pravo. 2019. № 6. S. 4-10.
14. Shalagin A. Ye. Prestupleniya v sfere legal'nogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekt) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4 (18). S. 36-40.
15. Golenko D.V. Primechaniya k stat'yam Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2022. № 2. S. 67-75.

© Курсаев А.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Курсаев А.В. Уничтожение наркотических средств и психотропных веществ, повлекшее их утрату: пределы преступного // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 16-22.

Оксана Николаевна ПАХОМОВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0009-0003-9830-0449
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
oksana.39rus@mail.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Административная преюдиция, признаки состава преступления, неоднократность, злостность, уголовная ответственность, правовая регламентация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время происходит масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, имеющих административную преюдицию. Однако такая широкая, но не системная модернизация, как показывает проведенный автором статьи анализ, сопровождается отсутствием единообразного подхода юридической техники к новациям в данной сфере, что оборачивается ошибками в толковании и правоприменении. *Методы.* В ходе исследования применялись общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. *Результаты.* Обращено внимание на то, что понятие и признаки административной преюдиции в уголовном законе не регламентированы, они раскрываются в доктрине и рекомендациях правоприменительных органов. Административная преюдиция используется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в конструктивные особенности состава преступления «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых, «неоднократности», и, в-третьих, «злостности». Анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации позволил выявить непоследовательность применения в нем признаков «неоднократности» и «злостности». Они, во-первых, являются самостоятельными признаками основного состава преступления (ст.ст. 154, 180, 177 УК РФ), во-вторых – признаками состава с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих – признаками состава с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяются законодателем в Общей части кодекса (для описания общих положений, относящихся к институту наказания, например в ч. 5 ст. 46 УК РФ и др.). В целях совершенствования и систематизации уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, автор предлагает закрепить общее понятие и признаки данного правового института в рамках Общей части УК РФ. Кроме того, в ряде норм Особенной части УК РФ предложено заменить признаки «неоднократное» и «злостное» на формулировку следующего содержания: «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

ВВЕДЕНИЕ

Административная преюдиция, несмотря на долгую историю существования в отечественном уголовном праве и законодательстве, остается для науки и правоприменения одним из наиболее дискуссионных правовых институтов. Отчасти такое положение обусловлено тем, что в действующем законодательстве нет определения понятия и описания признаков административной преюдиции как полноценного уголовно-правового института. И это при том, что данный инструмент в последнее время ши-

роко внедряется в нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Концепция административной преюдиции в отечественной уголовно-правовой доктрине, а также в уголовном законодательстве разработана достаточно давно. Вопросы становления и развития института административной преюдиции отражены в работах многих отечественных ученых [1]. Однако в науке продолжают оживленные споры о сущности административной преюдиции и ее значении для уголовного права.

Oksana N. PAKHOMOVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0003-9830-0449
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Penitentiary Law
oksana.39rus@mail.ru

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN MODERN CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

KEYWORDS. Administrative prejudice, elements of a crime,
repetition, maliciousness, criminal liability, legal regulation.

ANNOTATION. Introduction. Currently, there is a large-scale introduction of norms that have administrative prejudice into the current criminal legislation. However, such a broad, but not systemic modernization, as the analysis carried out by the author of the article shows, is accompanied by the lack of a uniform approach of legal technology to innovations in this area, which results in errors in interpretation and enforcement. **Methods.** During the study, general scientific, statistical, logical, historical, comparative legal, systemic and structural methods were used. **Results.** Attention is drawn to the fact that the concept and signs of administrative prejudice are not regulated in criminal law; they are disclosed in the doctrine and recommendations of law enforcement agencies. Administrative prejudice is used by the legislator in three different forms. Firstly, by including in the design features of the crime «a person subjected to administrative punishment», secondly, «repeatedness», and thirdly, «maliciousness». An analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation revealed the inconsistency in the application of the signs of «repeatedness» and «maliciousness» in it. They, firstly, are independent signs of the main element of the crime (Articles 154, 180, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation), and secondly, they are signs of a crime with administrative prejudice (Part 1 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.), in - thirdly - signs of composition with criminal-executive prejudice (Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation), fourthly, they are used by the legislator in the General Part of the Code (to describe general provisions related to the institution of punishment, for example in Part 5 of Article 46 of the Criminal Code of the Russian Federation and etc.). In order to improve and systematize the criminal legal mechanism regulating administrative prejudice, the author proposes to consolidate the general concept and characteristics of this legal institution within the framework of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, in a number of norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation it is proposed to replace the signs «repeated» and «malicious» with the following wording: «committed by a person subjected to administrative punishment for a similar act provided for in Art. ... Code of Administrative Offenses of the Russian Federation».

Целью нашего исследования, некоторые результаты которого изложены в настоящей статье, была разработка предложений по совершенствованию регламентации административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве России на основе анализа недостатков связанного с ней технико-юридического аппарата, а также изучения научных разработок по соответствующей тематике, имеющихся в доктрине уголовного права.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялись общенаучный, статистический, логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

В современной доктрине уголовного права довольно длительное время продолжается полемика относительно обоснованности наличия административной преюдиции в системе уголовно-правовых механизмов. Многие авторы подробно анализируют сам предмет споров, например М.В. Бавсун [2], С.А. Баранова [3], В.В. Хилота [4]. Следует отметить также обоснованность доводов как сторонников рассматриваемого нами института,

в частности, М.В. Бавсуна [2], О.С. Капинус [5], В.П. Малкова [6], З.А. Незнамовой [7], так и его критиков – Е.Г. Быковой [8], А.А. Казакова [8], И.В. Дворянскова [9], Н.А. Лопашенко [10], Р.А. Сабитова [11], Ю.П. Синельщикова [12], Ю.А. Тимошенко [13].

В целях решения задач нашего исследования выделим наиболее точные и обоснованные, частично внедренные в современное законодательство и правоприменительную практику, доктринальные подходы к сущности, понятию и признакам административной преюдиции.

Самой аргументированной, получившей широкое признание в научной среде, по нашему мнению, является позиция, согласно которой сущность административной преюдиции определяется именно повышенной общественной опасностью лица, повторяющего проступок, будучи подвергнутым административному наказанию. Здесь диалектически проявляется известный закон перехода количественных изменений в качественные, отражающий повышение степени общественной опасности такого лица. Поэтому, как отмечают ряд авторов, повторное совершение аналогичного правонарушения должно

приводить к наступлению уголовной ответственности [4].

Понятие административной преюдиции, раскрывающее ее юридическую суть, детально рассматривается в работах М.В. Бавсуна [2], С.А. Барановой [3], В.В. Хилюты [4]. Опираясь на труды этих авторов, мы понимаем под административной преюдицией совершение лицом, имеющим действующее административное наказание за аналогичное правонарушение, деяния, ответственность за которое предусмотрена статьей УК РФ. К числу обязательных уголовно-правовых признаков административной преюдиции относятся:

- действующее административное наказание лица за совершение административного правонарушения;
- совершение таким лицом аналогичного деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность.

В отечественном уголовном законодательстве первые упоминания об использовании подобного института встречаются в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года [14]. В советском законодательстве административная преюдиция нашла свое место в 1920-х годах и получила широкое развитие в 1960-1990 годах [15]. В частности, около двадцати составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР (в ред. от 30.07.1996 г.), предусматривали административную преюдицию в качестве обязательного признака¹. Советский законодатель при конструировании уголовно-правовых оснований ответственности за деяние с административной преюдицией использовал формулировку «если это действие совершено лицом, подвергавшимся административному взысканию за такое же нарушение» или «совершенные после наложения административного взыскания за такие же правонарушения», в некоторых случаях – «если оно совершено лицом, которое в течение года подвергалось административному взысканию за те же действия». При этом в советском уголовном законодательстве отсутствовали, также как и отсутствуют в действующем, общие дефиниции, закрепляющие сущность и признаки анализируемого правового института.

Как известно, в ходе реформирования уголовного законодательства в 1990-х годах от многих наработок советской эпохи законодатели решили

отказаться. Напомним, административной преюдиции на момент принятия УК РФ 1996 года места в нем не нашлось. В него нормы с административной преюдицией стали активно включаться в последние пять лет. Заметный тренд расширения применимости данного инструмента законодательной техники для построения норм об ответственности за новые общественно опасные формы поведения подтверждается тем, что более трети таких составов были введены в кодекс за два последних года. Только за 2022 год в него были включены девять норм, предусматривающих административную преюдицию в качестве конструктивного признака основного состава преступления: ст.ст. 201.2, 201.3, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.2, 285.5, 285.6. В прошлом году тенденция масштабного внедрения административной преюдиции в уголовное законодательство сохранилась. В УК РФ были добавлены ст. 321.1 «Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовного исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»² и ст. 330.3 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации, сведения о структурных подразделениях которой отсутствуют в реестре филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций или которая не имеет зарегистрированного в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, структурного подразделения – отделения»³.

В итоге к концу 2023 года в действующем уголовном кодексе насчитывалось уже более 30 норм, предусматривающих административную преюдицию. Это обстоятельство показывает ошибочность прогнозов некоторых авторов научных работ о том, что современный законодатель не сможет достигнуть масштабов советского периода по внедрению административной преюдиции [15].

Об актуальности исследования данного правового института свидетельствуют, в частности, показатели правоприменительной практики. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля лиц, осужден-

¹ Например: ст.ст. 156.4. Незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов; 156.5. Нарушение правил торговли; 156.6. Нарушение государственной дисциплины цен; 162. Занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности; 162.1. Уклонение от подачи декларации о доходах; 162.4. Незаконное предпринимательство; 162.9. Незаконное усыновление; 162.10. Продажа подлежащих маркировке марками установленных образцов подакцизных товаров без маркировки марками установленных образцов; 166. Незаконная охота; 166.1. Продажа, скупка, обмен шкурок пушных зверей; 167.2. Самовольная добыча янтаря; 175.1. Нарушение антимонопольного законодательства; 197. Нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне; 197.1. Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР; 200.1. Нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования; 208.1. Организация азартных игр; 224.3. Незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах; 225.1. Незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли; 230.1. Жестокое обращение с животными (Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс»).

² Федеральный закон от 19.12.2023 № 597-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 04.08.2023 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ных по составам с административной преюдицией среди всех осужденных выросла с 4,6% в 2009 году до 22% к 2023 году¹.

В частности, за последние пять лет стабильно высоким остается количество лиц, осужденных по ч. 1 ст. 157 УК РФ: в 2017 г. – 40273; в 2018 г. – 45751; в 2019 г. – 46864; в 2020 г. – 37732; в 2021 г. – 46958; в 2022 г. – 48934; в первом полугодии 2023 г. – 18383; а также осужденных по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ: в 2017 г. – 3117; в 2018 г. – 3859; в 2019 г. – 4106; в 2020 г. – 4262; в 2021 г. – 5036; в 2022 г. – 5151; в первом полугодии 2023 г. – 2384.

Относительно стабильным сохраняется число лиц, осужденных по ст. 151.1 УК РФ: в 2017 г. – 581; в 2018 г. – 569; в 2019 г. – 531; в 2020 г. – 452; в 2021 г. – 549; в 2022 г. – 584; в первом полугодии 2023 г. – 280. При этом волнообразную динамику показывают данные по коррелирующей с ней ст. 171.4 УК РФ (введена в 2017 г.), по которой осуждено: в 2018 г. – 481; 2019 г. – 919; 2020 г. – 681; 2021 г. – 887; в 2022 г. – 821; в первом полугодии 2023 г. – 356.

Устойчиво снижается численность осужденных по ст. 177 УК РФ: в 2017 г. – 140; в 2018 г. – 137; в 2019 г. – 94; в 2020 г. – 57; в 2021 г. – 81; в 2022 г. – 62; в первом полугодии 2023 г. – 38; осужденных по ч. 1 ст. 282 УК РФ: в 2017 г. – 461; в 2018 г. – 418 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 14; в 2020 г. – 7; в 2021 г. – 20; в 2022 г. – 25; в первом полугодии 2023 г. – 6; осужденных по ч. 1 ст. 315 УК РФ: в 2017 г. – 214; в 2018 г. – 194 (до внесения изменений, включивших в данную норму административную преюдицию); в 2019 г. – 4; в 2020 г. – 3; в 2021 г. – 3; в 2022 г. – 1; в первом полугодии 2023 г. – 2.

Статистика показывает «спящий» характер нормы, предусмотренной ст. 215.4 УК РФ, по которой с 2017 г. по первое полугодии 2023 г. не было осуждено ни одного человека².

Приведенные статистические данные позволяют сделать ряд выводов.

В частности, включение в нормы уголовного законодательства административной преюдиции является результатом взвешенного подхода законодателя, предусматривающего экономико репрессии в отношении ряда деликтов. Например, с момента введения административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ в 2018 году, как видно из приведенных выше данных, отмечается кратное снижение числа лиц, осужденных по этому составу преступления. Поэтому, считаем, следует согласиться с теми авторами научных работ, которые отмечают декриминализующую функцию норм с административной преюдицией [14].

Вместе с тем снижение числа осужденных по ст. 177 УК РФ, в настоящее время не предусматривающей административной преюдиции, но вклю-

чающей оценочный признак злостности, который не имеет однозначного законодательного толкования, может свидетельствовать о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Например, путем точного определения границы уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности с помощью административной преюдиции.

Итак, следует признать позитивной интенсификацию применения административной преюдиции в уголовном законодательстве, а также правоприменительной практике, несмотря на протесты и критику со стороны ряда представителей научного сообщества. Кроме того, есть основания говорить о том, что сложилась законодательная практика по расширению использования административной преюдиции в нормах Особенной части УК РФ. Впрочем, такая масштабная, но не системная модернизация, как показывают результаты проведенного нами анализа, сопровождается отсутствием единообразного подхода к применению юридической техники в данной сфере, что нередко приводит к ошибкам в толковании и правоприменении.

Законодатель использует функции административной преюдиции в двух случаях:

- при включении в уголовный закон новых составов преступлений (например ст.ст. 116.1, 158.1, 171.4, 201.2, 201.3 УК РФ);

- при изменении (модификации) основных признаков уже действующих норм (например ст.ст. 157, 193, 282, 315 УК РФ).

Законодательная техника конструирования норм с административной преюдицией включает три варианта их регламентации:

- во-первых, через указание в диспозиции статьи кодекса на «лицо, подвергнутое административному наказанию», например ст. 116.1. УК РФ;

- во-вторых, путем формулирования одного из признаков состава преступления с помощью выражения «если это деяние совершено неоднократно», например ст. 157 УК РФ;

- в-третьих, посредством указания на злостность уклонения субъекта от исполнения определенных обязанностей или их неисполнения, например ч. 1 ст. 315 УК РФ.

В связи с этим возникает вопрос: почему законодатель использует различные варианты описания деяний, имеющих общее основание уголовной ответственности – административную преюдицию? Также неизбежно возникает вопрос о толковании содержания и соотношении признаков злостности, неоднократности, подвергнутости административному наказанию, отражающих сущность административной преюдиции, в процессе правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 - первое полугодие 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

² См.: Сводные отчеты статистических данных о состоянии судимости за 2017 - первое полугодие 2023 г. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>.

По нашему мнению, причинами, порождающими вышеназванные вопросы юридической техники, толкования и правоприменения, являются несистемный подход законодателя к включению в кодекс норм с административной преюдицией, а также отсутствие законодательного определения специфики таких норм.

Обращает, в частности, на себя внимание то обстоятельство, что не выработано единообразного толкования и единых принципов использования признака «неоднократность», являющегося конструктивным элементом ряда составов преступлений. Действующее уголовное законодательство использует этот признак двадцать раз в описании основных и квалифицированных составов преступлений, а также в примечаниях к ним (например в ст.ст. 151.1, 154, 157, 171.4, 180, 212.1, 215.4, 314.1, в примечаниях к ст.ст. 193 и 193.1 УК РФ). Неоднократность в нормах Особенной части УК РФ применяется в трех различных вариантах. Так, в некоторые нормы, непосредственно предполагающие административную преюдицию, законодатель включает признак неоднократности, давая в примечании к статье кодекса разъяснение со ссылками на нормы административного законодательства, являющиеся предпосылками уголовной ответственности (например в ст. 151.1 УК РФ). В других случаях, например в ст. 116.1 УК РФ, признак неоднократности включен в диспозицию нормы, описывающую деяние, ответственность за которое предусмотрена частью первой соответствующей статьи кодекса. При этом также дается ссылка на аналогичные административно-правовые нормы. И, наконец, неоднократность используется и в качестве самостоятельного признака преступлений, который в уголовном законе не раскрывается, например в ст.ст. 154, 180 УК РФ, а его толкование делегируется Пленумам Верховного Суда Российской Федерации¹.

Также непросто обстоят дела с признаком «злостность». Он используется, во-первых, в Общей части УК РФ для описания положений, относящихся к институту наказания: ч. 5 ст. 46 УК РФ – злостное уклонение от уплаты штрафа, ч. 3 ст. 49 УК РФ – злостное уклонение от обязательных работ, ч. 4 ст. 50 УК РФ – злостное уклонение от исправительных работ, ч. 5 ст. 53 УК РФ – злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ – злостный нарушитель порядка, ч. 5 ст. 79 УК РФ – злостные нарушения порядка отбывания наказания. Во-вторых, – в Особенной части УК РФ для кодификации ответственности в нормах, предполагающих административную

преюдицию (ч. 1 ст. 315 УК РФ – злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта), а также в нормах с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ – злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания). В третьих, «злостность» выступает в качестве самостоятельного признака состава преступления в ряде норм УК РФ (ст. 177 УК РФ – злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности; ст. 185.1 УК РФ – злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах; ч. 2 ст. 315 УК РФ – злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта специальным субъектом). В последней группе «злостных» преступлений содержание данного признака уголовным законодательством не раскрывается, и правоприменитель в такой ситуации вынужден руководствоваться сложившейся судебной практикой или методическими рекомендациями¹.

Результаты проведенного нами анализа судебной практики указывают на то, что правоприменители зачастую произвольно толкуют признак злостности, в частности, предусмотренный ст. 177 УК РФ. Так, в некоторых обвинительных приговорах описаны по два эпизода уклонения от погашения кредиторской задолженности в течение одного месяца, в других случаях суд фиксирует четыре и более эпизодов подобного уклонения в течение почти нескольких месяцев³. Такое положение дел обусловлено тем, что в законе не установлено, сколько раз лицо должно уклониться от погашения кредиторской задолженности и за какой промежуток времени, чтобы его можно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ. Кроме того, несовершенство законодательной конструкции деяния, ответственность за которое предусмотрена данной статьей кодекса, позволяет недобросовестным заемщикам путем затягивания сроков исполнения решения суда о погашении задолженности вообще уходить от ответственности в связи с истечением сроков давности⁴. Поэтому законодателю необходимо рассмотреть возможность точной кодификации оснований уголовной ответственности за совершение таких деяний. Например, посредством превентивной административной ответственности для лиц, являющихся субъектами деяния, предусмотренного ст. 177 УК РФ. При этом в рамках административного законодательства следует установить кратность и период уклонения от погашения кредиторской

¹ Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» под неоднократностью понимает «совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров».

² Например: Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) (ред. от 03.10.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Дело № 1-158/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546244.html>; Дело № 10-11421/18 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/8e086cdf-311d-45d7-9579-8d55fee6d73d>.

⁴ Дело №1-152/17 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457190.html>.

задолженности, которые признавались бы нарушающими закон.

Противоречивость сложившейся концепции законодательной регламентации категорий неоднократности, злостности, а также вопросов, связанных с уголовной ответственностью за аналогичные административные правонарушения, оборачивается погрешностями в толковании и правоприменительной деятельности правоохранительных органов. В процессе дознания и предварительного следствия из-за этого нередко случаются ошибки: например, лицо одновременно привлекается к ответственности за административное правонарушение (по КоАП РФ) и преступление (по УК РФ). Как произошло, в частности, с гражданином Б., действия которого (один удар по уху, хватание потерпевшей за руку, повлекшие физическую боль при отсутствии последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ) одновременно были квалифицированы по ст. 6.1.1 КоАП РФ и по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ¹.

Кроме того, допускаются ошибки при квалификации повторно содеянного лицами, имеющими действующее административное наказание за аналогичное деяние. Так, действия гражданки Г. (розничная продажа алкогольной, спиртосодержащей продукции в декабре 2019 г., при том что в отношении нее имелось вступившее в законную силу в феврале 2019 г. постановление о привлеченной к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной спиртосодержащей продукции) были снова квалифицированы как административное правонарушение (по той же самой ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ), несмотря на то, что в наличии уже были признаки деяния, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ². Основанием уголовной ответственности в данном случае является совокупность всех обязательных признаков, в том числе такого из них, как наличие специального субъекта, а именно лица, подвергнутого действующему административному наказанию в соответствии с КоАП РФ. Поэтому решения, подобные описанному выше, приходится отменять вышестоящим судебным органам.

В данном случае есть основания согласиться с мнением И.П. Кожокаря, который отмечал, что «наличие технико-юридических дефектов в праве влечет проблемы с применением правовых норм. При этом правоприменительные органы ввиду недостаточной теоретической проработки вопроса правовой дефектности в неполном объеме задействуют разнообразный правовой инструментарий по преодолению дефектов и снижению их негативного действия на правоотношения»³.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В настоящее время происходит несистематизированное масштабное введение в действующее уголовное законодательство норм, предусматри-

вающих административную преюдицию. Число таких норм в УК РФ превосходит на треть количество статей с административной преюдицией, содержащихся в УК РСФСР 1960 г. (в редакции 1996 г.).

2. Понятие, признаки и роль административной преюдиции в уголовном законе не закреплены, они раскрываются в научных трудах, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, рекомендациях правоприменительных органов.

3. Вследствие этого административная преюдиция, не имеющая четких законодательно определенных границ, применяется законодателем в трех различных формах. Во-первых, путем включения в число конструктивных особенностей состава преступления «лица, подвергнутого административному наказанию», во-вторых – «неоднократности», и в-третьих – «злостности».

4. Проведенный нами анализ законодательства показал непоследовательное применение признаков неоднократности и злостности в структуре Уголовного кодекса. Они применяются по-разному: во-первых, как самостоятельные признаки основного состава преступления (ст.ст. 154, 180, 177 УК РФ), во-вторых, как признаки состава преступления с административной преюдицией (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и др.), в-третьих, как признаки состава преступления с уголовно-исполнительной преюдицией (ст. 314 УК РФ), в-четвертых, применяются законодателем в Общей части УК РФ (для описания положений, относящихся к институту наказания, – ч. 5 ст. 46 и др.).

5. На основании изложенного в целях совершенствования уголовно-правового механизма, регламентирующего административную преюдицию, в нормах Особенной части УК РФ из числа конструктивных признаков составов преступлений предлагаем исключить признаки:

- неоднократность – ст.ст. 151.1, 157, 171.4, 215.4, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ;

- злостность – ст. 177 УК РФ и ч. 1 ст. 315 УК РФ.

Вместе с тем считаем необходимым заменить во всех вышеперечисленных нормах слова «неоднократное» и «злостное» на формулировку «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. ... КоАП РФ».

Кроме того, предлагаем закрепить превентивную административную ответственность для лиц, являющихся субъектами преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 177 УК РФ.

С учетом масштабности включения в Особенную часть УК РФ за последние пятнадцать лет норм с административной преюдицией, а также в целях приведения к единству юридической техники их конструирования нами предлагается закрепить общее понятие и признаки рассматри-

¹ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2023 № 16-467/2023.

Процессуальные вопросы: О прекращении производства по делу // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2022 № 16-185/2022(16-3015/2021).

Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: О привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами. Решение: Производство прекращено.

³ Кожокар И.П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020. С. 4.

ваемого в настоящей статье правового института в рамках Общей части УК РФ:

«Административная преюдиция как признак состава преступления, предусмотренного УК РФ, – совершение лицом, подвергнутым действующему административному наказанию за аналогичное правонарушение, деяния, ответственность за которое предусмотрена соответствующей статьей УК РФ.

Обязательными уголовно-правовыми признаками административной преюдиции являются:

- лицо, подвергнутое действующему административному наказанию за совершение аналогичного административного правонарушения;

- совершение таким субъектом аналогичного деяния, ответственность за которое предусмотрена соответствующей статьей УК РФ».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полагаем, что единообразный технико-юридический подход к системе норм уголовного законодательства, регламентирующих понятие и признаки административной преюдиции, будет способствовать решению задачи по приведению построения норм уголовного законодательства к целостной логике, минимизации ошибок в процессе их толкования, а также повышению эффективности правоприменительной деятельности в данной сфере. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48-53.
2. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6-9.
3. Баранова С.А. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия: особенности конструкции преюдициального состава // Российский следователь. 2021. № 7. С. 30-33.
4. Хилыута В.В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 117-136.
5. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: российский и белорусский опыт // Предварительное расследование. 2019. № 2. С. 36-45.
6. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 185-191.
7. Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 20-25.
8. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Правовой капкан административной преюдиции в свете изменений уголовного и административного законодательства (на примере ч. 2 ст. 330.1 УК РФ) // Российский судья. 2023. № 4. С. 32-36.
9. Дворянсков И.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 153-162.
10. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64-71.
11. Сабитов Р.А. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 84-89.
12. Синельщиков Ю.П. Административная преюдиция в современном уголовном судопроизводстве: теория и практика // Государство и право. 2020. № 1. С. 86-92.
13. Тимошенко Ю.А. Уголовно-наказуемое деяние с административной преюдицией – преступление или административное правонарушение? // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 214-219.
14. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86.
15. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2. С. 39-52.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. Vozvrashcheniye «administrativnoy preyuditsii» v ugovlnoye zakonodatel'stvo Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2012. № 1. S. 48-53.
2. Bavsun M.V., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrativnaya preyuditsiya i perspektivy yeye primeneniya na sovremennom etape // Administrativnoye pravo i protsess. 2008. № 6. S. 6-9.
3. Baranova S.A. Neodnokratnoye narusheniye ustanovlennogo poryadka organizatsii libo provedeniya publichnogo meropriyatiya: osobennosti konstruksii preyuditsial'nogo sostava // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 7. S. 30-33.
4. Khilyuta V.V. Fenomen administrativnoy preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya // Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 17. S. 117-136.
5. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovlennom prave: rossiyskiy i belorusskiy opyt // Predvaritel'noye rassledovaniye. 2019. № 2. S. 36-45.

6. Malkov V.P. Neodnokratnost' pravonarusheniya i administrativnaya preyuditsiya kak sredstva kriminalizatsii i dekriminalizatsii sodeyannogo v rossiyskom ugovolnom prave // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 185-191.
7. Neznamova Z.A. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey v Ugolovnom kodekse RF: kollizii mezhotraslevogo regulirovaniya // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2015. № 6. S. 20-25.
8. Bykova Ye.G., Kazakov A.A. Pravovoy kapkan administrativnoy preyuditsii v svete izmeneniy ugovolnogo i administrativnogo zakonodatel'stva (na primere ch. 2 st. 330.1 UK RF) // Rossiyskiy sud'ya. 2023. № 4. S. 32-36.
9. Dvoryanskov I.V. Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave // Penitentsiarnaya nauka. 2023. T. 17. № 2 (62). S. 153-162.
10. Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugovolnom prave – net! // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2011. № 3. S. 64-71.
11. Sabitov R.A. Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave: za i protiv // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. № 1. S. 84-89.
12. Sinel'shchikov YU.P. Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 1. S. 86-92.
13. Timoshenko YU.A. Ugolovno-nakazuyemoye deyaniye s administrativnoy preyuditsiyey – prestupleniye ili administrativnoye pravonarusheniye? // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2016. № 1. S. 214-219.
14. Kapinus O.S. Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave: problemy teorii i praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. 2019. № 6. S. 78-86.
15. Bezverkhov A.G. Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo. 2011. № 2. S. 39-52.

© Пахомова О.Н., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомова О.Н. Административная преюдиция в современном уголовном законодательстве России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 23-30.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Валерия Владимировна ЛАВЕЛИНА,
ORCID 0009-0001-2663-7945
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)
преподаватель кафедры экспертно-криминалистической
деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы
lavelinavalery@icloud.com

Научная статья
УДК 343.985

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Осмотр места происшествия, виды следственного осмотра, обыск, следы биологического происхождения, молекулярно-генетическая экспертиза, ДНК-анализ.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Полноценный и грамотный осмотр места происшествия как основополагающее следственное действие является отправной точкой успешного расследования и раскрытия любого преступления. В связи с этим к организационно-тактической работе членов следственно-оперативной группы (далее – СОГ), направленной на обнаружение, фиксацию и изъятие материально-фиксированных следов рассматриваемой в статье категории предъявляются повышенные требования. В настоящее время существует довольно много научной и методической литературы, где подробно описываются возможные способы обнаружения, фиксации и изъятия тех или иных биологических следов. Однако по-прежнему имеют место недостатки в работе с объектами изучаемой группы, которые приводят к утрате информации о лицах, их оставивших. Данное обстоятельство становится причиной экспертных ошибок, выражающихся в получении недостоверной информации из-за загрязнения исходных биологических следов, обусловленного нарушениями правил работы с ними в ходе следственных действий. **Методы.** Статья является результатом обобщения на основе подготовленных учеными практических рекомендаций по данному направлению работы, а также уточнения на основе собственного практического опыта автора ряда организационных и методических аспектов работы с предметами – носителями следов биологического происхождения человека, обеспечивающих последующую возможность результативного производства генетических исследований. Особое внимание уделяется вероятным местам обнаружения материально-фиксированной информации, которые должны быть подвергнуты изучению в процессе производства отдельных следственных действий (осмотра места происшествия, обыска и др.). Обоснованы и обобщены некоторые рекомендации, предназначенные для участников поисково-познавательных действий, ориентированные на повышение эффективности работы с контактными следами на предметах одежды потерпевшего. Рекомендации проиллюстрированы примерами из следственной практики. **Результаты.** Эффективность осмотра места происшествия, направленного, кроме прочего, на обнаружение следов биологического происхождения, во многом зависит от тщательности подбора средств и методов работы с ними, внимательности членов СОГ при изучении мест пребывания преступника до и после совершения преступления. В ходе обыска целесообразно тщательно осматривать одежду и обувь проверяемого лица в целях обнаружения на ней следов жертвы. Знание членами СОГ организационно-тактических аспектов работы со следами биологического происхождения обеспечит возможность их своевременного обнаружения, качественного и результативного исследования, что самым благоприятным образом отразится на полноте расследования преступления.

Valeria V. LAVELINA,
 ORCID 0009-0001-2663-7945
 Moscow University of the Ministry of Interior
 of Russia named after V.Ya. Kikot (Moscow, Russia)
 Lecturer of the Department of Forensic Activity of the
 Educational and Scientific Complex of Forensic Examination
 lavelinavalery@icloud.com

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF WORKING WITH TRACES OF HUMAN BIOLOGICAL ORIGIN

KEYWORDS. Inspection of the crime scene, types of investigative examination, search, traces of biological origin, molecular genetic examination, DNA analysis.

ANNOTATION. Introduction. A full-fledged and competent inspection of the scene, as a fundamental investigative action, is the starting point for a successful investigation and disclosure of any crime. In this connection, increased requirements are imposed on the organizational and tactical work of the members of the investigative task force (ITF) aimed at detecting, fixing and removing the category of materially fixed traces in question. To date, there are quite a few sources of scientific and methodological literature, which consider in detail the possible ways of detecting, fixing and removing certain biological traces. However, there are still shortcomings in working with the group of objects under consideration, which lead to the loss of information about the persons who left them. This circumstance becomes the cause of expert errors, expressed in obtaining false information due to the facts of contamination of the original biological traces, due to improper work with them in the course of investigative actions. **Methods.** The presented article is the result of generalization based on the practical recommendations of various scientists in this field of work, as well as clarification based on the personal practical experience of the author, certain organizational and methodological aspects of working with objects bearing traces of human biological origin, ensuring the subsequent possibility of effective production of genetic research. Special attention is paid to the likely places of detection of materially fixed information, which should be studied during the production of individual investigative actions (inspection of the scene, search, etc.). The author substantiates and summarizes some recommendations for participants in search and cognitive actions aimed at improving the effectiveness of working with contact marks on the victim's clothing, illustrated practical examples. **Results.** The effectiveness of an inspection of the scene of the incident, aimed, among other things, at detecting traces of biological origin, depends on carefully selected tools and methods of working with them, the attentiveness of the members of the ITF when studying the places of residence of the offender before and after the commission of the crime. During the search, it is advisable to carefully inspect the clothes and shoes of the person being checked, in order to establish traces of the victim on it. Knowledge of the organizational and tactical aspects of working with traces of biological origin by members of the ITF will ensure the possibility of their timely detection, high-quality and effective research, which will most favorably affect the completeness of the investigation of crimes.

ВВЕДЕНИЕ

Осмотр места происшествия – значимое следственное действие, результативность и полнота производства которого являются залогом успешного расследования и раскрытия преступления. Цель осмотра – путем непосредственного восприятия членами следственно-оперативной группы (далее – СОГ) обстановки, в которой произошло преступное событие, определить его территориальность, выявить следы, сформированные в процессе подготовки, исполнения и возможного сокрытия противоправного деяния, установить фактические данные, позволяющие в совокупности с другими доказательствами сформулировать обоснованное предположение о способе и механизме совершения преступления и иных обстоятельствах расследуемого преступного события.

Рассмотрению данной дефиниции посвящены работы многих криминалистов. Так, например, Р.С. Белкин определял осмотр места происшествия как следственное действие, проводимое для непосредственного обнаружения и исследования объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния, значения и взаимосвя-

зположения¹. Более детальное определение дано В.П. Колмаковым, который считал, что под осмотром места происшествия необходимо понимать следственное действие, в котором следователь совместно с указанными в законе лицами непосредственно воспринимает, исследует, фиксирует и оценивает состояния, свойства и признаки материальных объектов, имеющих на участках местности или в помещении, с целью обнаружения там следов и других вещественных доказательств, выяснения обстановки и всех обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу [1, с. 18]. Важность осмотра места происшествия достаточно точно определена И.Ф. Крыловым, который, анализируя нераскрытые преступления, вошедшие в историю криминалистики, пришел к выводу о том, что «ахиллесовой пятой в каждом из них был непрофессионально проведенный осмотр места происшествия» [2, с. 127].

В связи с этим следует особо подчеркнуть значимость качества осмотра места происшествия для результативности всего расследования, что требует от членов СОГ проявления повышенного уровня ответственности при проведении данного следственного действия. Им должен быть полу-

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 152.

чен максимально возможный объем фактографической, оперативной и криминалистически значимой информации, имеющей отношение к исследуемому противоправному событию. Потери, ставшие результатом недостатков организационного и технического характера, допущенных в рамках осмотра места происшествия субъектами расследования преступлений, нередко оказываются невозполнимыми и оборачиваются, как правило, затягиванием сроков расследования, а в некоторых случаях преступление может и вовсе остаться нераскрытым.

Субъективные и объективные факторы, которые затрудняют или делают невозможным комплексное изъятие следовой информации в ходе первоначального осмотра, либо установление каких-либо дополнительных существенных обстоятельств в ходе оперативно-разыскных мероприятий могут быть основанием для производства повторных следственных действий.

Мы поддерживаем мнение С.Х. Кумыкова, отмечаящего, что необходимость повторного изучения обстановки совершения преступления обычно возникает в двух случаях: во-первых, когда первоначальная проверка проводилась в неблагоприятных условиях; во-вторых, когда первоначальная проверка проводилась некачественно, и ее цели не были полностью достигнуты [3, с. 16]. Таким образом, если в рамках первоначальных следственных действий не были достигнуты основные поисково-познавательные цели, то недостатки должны быть восполнены в рамках повторных и дополнительных мероприятий, обеспечивающих получение необходимого объема доказательственной информации.

МЕТОДЫ

Методологическую основу научного исследования составили: диалектический метод – как общенаучный способ исследования объективной реальности; статистический метод – применен для анализа эмпирического материала, собранного в практике экспертной деятельности в рамках расследования конкретных уголовных дел; моделирование – позволило обосновать взаимосвязь реализации теоретических и практических задач исследования; функциональный метод – способствовал определению практического назначения тактических рекомендаций по применению высокотехнологичных средств в ходе работы с биологическими следами человека; метод формализации – способствовал обоснованию возможностей использования предложенных тактических рекомендаций.

ОБСУЖДЕНИЕ

К числу основных задач осмотра места происшествия относится выявление максимально-го объема фактических данных, значимых для установления лиц, причастных к совершению преступления. В связи с этим обнаружение объектов со следами преступника, имеющими различную этимологию, и последующее производство экспертных исследований призваны обеспечить установление тождества материально-фиксированных отображений с конкретным подозреваемым лицом.

Идентификация личности – это одна из основных задач расследования преступления. Для ее отождествления в криминалистике существует множество методов: реконструкция внешности по черепу, исследование папиллярных узоров рук и иных следов. Однако наиболее эффективным средством в настоящее время является экспертное исследование дезоксирибонуклеиновой кислоты (далее – ДНК) или молекулярно-генетическая экспертиза, в ходе которой изучаются биологические следы и ткани человека, изъятые при производстве первоначальных и последующих следственных действий.

Преимущества ДНК-анализ А.В. Старченко видит «в быстром и абсолютном исключении из круга подозреваемых лиц, не причастных к совершению преступлений, в идентификации лиц, совершивших преступление, с высокой степенью вероятности, в надежности доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде» [4, с. 93].

В случаях неблагоприятного развития следственной ситуации, в рамках которой отсутствуют данные о лице, причастном к совершению преступления, и прямая идентификация установленного генотипа биологических следов невозможна, особую значимость приобретает информация, полученная в ходе решения диагностических экспертных задач исследования ДНК, ориентированных на установление половой принадлежности лица, оставившего следы на месте преступления, определение его биологического родства с конкретными лицами. В настоящее время осуществляется апробирование методик прогнозирования физических характеристик внешнего облика людей по анализу ДНК (фенотипирование). ДНК-фенотипирование, как отмечает И.О. Перепечина, в криминалистическом смысле – это «установление признаков внешности, а также географического положения индивидуума». Такое прогнозирование целесообразно, когда «проведение идентификационного исследования невозможно, либо после стандартного идентификационного ДНК-анализа в случае, когда был сделан отрицательный вывод о тождестве» [5, с. 215]. В связи с этим Т.Ф. Моисеева отмечает, что диагностическое исследование следов человека имеет большое значение в процессе раскрытия и расследования преступлений, особенно в том случае, когда невозможна идентификация оставившего след ввиду отсутствия подозреваемых лиц [6, с. 210].

С учетом названных обстоятельств следует отметить особую значимость процессов собирания разнообразных биологических следов, которые могли быть оставлены преступником на орудиях преступления, теле жертвы, предметах окружающей обстановки, либо потерпевшим – на предметах одежды нападавшего. Такие следы способствуют установлению причинно-следственных связей и иных обстоятельств совершения преступлений.

Е.В. Кушпель, Д.Н. Шувалов указывают на то, что «наиболее часто объекты – носители следов биологического происхождения человека изымаются при осмотре места происшествия по следующим преступлениям: убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, грабежи

и разбои, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (изнасилования, насильственные действия сексуального характера), кражи, ДТП» [7, с. 114]. С учетом характера и тяжести этих преступлений к организационно-тактической работе членов СОГ, направленной на обнаружение, фиксацию и изъятие материально-фиксированных следов рассматриваемой нами категории предъявляются повышенные требования. Неправильный подход к собиранию и последующему хранению следов биологического происхождения человека приводит к их утрате и невозможности проведения дальнейшего исследования [8, с. 175].

Грамотное использование надлежащего арсенала технико-криминалистических средств при проведении осмотра места происшествия обеспечивает получение достоверной информации о произошедших событиях. По мнению А.А. Бульбачевой, качество и полнота извлечения криминалистически значимой информации при осмотре места происшествия находятся в прямой зависимости, во-первых, от выбора тактико-криминалистических и технико-криминалистических средств, применяемых для выявления, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств; во-вторых, от уровня квалификации лица, использующего данные средства [9, с. 98]. Это обстоятельство предопределяет необходимость обратить внимание на неразрывность взаимосвязи надлежащего технического обеспечения и компетентности субъектов его рационального и результативного применения.

Результаты анализа следственной и экспертной практики работы со следами биологического происхождения позволяют сделать вывод о том, что в качестве их потенциальных носителей изымаются в основном предметы одежды, нижнее белье, обувь, окурки, различные орудия преступления и другие материальные объекты, при изучении которых могут быть обнаружены кровь, волосы, сперма, пот и слюна с сопутствующими эпителиальными клетками.

В настоящее время существует довольно много научной и методической литературы, где подробно описываются возможные способы обнаружения, фиксации и изъятия тех или иных биологических следов¹ [10, 11]. Однако, несмотря на детальную регламентацию в уголовном процессе действий субъектов использования специальных знаний, по-прежнему имеют место недостатки в работе с объектами изучаемой нами группы, носящие методический характер, которые приводят к утрате информации о лицах, оставивших биологические следы. Данное обстоятельство становится причиной экспертных ошибок, выражающихся в получении недостоверной информации из-за загрязнения исходных биологических следов посторонней ДНК, обусловленного нарушениями правил работы с ними в ходе следственных действий. Причина данного обстоятельства кроется в том, что для исследования может быть исполь-

зован любой биологический материал, причем для осуществления идентификации достаточно небольшого его количества [12].

С одной стороны, это довольно позитивный аспект: ведь даже незначительного (всего несколько клеток, содержащих ядерную ДНК) количества биологического материала достаточно для установления генотипа оставившего его лица. Однако требуется учитывать, что даже малая толика постороннего биологического материала, принесенного извне, может привести экспертное исследование к недостоверному выводу, из-за чего следствие будет введено в заблуждение, а расследование может пойти по ложному пути. В обзорах Экспертно-криминалистического центра (далее – ЭКЦ) МВД России за 2021 и 2022 годы наряду с другими недостатками отмечаются случаи оставления постороннего биологического материала сотрудниками органов внутренних дел. Поэтому необходимо подчеркнуть, что особое внимание должностного лица, осуществляющего изъятие объектов – носителей биологических следов, должно быть акцентировано на неукоснительном соблюдении правил их защиты от загрязнения любым посторонним, в том числе собственным, биологическим материалом.

При этом, на наш взгляд, перечень таких правил должен включать в себя не только обязательное использование перчаток и маски, но и запрет на их вторичное использование, особенно сопровождаемое выворачиванием ранее использованного средства защиты, что приводит к переносу эпителия с поверхности этого средства защиты на потенциальный объект-следоносите́ль. Необходимо также обратить внимание на проблему использования в ходе работы мобильных телефонов и фотоаппаратов, на поверхности которых априори содержится биологический материал их владельцев, что неизбежно (хотя пользователь и не осознает этого) приводит к его переносу на поверхность перчаток, а с них – на инструменты и осматриваемые предметы.

Кроме того, считаем целесообразным минимизировать в процессе производства следственного действия количество лиц (в идеале – только специалист), контактирующих с предметами, которые могут быть носителями криминалистически значимых биологических следов. Это будет способствовать сохранению в неизменном виде истинных следов лиц, причастных к совершенному преступлению, для последующего получения достоверных результатов исследования ДНК.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Многолетний опыт автора по производству экспертиз тканей и выделений человека и животных (исследования ДНК), назначаемых в рамках расследования преступлений против личности (убийства, телесные повреждения и др.), позволяет констатировать, что наиболее частыми объектами исследования являются предметы одежды подозреваемых и потерпевших (например, изъятые из судебно-медицинских учреждений). С точки

¹ См., например: Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2010. 780 с.

зрения генетики такие предметы несут в основной своей массе информацию об их владельцах, которая и так очевидна для следствия.

Необходимость назначения генетической экспертизы с использованием предметов одежды потерпевших возникает лишь в случае появления в распоряжении следствия сведений о возможных контактах с ними преступника, при этом важную роль играет правильно выбранный способ изъятия таких предметов. В частности, предметы одежды должны упаковываться отдельно друг от друга, чтобы исключить перенос биологического материала с одних поверхностей на другие. Также важно, чтобы лицо, осуществляющее манипуляции с изымаемыми вещами, не производило их выворачивание (по той же причине). Следует отметить позитивную практику перекалывания предметов одежды слоями чистой бумаги, что предотвращает контактное взаимодействие поверхностей. Влажные, окровавленные вещи должны быть тщательно просушены в целях недопущения развития гнилостных процессов.

Анализ практики производства генетических экспертиз дает возможность говорить о высокой результативности исследования предметов - носителей биологических следов, изъятых в ходе повторных и дополнительных осмотров мест происшествий, особенно тех, которые производятся по факту обнаружения путей подхода и отхода преступника, укрытий, где он поджидал жертву или благоприятный момент для совершения преступления (следил за жилищем, укрывался от свидетелей и т.д.), а также обысков в жилищах подозреваемых (обвиняемых). Согласно статистическим данным, представленным в работе А.А. Бульбачевой, производство повторных следственных действий требуется в результате ненадлежащего осмотра прилегающих к месту происшествия территорий и помещений (43% от общего числа выявленных недостатков), а также при возникновении необходимости осмотра возможных путей прихода и ухода преступников (38%) [9, с. 98]. По нашему мнению, приведенные данные свидетельствуют о недостаточно грамотном оперативно-тактическом подходе членов СОГ к производству первоначальных следственных действий и оперативных мероприятий.

Вероятность обнаружения необходимого количества биологических следов на месте совершения преступления ограничена тем обстоятельством, что в настоящее время общество довольно хорошо осведомлено о возможностях генетической экспертизы. И в том числе осведомлены о них представители криминального мира. Готовясь к совершению преступления, они, как правило, предусматривают меры, которые препятствуют оставлению биологических следов: используют маски, перчатки, другие защитные средства. Подобного же мнения придерживаются Е.В. Чиненов и А.В. Чурсин, которые небезосновательно утверждают: «В настоящее время знания о следах, оставаемых при совершении различных преступлений, стали широкодоступными. Не будет преувеличением сказать, что информация о способах совершения преступлений, оставляемых при этом

следах и методах расследования самым непосредственным образом пропагандируется в средствах массовой информации. В художественно-публицистической литературе эти вопросы освещаются с максимальным приближением к действительности» [13, с. 16].

Такая широкая доступность данной информации является одной из основных причин того, что в местах проникновения преступников и на самих местах совершения преступлений, если таковые спланированы достаточно хорошо, следы биологического происхождения выявляются редко. Между тем в местах ожидания и на пути отхода с места преступления, напротив, довольно часто обнаруживаются объекты, содержащие которые предоставляют возможность собрать информацию о преступнике (окурки, жевательная резинка со следами слюны, выделения из носа, зева, содержащие эпителиальные клетки, выпавшие волосы, следы крови от царапин, ссадин, зажималки, защитные маски, перчатки с потожировыми следами и др.).

Рассмотрим пример из следственной практики. В 2020 году в городе Тимашевске Краснодарского края двое неизвестных напали на гражданина Г. В ходе осмотра места происшествия в жилище потерпевшего никаких следов нападавших обнаружено не было. И только в ходе дополнительного осмотра прилегающей к домовладению потерпевшего территории (пути отхода преступников) удалось найти перчатку, которую выронил один из нападавших. По результатам исследования потожирового вещества с сопутствующим эпителием, обнаруженного на изнаночной стороне перчатки, в ходе проведения экспертизы (исследования ДНК) была установлена личность одного из участников преступной группы.

Возвращаясь к вопросу о качественном и результативном осмотре места происшествия в целях обнаружения и изъятия биологических следов преступника, необходимо отметить еще одно обстоятельство: члены СОГ должны иметь в виду, что в процессе совершения кражи из автомобиля либо при неправомерном завладении им преступник, как правило, оставляет биологические следы на консоли, крышке вещевого ящика, панели, ручках дверей и т.д. Все перечисленное является значимыми объектами - носителями идентификационной информации о лице, совершившем преступление. Поэтому стоит обращать особое внимание на поиск биологических следов именно в таких местах [14].

В обзорах ЭКЦ МВД России неоднократно отмечались «случаи направления на исследование объектов, содержащих следы потерпевших, и предметов (кошельки, сумки и т.п.), находившихся в краткосрочном контакте с подозреваемыми». То есть в подобных случаях специалистами, членами СОГ, не учитывается «механизм образования следов и кратковременность контакта». Например, при сокрытии с места совершения грабежа преступник обычно выбрасывает сумку, кошелек жертвы. На этих предметах остаются следы контактного взаимодействия. Однако следует учитывать, что количество биологического материала, оставленного преступником за короткий

период времени, весьма незначительно, и оно гораздо меньше по сравнению с количеством следов владельца вещи, то есть самого потерпевшего. Что и выявляется в ходе производства экспертизы. В связи с этим ЭКЦ МВД России обращает внимание на то, что «результативность таких экспертиз минимальна. Ресурсы, затраченные на их производство, неоправданны»¹.

Приведем иллюстрирующий данное утверждение пример из следственной практики. В октябре 2018 года неизвестный мужчина, находившийся около магазина, выхватил сумку у гражданки П. Выброшенную им позднее сумку нашли и направили на генетическую экспертизу. В объёмах-смывах и на вырезках из различных мест (застежки, клапаны карманов, ремень и др.) был выявлен биологический материал, на основании исследования которого был установлен лишь генотип потерпевшей. При этом размер расходов на проведение экспертизы в несколько раз превысил сумму причиненного преступлением вреда. К сожалению, в экспертной практике такие примеры далеко не единичны.

Еще одним информативным следственным действием с точки зрения обнаружения биологических следов является обыск в жилище подозреваемого (обвиняемого). При этом следует иметь в виду, что, например, следы крови, хорошо видимые на ткани и других материалах, подвергаются умышленному уничтожению (замыванию, застирыванию). В связи с этим в ходе обыска в жилище следует обращать особое внимание на вещи, находящиеся в стиральной машинке, корзине (ящике) для белья, висящие на сушилке после стирки, а также на свежевывытую обувь, другие предметы, которые могли быть подвержены изменениям со стороны преступника с целью сокрытия следов. Инициаторам экспертных генетических исследований необходимо учитывать, что используемые при их производстве реагенты имеют довольно высокий порог чувствительности и даже совсем небольшого количества биологического материала может быть достаточно для получения идентификационной или диагностической информации. К аналогичному выводу пришла и С.И. Соболевская, которая отмечает: «Встречаются случаи попыток уничтожения следов на месте происшествия, однако, как показывает практика, осуществить полностью это не удастся» [15, с. 36].

Приведем пример: в 2020 году была проведена генетическая экспертиза по установлению генотипа следов крови на битках, обнаруженных в ходе обыска в жилище одного из подозреваемых в совершении разбойного нападения в городе Сочи. Поверхность бит, вероятно, была подвергнута очистке (замыта), так как слабо видимые следы в верхней части одной из них представляли собой светло-бурые разводы. Несмотря на это, генотип

крови был установлен, он совпал с генотипом потерпевшего.

Необходимость осуществления обыска в жилищах подозреваемых в целях обнаружения и изъятия предметов одежды, которые были на них в момент совершения преступления, проиллюстрируем еще одним примером. В ходе производства ДНК-исследования куртки подозреваемого, которая ранее подверглась механическому замыванию, с разрешения инициатора экспертизы было осуществлено вспарывание строчных швов на манжетах, что позволило эксперту обнаружить на внутренней поверхности остатки следов крови, достаточные для установления генотипа жертвы преступного посягательства.

Таким образом, считаем, что инициаторам и иным участникам производства поисково-познавательных следственных действий следует знать о местах возможного обнаружения неясных (скрытых) следов на предметах одежды преступника. Это могут быть, например, небольшие отметины крови в карманах; частицы сухой крови, смешанные с грунтом, оставшиеся в протекторе подошвы вымытых кроссовок; шнурки (особенно темного цвета, на которых следы крови менее заметны); участки материала обуви под люверсами отверстий для шнуровки, которые полностью отмыть довольно сложно; носовые платки; салфетки из карманов преступника и т.п. Исследование таких объектов довольно часто дает положительные результаты. Вместе с тем отметим, что если между совершенным преступлением и производством следственных действий по месту проживания (возможного нахождения) подозреваемого времени прошло немного, членам СОГ следует уделить особое внимание таким предметам, как полотенца, раковина (кран, сифон), ручки дверей, которые могут содержать следовую информацию биологического происхождения, сформировавшуюся при сокрытии следов преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результативность осмотра места происшествия (первоначального, дополнительного, повторного), направленного, в частности, на обнаружение следов биологического происхождения, зависит от качества подбора средств и методов работы с ними, внимательности членов СОГ при изучении мест пребывания преступника до и после совершения преступления. В ходе обыска целесообразно тщательно осматривать одежду и обувь проверяемого лица в целях обнаружения на них биологических следов жертвы. Знание членами СОГ организационно-тактических аспектов работы со следами биологического происхождения обеспечит возможность их своевременного обнаружения, качественного и результативного исследования, что самым благоприятным образом отразится на полноте расследования преступления. ■

Библиографический список

1. Колмаков В.П. Следственный осмотр. М., 1969. 136 с.
2. Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с.
3. Кумыков С.Х. Криминалистические аспекты осмотра места происшествия // Теория и практика общественного развития. 2016. С. 15-17.

¹ См., например, обзоры ЭКЦ МВД России за 6 месяцев 2021 года, за 2022 год.

4. Старченко А.В. Современные возможности использования метода генотипоскопии в биологической экспертизе при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 2-2. С. 93-97.
5. Перепечина И.О. Некоторые новые возможности ДНК (РНК) - диагностики // Юридические науки. 2019. № 2. С. 214-219.
6. Моисеева Т.Ф. Современные методы диагностики свойств и состояний человека по его биологическим следам // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 210-213.
7. Кушпель Е.В., Шувалов Д.Н. Особенности обнаружения, фиксации, изъятия и хранения следов биологического происхождения в ходе расследования по уголовным делам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4. С. 114-121.
8. Дачаев З.Б., Гаджиев А.Т., Скориков Д.Г. Осмотр места происшествия // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 18-3. С. 94-96.
9. Бульбачева А.А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 97-100.
10. Фирсов О.А., Волков А.С. Особенности обнаружения и изъятия следов биологического происхождения при раскрытии и расследовании преступлений // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2013. № 5 (49). С. 165-167.
11. Комиссаров В.И., Левченко Е.В. Биологические следы человека как объект криминалистического исследования. М.: Юрлитинформ, 2009. 175 с.
12. Поляков А., Тверская С. Возможности генетической экспертизы // ЭЖ-Юрист. 2005. № 46. С. 25.
13. Чиненов Е.В., Чурсин А.В. Обстановка места происшествия – источник получения данных о неизвестном преступнике // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 1. С. 12-16.
14. Дронова О.Б., Котельников Б.В. Место происшествия как объект экспертного исследования // Юристы - Правоведь. 2021. № 2 (97). С. 115-120.
15. Соболевская С.И. Работа с биологическими следами на месте происшествия // Концепт. 2014. № 29. С. 36-40.

References

1. Kolmakov V.P. Sledstvennyj osmotr. M., 1969. 136 s.
2. Krylov I.F. Byli i legendy kriminalistiki. L., 1987. 216 s.
3. Kumykov S.H. Kriminalisticheskie aspekty osmotra mesta proisshestiya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2016. S. 15-17.
4. Starchenko A.Vi. Sovremennyye vozmozhnosti ispol'zovaniya metoda genotiposkopii v biologicheskoy ekspertize pri rassledovanii prestuplenij // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. № 2-2. 2015. S. 93-97.
5. Perepechina I.O. Nekotorye novye vozmozhnosti DNK (RNK) - diagnostiki // Yuridicheskie nauki. 2019. № 2. S. 214-219.
6. Moiseeva T.F. Sovremennyye metody diagnostiki svojstv i sostoyanij cheloveka po ego biologicheskim sledam // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 2. S. 210-213.
7. Kushpel' E.V., Shuvalov D.N. Osobennosti obnaruzheniya, fiksacii, iz'yatiya i hraneniya sledov biologicheskogo proiskhozhdeniya v hode rassledovaniya po ugovolnym delam // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 4. S. 114-121.
8. Dachayev Z.B., Gadzhiev A.T., Skorikov D.G. Osmotr mesta proisshestiya // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire. 2017. № 18-3. S. 94-96.
9. Bul'bacheva A.A. Aktual'nye problemy osmotra mesta proisshestiya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 2 (34). S. 97-100.
10. Firsov O.A., Volkov A.S. Osobennosti obnaruzheniya i iz'yatiya sledov biologicheskogo proiskhozhdeniya pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii. 2013. № 5 (49). S. 165-167.
11. Komissarov V.I., Levchenko E.V. Biologicheskie sledy cheloveka kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya. M.: Yurilitinform, 2009. 175 s.
12. Polyakov A., Tverskaya S. Vozmozhnosti geneticheskoy ekspertizy // EZh-Yurist. 2005. № 46. S. 25.
13. Chinenov E.V., Chursin A.V. Obstanovka mesta proisshestiya – istochnik polucheniya dannyh o neizvestnom prestupnike // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2012. №1. S. 12-16.
14. Dronova O.B., Kotel'nikov B.V. Mesto proisshestiya kak ob'ekt ekspertnogo issledovaniya // Yurist - Pravoved. 2021. № 2 (97). S. 115-120.
15. Soboлевskaya S.I. Rabota s biologicheskimi sledami na meste proisshestiya // Koncept. 2014. № 29. S. 36-40.

© Лавелина В.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лавелина В.В. Организационно-методические особенности работы со следами биологического происхождения человека // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 31-37.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Елена Алексеевна МАРКОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-7049-8380

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

доцент кафедры уголовного права

markovaespb@yandex.ru

Ольга Александровна ТУЧИНА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-9462-277X

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

старший преподаватель кафедры криминалистики

tuchehka@mail.ru

Научная статья

УДК 343.13

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ К ОБВИНЯЕМЫМ И ПОДОЗРЕВАЕМЫМ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Возраст, несовершеннолетие, преступление, психофизическое развитие, обвиняемый, подозреваемый, уголовно-процессуальное законодательство, меры пресечения, изоляция от общества.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В современной России преступность в среде молодежи – одна из проблем, требующих особого внимания со стороны государства и общества, а также принятия решительных целенаправленных мер по предупреждению подростковой преступности. Несомненно, прежде всего необходимо добиваться снижения уровня такой преступности. Но важно иметь в виду и опасность вливания лиц, ранее судимых или содержащихся под стражей, на несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых на стадии предварительного расследования. При избрании меры пресечения несовершеннолетним следует тщательно изучать особенности их развития и психофизического состояния, обстоятельства, способствовавшие совершению ими преступления, и стремиться избегать их изоляции от общества. *Методы.* Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный методы, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, описание. *Результаты.* Авторы статьи исследовали те особенности психофизического развития лиц, не достигших совершеннолетия, которые должны учитываться при выборе для них мер пресечения. Осуществляя такой выбор, необходимо использовать гуманные способы воздействия на правонарушителя, наиболее эффективные в отношении обвиняемых и подозреваемых указанной возрастной категории. В статье обоснована позиция, согласно которой возраст несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого является основной предпосылкой для применения в отношении таких лиц мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, что отражает гуманистическую направленность уголовной политики, способствуя при этом деятельности по профилактике и предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

ВВЕДЕНИЕ

По мнению Г.В.Ф. Гегеля, индивид, приобретая в течение жизни и в процессе развития, социализации определенный потенциал личностного развития, становится собственно личностью, то есть – непосредственно человеком [1]. Личность человека, формирующаяся в возрасте

несовершеннолетия и оказывающая воздействие на его поведение, включая преступное поведение, является сложной философской, психологической категорией, опосредует позиции, взгляды, представления лица о правомерности, неправомерности, реализует правовой статус как систему прав, гарантий прав и обеспечения защиты, обязанно-

Elena A. MARKOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-7049-8380
Saint-Petersburg University of the Ministry
of Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law
markovaespb@yandex.ru

Olga A. TUCHINA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-9462-277X
Saint-Petersburg University of the Ministry
of Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Senior Lecturer of the Department of Criminalistics
tuchehka@mail.ru

THE AGE OF MINORITY AS A BASIS FOR APPLYING PREVENTIVE MEASURES TO ACCUSED AND SUSPECTS NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

KEYWORDS. Age of a minor, crime, psychophysical development, accused, suspect, criminal procedure legislation, preventive measures, isolation from society.

ANNOTATION. Introduction. In modern Russia, youth crime is one of the problems that require attention from the state and society to take decisive, targeted measures to prevent it. Undoubtedly, first of all, it is necessary to strive to reduce the level of juvenile delinquency, to prevent the influence of persons previously convicted in custody on juvenile suspects accused at the stage of preliminary investigation. Carefully study, when applying a preventive measure that is not conditioned by isolation from society, the peculiarities of the development and psychophysical condition of a minor suspect, accused, and the circumstances that contributed to their commission of a crime. **Methods.** The methodological basis of the research is dialectical, logical, systemic, as well as a number of other methods of scientific cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization, description. **Results.** The article examines the peculiarities of the psychophysical development of persons of the age of a minor, which influence the application of preventive measures to minors, the need, in order to more humane and effective ways of influencing the offender, to rethink positions regarding the system of preventive measures applied to the accused, suspects of the specified age category. The article substantiates: the underage age of the accused, the suspect acts as the main prerequisite for the exclusive application of preventive measures against such persons that do not correlate isolation from society, which reflects the humanistic orientation of criminal policy, thereby ensuring counteraction to juvenile delinquency in the future.

стей и юридической ответственности перед обществом, государством [2, с. 49].

Общепризнанно, что личность индивида, находящегося в несовершеннолетнем возрасте, с точки зрения социально-психологической характеристики рассматривается в качестве сложного явления, характеризующегося становлением сущностного мировоззрения, влиянием на сущность человека различных физиологических и психических процессов [3, с. 92]. Описывая психологические особенности лиц несовершеннолетнего возраста на этапе их взросления, С. Холл указал на специфику личности, отражающуюся и на противоречивости поведения, и на смене настроения, и на проявлениях кризисов (моральных, этических и пр.), и на проявлениях сомнений в личном авторитете [4, с. 129].

Структура личности, которая сформирована в процессе индивидуального развития лиц несовершеннолетнего возраста, способна детерминировать поведение, отражать как уровень правовой культуры, правового сознания, так и уровень социально-психического развития. С.Л. Рубинштейн в системе личностных свойств, характерных для несовершеннолетних, усматривал ведущие внутренние условия, благодаря которым определяются внешние факторы развития. Основ-

ные элементы личности несовершеннолетнего, выявленные ученым (биологически зависимая специфика, особенности отдельных психических проявлений, уровень опыта, различные социально обусловленные качества), взаимодействуют друг с другом, предопределяя его поведение. Доминирующее влияние при этом находится в зависимости от определенной личной социальной грани, мировоззрения личности, сформированного в несовершеннолетнем возрасте, а также от признания в качестве константы тех или иных поведенческих характеристик, потребностей, интересов, идеалов, убеждений, моральных, культурных и эстетических установок [5, с. 227].

Преступность несовершеннолетних – особенно злободневная мировая проблема, являющаяся сложным и динамично развивающимся социально-правовым опасным явлением, связанным с криминогенными и виктимогенными рисками, обусловленным системой особых детерминант [6, с. 30]. Несмотря на столь высокую значимость этой проблемы, при отправлении правосудия, при избрании мер пресечения в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать особенности психофизического развития личности, специфику процессуальных форм деятельности в отношении лиц рассматриваемого возраста¹.

¹ Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: Автореф. ... дис. докт. юрид. наук. СПб, 2002. 310 с.

МЕТОДЫ

Авторами в ходе осуществления исследования применялись диалектический, логический, системный методы, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, описание.

ОБСУЖДЕНИЕ

Российский законодатель, принимая во внимание прогрессивные положения Декларации прав ребенка 1959 г.¹, Конвенции о правах ребенка², Эр-Риядских принципов³ и Пекинских правил⁴, в национальном уголовно-процессуальном законодательстве в отношении мер пресечения стремится учесть особенности психофизического развития лиц несовершеннолетнего возраста, обеспечивая необходимый уровень охраны прав и интересов подозреваемых, обвиняемых данной возрастной группы [7, с. 55].

Рассмотрим важные аспекты, связанные с определением понятия «возраст» в юридической науке и правоприменительной практике. По нашему мнению, существующие подходы к определению данного понятия как в научной сфере, так и в законодательстве, не являются идеальными. В этих подходах фигурируют лишь некоторые характеристики для определения возраста [8, с. 160].

Содержательный подход используется при характеристике субъекта преступления, который рассматривается через призму совокупности признаков. Одним из них является возраст, которого лицо достигает ко времени совершения преступления (огромное значение имеет установление точного времени совершения общественно опасного деяния – от этого в конечном итоге зависит установление субъекта преступления). Установление возраста лица связано с определением момента наступления возможности привлечения данного лица к уголовной ответственности.

На необходимость точного установления возраста несовершеннолетнего как условие его уголовной ответственности обращается особое внимание в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»: «В соответствии со статьями 19, 20 УК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 421, статьей 73 УПК РФ установление возраста несовершеннолетнего обязательно, поскольку его возраст входит в чи-

сло обстоятельство, подлежащих доказыванию, и является одним из условий его уголовной ответственности. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т. е. с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица»⁵.

Помимо установления факта достижения лицом возраста, с которого возникает возможность привлечения к уголовной ответственности, необходимо установить наличие зависимости между возрастом и пониманием этим лицом сути совершенного им деяния, осознанием степени общественной опасности поступка (социальной сущности совершенного деяния как преступления), а также осознанностью наступающей уголовной ответственности и наказания [9, с. 262].

Результат проведенного нами анализа различных словарных источников позволяет определять возраст как «количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет; период, ступень, степень в росте, развитии каждого человека»⁶.

Действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство при определении возраста использует конкретные количественные показатели. Так, в соответствии с УК РФ «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста» (по некоторым составам преступлений ответственность может наступать по достижении 14-летнего возраста – в ч. 2 ст. 20 УК РФ закреплен исчерпывающий перечень таких преступлений; а по некоторым составам преступлений субъектом является лицо, достигшее возраста 18-ти лет).

В юриспруденции следует руководствоваться абсолютным (хронологическим, календарным) подходом к определению возраста лица, то есть рассматривать его как период с момента рождения человека до того или иного конкретного момента в его жизни (например достижение возраста уголовной ответственности), что в определенной мере удовлетворяет существующим научным и практическим потребностям [10].

¹ Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией ООН 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385-388.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

³ Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/112 на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой; 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

Вместе с тем очевидно, что при совершении лицом, достигшим 14-летия, одного из преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, сотрудникам органов предварительного следствия необходимо исходить из того, что возраст определяется не только датой рождения индивида. Требуется установить психическое состояние данного лица, уровень его восприятия окружающей действительности, его отношение к совершенному деянию, уровень развитости его общественных отношений.

Отметим интересный факт: в Республике Корея возраст человека исчислялся не с фактической даты рождения, а с начала года, при этом округлялось время, проведенное ребенком в утробе матери [11, с. 109]. И только с 28 июня 2023 г. это государство официально начало применять международную систему определения возраста, который стал отсчитываться со дня рождения человека. В соответствии со ст. 9 Уголовного кодекса Республики Корея «деяние лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, не подлежит наказанию»¹.

Преступность несовершеннолетних как совокупность всех преступлений, совершенных лицами, достигшими 14-тилетнего возраста, но не достигшими к моменту совершения преступления 18-тилетнего возраста, является составной частью всей преступности как в рамках одной территориальной структуры, так и в целом по стране. При этом в силу главного фактора – возраста преступника – выделяется в отдельную категорию [12, с. 285].

Однако следует исходить из того, что изучение личности несовершеннолетнего с учетом его возрастных особенностей при избрании обвиняемым и подозреваемым мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, должно опираться на оценку корреляционных связей, ставших причинами преступного поведения и совершения общественно опасного деяния, а также внешнего воздействия, оказанного на несовершеннолетнего, и его роли в процессе совершения преступления.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве процесс избрания несовершеннолетним, преследуемым правосудием, мер пресечения реализуется посредством прогнозирования деструктивных поведенческих актов. В связи с этим мера пресечения в отношении несовершеннолетних подлежит избранию в исключительных случаях (хотя понятие «исключительный случай» не раскрывается в законе). Очевидно, что это такие обстоятельства, при наличии которых оставление несовершеннолетнего на свободе представляет опасность для общества.

В российском законодательстве подчеркивается необходимость избрания в отношении подозреваемых и обвиняемых, не достигших возраста совершеннолетия, таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, при невозможности применения меры пресечения, не связанной с изоляцией несовершеннолетнего от

общества. Рассматриваемые нами меры пресечения обеспечивают реализацию принципа неотвратимости индивидуальной уголовной ответственности при соблюдении конституционных прав и свобод, включая свободу передвижения. Несовершеннолетний, подвергаясь воздействию мер пресечения, не предусматривающих изоляции от общества, остается в привычной для него обстановке, остается задействованным в образовательном процессе, поддерживает семейные связи, развивает характерные для его возраста качества личности, то есть, по сути, сохраняет «человеческое лицо в человеческих отношениях» [13, с. 14]. При этом вероятность его общения и взаимодействия с представителями преступного сообщества оказывается в значительной степени сниженной.

На современном этапе развития российского законодательства к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым могут быть применены следующие меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества: подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ), личное поручительство (ст. 103 УПК РФ), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым (ст. 105 УПК РФ), запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), залог (ст. 106 УПК РФ). При этом с учетом особенностей психофизического развития личности, необходимости соблюдения прав, законных интересов, свобод несовершеннолетнего целесообразно избрание наиболее гуманной меры пресечения (ст. 423 УПК РФ). А в случае возникновения необходимости применения в отношении несовершеннолетнего меры пресечения, связанной с изоляцией от общества, должна рассматриваться возможность его передачи под присмотр в соответствии со ст. 105 УПК РФ.

Российское уголовно-процессуальное законодательство, отражая особенности государственного воздействия на несовершеннолетних (ст.ст. 90, 427 УПК РФ), по нашему мнению, не уделяет должного внимания системе правовых основ воспитательного (осуществляемого наряду с пресекательным) воздействия применяемых в отношении несовершеннолетних мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Кроме того, следует подчеркнуть и недостаток внимания, уделяемого системе мер пресечения, применение которых возможно в отношении несовершеннолетних, специфике избрания и применения мер пресечения (гл. 13 и гл. 50 УПК РФ, помимо ст. 105 – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым).

Положения уголовно-процессуального закона, касающиеся мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, отличающихся в силу их возраста специфическими особенностями личности, рассредоточены по различным статьям УПК РФ и не представляют в своей совокупности единой стройной системы, которая учитывала бы особенности правосубъектности

¹ Уголовный кодекс Республики Корея от 18.09.1953 (в ред. Закона № 19582 от 08.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 09.02.2024) // URL: https://pusan.mid.ru/ru/informatsiya_dlya_posetiteley/poleznaya_informatsiya/informatsiya_o_zakonakh_respubliki_koreya/ugolovnyy_kodeks_rkoreya_na_rus/ (дата обращения: 12.02.2024 г.).

рассматриваемой нами группы подозреваемых, обвиняемых. Такая система могла бы исчерпывающим образом разъяснять обстоятельства, которые должны быть учтены при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних, раскрывая специфику каждой из таких мер.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полагаем, что наиболее эффективное применение к лицам, не достигшим возраста совершеннолетия, мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, будет способствовать решению национальной проблемы предупреждения и противодействия преступности несовершеннолетних. Между тем необходимо признать, что в настоящее время прогресса в деятельности по гуманизации процесса избрания для несовершеннолетних мер пресечения не наблюдается. К сожалению, практически не учитывается их потенциал, выражающийся в возможности нивелирования негативного воздействия на личность несовершеннолетнего «ценностей» уголовной субкультуры, а также в сопутствующем применению таких мер воспитательном, исправительном и ресоциализационном влиянии.

Считаем, что в качестве одного из основных трендов развития уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства России должна быть признана гуманизация отношения государства к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым. Ее проявлением будет более частое применение к лицам, не достигшим возраста совершеннолетия, мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, с учетом того, что такие меры не причиняют вреда психофизическому развитию личности, не отрывают подростка от семьи, от получения образования, от трудовой деятельности, обладают воспитательным воздействием, способствуют исправлению, а также снижению уровня преступности несовершеннолетних в целом.

В связи с необходимостью дальнейшей гуманизации российского законодательства, принимая во внимание особенности психофизического развития лиц, не достигших возраста совершеннолетия, мнение научного сообщества, позицию законодателя, отраженную в гл. 50 УПК РФ, полагаем целесообразным поддержать идею о формировании системы мер пресечения, избираемых исключительно для несовершеннолетних. Эти меры должны учитывать особенности их личности, не

до конца окрепшей, обладающей социально-негативными характеристиками [14]. Поэтому предлагаем рассмотреть возможность внести изменения в ст. 423 УПК РФ «Задержание несовершеннолетнего подозреваемого. Избрание несовершеннолетнему обвиняемому, подозреваемому меры пресечения», расширив ее содержание посредством определения особенностей избрания мер пресечения для несовершеннолетних и специфики каждой из этих мер.

Это предложение соответствует духу Основ государственной молодежной политики, в качестве стратегического направления которой названо формирование прогрессивных условий для развития гармоничной, эрудированной, неравнодушной, нравственной личности, восприимчивой к новым созидательным идеям и способной адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды¹.

Необходимость формирования системы мер пресечения, избираемых исключительно в отношении несовершеннолетних с учетом особенностей их личности, отражена в работах Н.А. Симагиной², Н.С. Мановой³, А.И. Терегубовой⁴, других авторов научных трудов. Так, Г.П. Химичева отмечает, что предпринимаемые попытки совершенствования законодательства в части, касающейся мер пресечения для несовершеннолетних, не оказали ожидаемого воздействия ни на преступность, ни на регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве системы мер, применяемых к несовершеннолетним. Это обстоятельство не позволяет достичь баланса между целями правосудия, правами, интересами и свободами совершивших преступление лиц, не достигших возраста совершеннолетия [15].

Представленная позиция поддержана Конституционным Судом Российской Федерации⁵, а также Верховным Судом Российской Федерации. Последний в одном из постановлений подчеркнул, что правосудие в отношении несовершеннолетнего должно быть направлено на обеспечение индивидуального подхода к мерам государственного принуждения и должно характеризоваться соизмеримостью с общественной опасностью совершенного деяния, учитывать особенности, возраст личности, способствуя тем самым профилактике преступности несовершеннолетних, ресоциализации, противодействию экстремистским проявлениям. Изоляция же несовершеннолетних от общества должна быть исключительным явле-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

² Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 55-56.

³ Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2005. 443 с.

⁴ Терегубова А.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в контексте рационализации стадии предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019. 218 с.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2003. № 61. 2 апреля.

нием и применяться только в целях обеспечения правосудия¹.

Полагаем, что в обновленной ст. 423 УПК РФ группу обстоятельств, обязательных для учета правоприменителем в процессе избрания несовершеннолетнему обвиняемому, подозреваемому меры пресечения, должны составить: тяжесть совершенного общественно опасного деяния; характеристики личности: возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, а также эмоциональные, нравственные, волевые характеристики, культурные и социальные установки, демографические и образовательные факторы; степень внушаемости; самооценка; характер отношений с родственниками, близкими людьми, педагогическими работниками (определяемый по заключению психолога).

Предлагаемая нами концепция мер пресечения, применяемых в отношении несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых, предполагает, во-первых, не только расширение возможностей избрания таких из них, которые не связаны с изоляцией от общества, но и, во-вторых, выстраивание иерархии не связанных с изоляцией от общества мер пресечения, применяемых в отношении несовершеннолетних, с определением их це-

лей и значения, а также, в-третьих, развитие правовых основ воспитательного воздействия применяемых в отношении несовершеннолетних мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку возраст, когда человек еще не достиг совершеннолетия, как временной промежуток становления его личности связан с освоением им основных человеческих ценностей, в том числе моральных и нравственных, формированием социальных установок, отношения к обществу, государству, другому человеку, личность несовершеннолетнего в этом возрасте отличается неустойчивостью психики, находящейся под воздействием и позитивных, и негативных проявлений современного общества. Естественно, что изоляция от общества формирует у несовершеннолетнего негативные групповые «ценности», которые он воспринимает из криминальной субкультуры, его личность подвергается деформации. Поэтому не вызывает сомнений необходимость применения к обвиняемым и подозреваемым данной возрастной группы в основном мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Изолирующие меры могут применяться в их отношении только в порядке исключения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с. (Серия «Памятники философской мысли»).
2. Аброкова О.А. Правовой статус личности // Научные известия. 2020. № 19. С. 49. С. 47-50.
3. Михайлова О.Г. Некоторые пробелы правовой регламентации участия психолога в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 90-98.
4. Холл С. История одной кучи песку. Очерки по изучению ребенка. М.: Пучина, 1925. 144 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 1998. 688 с.
6. Буренкова О.Е. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 1 (29). С. 30-35.
7. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения, состоящие в изоляции несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: реализация международных стандартов в отечественном законодательстве // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 54-58.
8. Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Возраст несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства как элемент социально-демографических свойств личности // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 1 (9). С. 156-171.
9. Фомина И.А. Факторы риска, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними // Проблемы современной уголовной политики: Материалы международной научно-практической конференции (посвященной 305-летию российской полиции), Иркутск, 21 апреля 2023 г. Иркутск: ВСИ МВД России, 2023. С. 262-265.
10. Орлова Т.В. Судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. М.: Проспект, 2022. 168 с.
11. Фомина И.А. К вопросу об определении возраста при разработке методики расследования преступлений с участием несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 105-111.
12. Кушхов Р.Х., Напсоков А.Р. Проблемы и отличительные черты преступности несовершеннолетних // Образование и право. 2022. № 7. С. 284-287.
13. Ромашов Р.А. Проблемы исполнения наказаний и применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2 (13). С. 11-15.
14. Лобачева Л.П. Личность несовершеннолетнего преступника. Социальные и психологические аспекты // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 8 (Vol. 43); URL: <https://www.gyrnal.ru/statyi/ru/604/>.
15. Химичева Г.П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20-24.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

REFERENCES

1. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. M.: Nauka, 2000. 495 s. (Seriya «Pamyatniki filosofskoy mysli»).
2. Abrozkova O.A. Pravovoy status lichnosti // Nauchnyye izvestiya. 2020. № 19. S. 49. S. 47-50.
3. Mikhaylova O.G. Nekotoryye probely pravovoy reglamentatsii uchastiya psikhologa v ugolovnom sudoproizvodstve v otnoshenii nesovershennoletnikh // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2020. T. 10. № 5. S. 90-98.
4. Khol S. Istoriya odnoy kuchi pesku. Ocherki po izucheniyu rebenka. M.: Puchina, 1925. 144 s.
5. Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchey psikhologii. SPb: Piter, 1998. 688 s.
6. Burenkova O.Ye. Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1 (29). S. 30-35.
7. Murav'yev K.V. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya, sostoyashchiye v izolyatsii nesovershennoletnego podozrevayemogo, obvinyayemogo: realizatsiya mezhdunarodnykh standartov v otechestvennom zakonodatel'stve // Ugolovnaya yustitsiya. 2020. № 15. S. 54-58.
8. Makarenko I.A., Zaynullin R.I. Voзраст nesovershennoletnego uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva kak element sotsial'no-demograficheskikh svoystv lichnosti // Ufimskiy gumanitarnyy nauchnyy forum. 2022. № 1 (9). S. 156-171.
9. Fomina I.A. Faktory riska, sposobstvuyushchiye soversheniyu prestupleniy nesovershennoletnimi // Problemy sovremennoy ugolovnoy politiki: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (posvyashchennoy 305-letiyu rossiyskoy polititsii), Irkutsk, 21 aprelya 2023 g. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2023. S. 262-265.
10. Orlova T.V. Sudoproizvodstvo po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh. M.: Prospekt, 2022. 168 s.
11. Fomina I.A. K voprosu ob opredelenii vozrasta pri razrabotke metodiki rassledovaniya prestupleniy s uchastiyem nesovershennoletnikh // Sibirskiy yuridicheskoy vestnik. 2023. № 2 (101). S. 105-111.
12. Kushkhov R.KH., Napsokov A.R. Problemy i otlichitel'nyye cherty prestupnosti nesovershennoletnikh // Obrazovaniye i pravo. 2022. № 7. S. 284-287.
13. Romashov R.A. Problemy ispolneniya nakazaniy i primeneniya mer presecheniya, ne svyazannykh s izolyatsiy ot obshchestva // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2014. № 2 (13). S. 11-15.
14. Lobacheva L.P. Lichnost' nesovershennoletnego prestupnika. Sotsial'nyye i psikhologicheskiye aspekty // Obrazovaniye i nauka v Rossii i za rubezhom. 2018. № 8 (Vol. 43); URL: <https://www.gyrnal.ru/statyi/ru/604/>.
15. Khimicheva G.P. Nesovershennoletniy obvinyayemyy (podozrevayemyy): mery presecheniya // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. 2014. № 4. S. 20-24.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Маркова Е.А., Тучина О.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Маркова Е.А., Тучина О.А. Несоввершеннолетие как основание применения к обвиняемым и подозреваемым мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 38-44.

Елена Владимировна КУЗНЕЦОВА,

ORCID 0000-0005-0655-2257

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

адъюнкт

elenakuznetsova0002@mail.ru

Научная статья

УДК 343.1

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАВЕРШАЮЩЕГО ЭТАПА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Форма окончания предварительного расследования, завершающий этап предварительного следствия, прокурорский надзор, ведомственный процессуальный контроль.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) правовая регламентация завершающего этапа предварительного расследования была значительно изменена. Как считал законодатель, – в лучшую сторону. Вместе с тем проблемным остается вопрос об обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства на данном этапе. В статье проводится сравнительный анализ форм окончания предварительного расследования в Российской Федерации и некоторых странах Содружества Независимых Государств, отмечается при этом положительный опыт как зарубежного, так и отечественного законодательства, регулирующего различные аспекты процессуальной деятельности следователя, руководителя следственного органа, прокурора на завершающем этапе расследования. *Методы.* Сопоставляется нормативное регулирование основных форм окончания предварительного расследования в форме следствия – окончание расследования с составлением обвинительного заключения и передачей уголовного дела прокурору для направления в суд и прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования – в России, Беларуси, Азербайджане, Казахстане. Анализируется и сравнивается функционирование на завершающем этапе предварительного расследования таких правовых институтов, как ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор. *Результаты.* Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Беларуси, Азербайджана и Казахстана, осуществив сравнительный анализ различных аспектов двух основных форм окончания предварительного расследования, автор полагает возможным обсудить вопрос о закреплении в УПК РФ ряда положений, аналогичных существующим в УПК названных выше зарубежных государств.

ВВЕДЕНИЕ

Расследуя преступление, следователь должен осуществлять доказательственную деятельность, а также реализовать правообеспечительную функцию. По мнению ученого-процессуалиста А.А. Давлетова, под данной функцией понимается деятельность следователя, направленная не только на соблюдение закрепленного порядка разъяснения участникам уголовного процесса прав и обязанностей, предусмотренных их процессуальным статусом, но и на обеспечение возможности реализации в полном объеме таких прав [1, с. 58]. Существенное значение эта функция приобретает на заключительном этапе расследования преступления. На данном этапе уже не ведется никакая деятельность, направленная на собирание доказательств, но зато в полной мере проявляется правообеспечительная функция, реализация которой выражается в ряде процессуальных действий следователя. Это такие действия, как уведомление об окончании следственных действий и предварительного расследования, ознакомление участников с материалами уголовного дела в том порядке и объеме, который предусматривает уголовно-процессуаль-

ный закон, разрешение заявленных ходатайств и жалоб и т.д. [2].

Для более глубокого понимания сути и содержания названных действий следователя, а также возникающих на их основе правоотношений представляется целесообразным исследованием отдельных аспектов процессуальной деятельности на завершающем этапе расследования. В ряде стран Содружества Независимых Государств в уголовно-процессуальном праве воспроизводится с некоторыми не принципиальными, но интересными с точки зрения изучения практики их применения изменениями советская модель правового регулирования завершающего этапа расследования. К их числу прежде всего относятся Азербайджан, Беларусь и Казахстан. К рассмотрению опыта названных государств мы и обратимся в настоящей статье.

МЕТОДЫ

Далее мы намерены сопоставить нормативное регулирование основных форм окончания предварительного расследования в форме следствия – окончание расследования с составлением обвинительного заключения и передачей уголовного

Elena V. KUZNETSOVA,
ORCID 0000-0005-0655-2257
Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (Ekaterinburg, Russia)
Adjunct
elenakuznetsova0002@mail.ru

REGULATORY REGULATION OF THE FINAL STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

KEYWORDS. Form of completion of preliminary investigation, final stage of preliminary inquiry, prosecutor's supervision, departmental procedural control.

ANNOTATION. Introduction. With the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the legal regulation of the final stage of the preliminary investigation was significantly changed. As the legislator believed, for the better. At the same time, not all the provisions can be recognized as theoretically and empirically justified. The issue of ensuring the rights and participants freedoms in criminal proceedings at this stage remains problematic today. In the article, the author conducts a comparative analysis of the forms of completion of the preliminary investigation in the Russian Federation and some CIS countries, highlighting the positive experience of both foreign and domestic legislation regulating certain aspects of the investigator procedural activities, head of the investigative body, and the prosecutor at the final stage of the investigation. **Methods.** The author compares the normative regulation of the main forms of the preliminary investigation completion in the form of an investigation: investigation completion with the preparation of an indictment and transfer of the criminal case to the prosecutor for referral to court and termination of the criminal case at the stage of preliminary investigation in Russia, Belarus, Azerbaijan, and Kazakhstan. The author also analyzes and compares the functioning of such legal institutions as departmental procedural control and prosecutorial supervision at the final stage of the preliminary investigation. **Results.** Having analyzed the criminal procedure legislation of the Russian Federation, Belarus, Azerbaijan and Kazakhstan and having conducted a comparative analysis of the two main forms of the completion of the preliminary investigation various aspects, the author believes it is possible to discuss the issue of enshrining in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a number of provisions similar to those existing in the Code of Criminal Procedure of the above-mentioned foreign countries.

дела прокурору для направления в суд и прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования – в Российской Федерации и перечисленных выше странах Содружества Независимых Государств. Кроме того, мы проанализируем и сравним функционирование на завершающем этапе предварительного расследования таких правовых институтов, как ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор. Наш интерес обусловлен тем, что от деятельности прокурора и ведомственных руководителей зависит уровень соблюдения законности и обеспеченности прав и свобод участников уголовного судопроизводства на завершающем этапе предварительного расследования.

ОБСУЖДЕНИЕ

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве России процедура уведомления об окончании предварительного расследования закреплена в ст. 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Однако в данной статье кодекса раскрыт только процесс уведомления обвиняемого и его защитника, но ни слова не говорится об участниках процесса, представляющих другую сторону: потерпевшем, гражданском истце и их представителях. Обращаясь к ст. 216 УПК РФ, мы видим, что для потерпевшего, гражданского истца и их представителей закреплено право знакомится с материалами уголовного дела в объеме, установленном законом. Но возникает логичный вопрос:

как можно реализовывать данное право, если эти участники процесса не уведомлены об окончании следственных действий?

Еще больше вопросов вызывает окончание предварительного расследования в форме дознания, так как, согласно ч. 1. ст. 223 УПК РФ, положения, закрепленные гл. 30 УПК РФ, не распространяются на расследование в форме дознания. Вместе с тем ст. 225 УПК РФ предусматривает процедуру уведомления участников процесса об окончании предварительного расследования. Но при этом закрепляет за потерпевшим право заявлять ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела. Таким образом, в данном случае очевиден пробел в действующем законодательстве.

Более последователен в этом отношении белорусский законодатель. В соответствии со ст. 255 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ)¹ следователь обязан уведомить и сторону защиты, и сторону обвинения. Это значит, что УПК РБ прямо и недвусмысленно возлагает на лицо, осуществляющее предварительное расследование, обязанность по надлежащей организации ознакомления заинтересованных лиц с материалами уголовного дела.

Аналогичная позиция закреплена в уголовно-процессуальном законе Республики Азербайджан (далее – УПК РА)². Так, ст. 284 УПК РА закрепляет обязанность следователя уведомить об окончании предварительного расследования как сторону за-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 20.02.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 20.02.2023).

щиты, так и сторону обвинения, разъяснив им их права и обязанности. После данного уведомления следователь должен ознакомить обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и итоговым решением. У стороны обвинения появляется возможность знакомиться с документами только после того, как она заявит о своем желании ознакомиться с материалами уголовного дела.

Законодательство Республики Казахстан в ст. 294 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РК)¹ также закрепляет необходимость письменного уведомления заинтересованных участников уголовного процесса об окончании предварительного расследования. После такого уведомления у них возникает право на ознакомление с материалами уголовного дела.

Обращаясь к правоприменительной практике, следует отметить, что отсутствие четкого правового регулирования уведомления участников уголовного судопроизводства приводит к негативным последствиям и нарушению разумного срока уголовного судопроизводства. Например, решением Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. уголовное дело было возвращено на стадию предварительного расследования в связи с тем, что потерпевший не смог в полной мере реализовать свое право на ознакомление с материалами уголовного дела, предусмотренное ст. 216 УПК РФ. В этом усматривается нарушение конституционного права гражданина на доступ к правосудию, что исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора².

Рассматриваемый нами вопрос активно обсуждается учеными-процессуалистами. Большинство из них видят необходимость в совершенствовании законодательного закрепления процедуры уведомления участников уголовного процесса. Например, С.И. Голова, О.В. Гладышева, Б.А. Мириев, считают, что ст. 215 УПК РФ должна быть дополнена следующим положением: «Следователь уведомляет об окончании следственных действий потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, законных представителей, разъясняет им право и порядок ознакомления с материалами уголовного дела, о чем составляется протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса. В протоколе фиксируется наличие или отсутствие ходатайства участников на ознакомление с материалами уголовного дела» [3, с. 167].

С учетом результатов анализа следственной практики, законодательных требований и выводов авторов научных работ считаем, что в настоящее время правовое регулирование порядка уведомления участников уголовного судопроизводства об окончании расследования, существующее в Азербайджане, Беларуси и Казахстане, в большей степени позволяет обеспечить права потерпевшего, гражданских истца и ответчика, их представителей.

Отдельного внимания заслуживает процедура подачи ходатайств и заявлений при ознакомлении

с материалами уголовного дела. Анализ уголовно-процессуального законодательства Казахстана и Азербайджана позволяет сделать вывод о том, что отказ в удовлетворении ходатайств может быть обжалован прокурору или в суд, при этом уголовное дело до разрешения жалобы прокурором или судом остается в производстве у следователя и в суд не направляется (ст. 297 УПК РК, ст. 287 УПК АР) [4]. Обжалование таких решений следователя в Российской Федерации осуществляется в соответствии с гл. 16 УПК РФ, то есть в общем порядке [5]. В связи с этим А.В. Спиринов предлагает предоставить лицу, заявившему ходатайство о дополнении предварительного расследования, в случае отказа в удовлетворении такого ходатайства следователем право обжаловать данное решение прокурору. До разрешения жалобы прокурором уголовное дело в этом случае не должно направляться в суд [6, с. 92].

По нашему мнению, дополнение ч. 4 ст. 217 УПК РФ положением о праве на обжалование с одновременным приостановлением движения материалов уголовного дела будет способствовать повышению уровня обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Данное дополнение позволит разрешать ситуации, в которых обвиняемый или потерпевший заявляют ходатайство о дополнительном расследовании, но следователь отказывается в удовлетворении этого ходатайства, не желая продлевать срок предварительного расследования. В соответствии с УПК РФ обжалование отказа в удовлетворении такого ходатайства прокурору возможно, но необходимо учитывать то обстоятельство, что, пока защитник готовит жалобу, прокурор может утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд, поскольку процедура обжалования в данном случае не является препятствием для движения уголовного дела. Следовательно, неполнота расследования в такой ситуации может быть выявлена только в судебном разбирательстве, что значительно усложняет процедуру устранения данной неполноты.

Что касается итогового решения, выносимого следователем на рассматриваемом нами этапе, то его наименование и процессуальный порядок согласования (утверждения) в разных странах различаются. По УПК РФ при окончании предварительного следствия таким решением становится обвинительное заключение, которое направляется прокурору только с согласия руководителя следственного органа. В соответствии с УПК РФ выносится постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. До направления прокурору его подписывает только следователь. Анализ ст. 260 УПК РФ и ст. 220 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что итоговые решения отличаются не только названием, но и содержанием и порядком их согласования и утверждения. Так, ч. 1 ст. 262 УПК РФ определяет, что следователь самостоятельно выносит поста-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.02.2023).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.09.2010 № 8-10-23 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.02.2023).

новление и направляет его прокурору, который в дальнейшем будет осуществлять надзор. То есть ведомственный процессуальный контроль в данном случае не формализован, так как непосредственный руководитель следователя, если буквально трактовать норму закона, может вообще не принимать никакого участия в проверке материалов уголовного дела и итогового решения. Согласно УПК РА итоговое решение также не подлежит согласованию и утверждению непосредственным ведомственным руководителем, а напрямую направляется прокурору.

О важности и значимости ведомственного процессуального контроля на завершающем этапе предварительного следствия в своих научных трудах пишут Г.П. Химичева [7], В.А. Семенцов [8], Н.В. Григорьева [9] и другие ученые. В обзорах «О состоянии качества расследования уголовных дел следственными подразделениями территориальных органов внутренних дел» ежегодно отмечается, что допускаемые нарушения обусловлены неполнотой использования руководителями следственных подразделений полномочий, предусмотренных ст. 39 УПК РФ¹. Это свидетельствует о необходимости существования и совершенствования ведомственного процессуального контроля на завершающем этапе предварительного расследования.

Наибольшей спецификой отличается правовое регулирование рассматриваемого нами вопроса в Казахстане. В соответствии со ст. 298 УПК РК следователь на данном этапе своей деятельности составляет отчет о завершении досудебного расследования. После подписания следователем – без согласования с кем-либо и утверждения кем бы то ни было – отчет вместе с материалами уголовного дела направляется прокурору (ст. 300 УПК РК). Прокурор, проверив материалы уголовного дела, составляет обвинительный акт, который и становится итоговым решением на стадии предварительного расследования. Таким образом, отчет следователя в данном случае не является итоговым решением, а оказывается связующим звеном между окончанием уголовно-процессуальной деятельности следователя и передачей дела прокурору (ст. 302 УПК РК) [10].

Этот вывод подтверждается и мнением казахстанских ученых Е.С. Мерзадинова, А.А. Секишева и Е.М. Абайдельдинова. Они утверждают, что «обвинительный акт является процессуальным документом решения прокурора по уголовному делу, поступившему к нему для предания лица суду ... Решение вопроса об обвинении лица в причастности к совершению уголовного правонарушения необходимо оставить в исключительных полномочиях прокурора, то есть обвинительный акт или иное решение о необходимости направления дела в суд должно составляться прокурором» [11, с. 85].

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: в отличие от положений УПК РФ по УПК РК обвинительный акт как итоговый документ предварительного расследования составляется уже по-

сле ознакомления с материалами уголовного дела, и лицо приобретает статус обвиняемого только после того, как прокурор вручит ему копию обвинительного акта, разъяснит права и возьмет расписку о получении акта. Полагаем, что российское законодательство справедливо не наделяет прокурора исключительным правом составления итогового решения, так как это увеличит нагрузку прокурора, повлияет на качество осуществления им прокурорского надзора.

Научного осмысления и корректировки законодательства требует другая проблема: отсутствие у российского прокурора права изменять обвинение, изложенное следователем в обвинительном заключении [12]. В настоящее время прокурор, если не согласен с обвинением, должен направить уголовное дело для производства предварительного следствия, что значительно увеличивает сроки предварительного расследования. Считаем целесообразным рассмотреть вопрос о предоставлении прокурору возможности корректировать обвинение, составляя новое обвинительное заключение.

Мнения о необходимости возвращения прокурору права на пересоставление обвинительного заключения придерживается, например, Э.Н. Алимамедов. На его взгляд, это позволит более полно отразить в названном документе позицию прокурора как будущего государственного обвинителя [13, с. 122]. Полагаем, что подобное полномочие должно быть в арсенале прокурора, поскольку оно позволяло бы в некоторых случаях избегать возвращения уголовного дела для пересоставления итогового документа следователем.

Рассматривая такую форму окончания предварительного расследования, как прекращение производства по уголовному делу, прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что соответствующее постановление, согласно нормам УПК РФ, может выносить не только следователь, но и прокурор. В соответствии с УПК РФ прокурор не имеет полномочий прекратить уголовное дело, находящееся в производстве следователя или поступившее от следователя с обвинительным заключением [14].

В ст. 252 УПК РФ достаточно подробно регламентируется правообеспечительная деятельность следователя и прокурора после прекращения предварительного расследования. Данные должностные лица письменно уведомляют заинтересованных участников уголовного судопроизводства, разъясняют право на ознакомление с уголовным делом и порядок обжалования постановления о прекращении уголовного дела, по просьбе участников вручают им копию постановления о прекращении предварительного расследования. В соответствии со ст. 41.1 УПК АР дознаватель, следователь или прокурор, выявив в ходе предварительного расследования обстоятельства, указанные в ст. 39 УПК АР, выносит постановление о прекращении уголовного преследования (уголовного дела). В ст. 281 УПК АР установлена процедура ознакомления с материалами прекращенного уголовного дела. УПК РК полномочия прокурора

¹ См., например, обзор «О состоянии качества расследования уголовных дел следственными подразделениями территориальных органов внутренних дел Свердловской области в первом полугодии 2023 года».

по утверждению постановлений следователя о прекращении уголовного дела закрепляет в п.п. 6 и 17 ч. 1 ст. 193. Порядок действий прокурора по уголовному делу, поступившему с постановлением о прекращении уголовного дела, регулируется ст. 290 УПК РК [15].

В УПК РФ данная деятельность следователя и прокурора столь подробно не регламентирована. В ст. 213 кодекса указывается только, что следователь должен вручить копию постановления о прекращении уголовного дела лицу, в отношении которого оно прекращено, потерпевшему, гражданскому истцу и ответчику. Порядок ознакомления с материалами уголовного дела при данной форме окончания предварительного расследования ст. 213 УПК РФ не закреплен, хотя само ознакомление не исключено (п. 12 ч. 2 ст. 42 и п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ предоставляют такое право соответственно для потерпевшего и обвиняемого, для подозреваемого такого права не предусмотрено). Отсутствие законодательного закрепления порядка ознакомления с материалами прекращенного уголовного дела обесценивает само право на ознакомление. По сути: право есть, а как его реализовать, не понятно. Возникает ситуация, когда реализация права зависит от усмотрения следователя.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Беларуси, Азербайджана и Казахстана, отечественную судебную и следственную практику, осуществив сравнительный анализ различных аспектов двух основных форм окончания предварительного расследования, полагаем возможным поставить вопрос о закреплении в УПК РФ ряда положений, аналогичных тем, которые существуют в УПК вышеуказанных государств:

1. Закрепить в ст. 215 УПК РФ обязанность следователя уведомлять об окончании предварительного расследования не только обвиняемого, его защитника и представителя, но и потерпевшего, гражданских истцов, ответчиков и их представителей, взяв за основу положения уголовно-процессуального законодательства Беларуси, Азербайджана и Казахстана. Такое уведомление позволит потерпевшему своевременно узнавать о своем

праве на ознакомление с материалами уголовного дела, на заявление жалоб и ходатайств.

2. Включить в ч. 4 ст. 217 УПК РФ положение о предоставлении лицу, заявившему ходатайство о дополнении предварительного расследования, в случае отказа в удовлетворении такого ходатайства следователем права обжаловать это решение прокурору. До разрешения жалобы прокурором уголовное дело направлению в суд не подлежит.

3. Предоставить прокурору право пересоставления обвинительного заключения в связи с необходимостью изменения обвинения на менее тяжкое или исключения отдельных пунктов обвинения, а также право прекратить уголовное дело, поступившее от следователя с обвинительным заключением.

4. Предусмотреть в ст. 213 УПК РФ порядок ознакомления заинтересованных участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела при прекращении уголовного дела.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование показывает, что сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Беларуси, Азербайджана и Казахстана, а также изучение и оценка следственной и судебной практики позволяют обосновать необходимость внесения в УПК РФ изменений, которые, как представляется, могут оказать в России позитивное влияние на развитие процедуры завершающего этапа предварительного расследования.

Зарубежный опыт реализации завершающего этапа предварительного расследования при вынесении следователем обвинительного заключения и постановления о прекращении уголовного дела не просто может быть применим в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, но и позволяет сформулировать вполне конкретные предложения по совершенствованию УПК РФ. Сущность данных предложений заключается в усилении роли ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора с целью совершенствования положений, связанных с обеспечением и защитой прав и свобод участников уголовного судопроизводства и надлежащей реализацией следователем его правообеспечительной функции. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Давлетов А.А., Азаренок Н.В., Асанов Р.Ш. Проблема функций следователя в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 56-68.
2. Трифонова К.А., Бирюков С.Ю. Уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе расследования // Правовая парадигма. 2022. № 3. Т. 21. С. 112-119.
3. Голова С.И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 166-171.
4. Левченко О.В. Прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса Республики Азербайджан // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 5. С. 18-22.
5. Иванов Е.Е. Усиление гарантий прав участников уголовного судопроизводства при их уведомлении об окончании следственных действий // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Материалы конференции. М.: Проспект, 2019. Ч. 5. С. 67-69.
6. Спиринов А.В. О некоторых аспектах правового регулирования этапа окончания расследования по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева. 2023. № 1 (10). С. 88-92.
7. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. М.: Экзамен, 2003. 286 с.

8. Семенов В.А., Гладышева О.В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 46-49.
9. Григорьева Н.В. К вопросу о ведомственном процессуальном контроле в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 128-130.
10. Левченко О.В. Прокурорский надзор в досудебном производстве Республики Казахстан // Ex jure. 2022. № 4. С. 145-162.
11. Мерзадинов Е.С., Секишев А.А., Абайдельдинов Е.М. Вопросы законодательного обеспечения полномочий прокурора по уголовному преследованию // Вестник Академии правоохранительных органов. 2020. № 2 (16). С. 82-89.
12. Королёв Г.Н. О возможностях влияния прокурора на формирование государственного обвинения в ходе досудебного производства // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 126-130.
13. Алимamedов Э.Н. Право прокурора по составлению нового обвинительного заключения как способ совершенствования уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 120-123.
14. Ендольцева Ю.В. Ознакомление с материалами уголовного дела при его прекращении: проблемы правового регулирования // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1 (44). С. 180-184.
15. Спирин А.В. О теоретических основах разграничения прокурорского надзора и процессуального (ведомственного) контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 54-60.

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V., Asanov R.SH. Problema funktsiy sledovatelya v ugovnom protsesse // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2019. № 4. S. 56-68.
2. Trifonova K.A., Biryukov S.YU. Ugolovno-protsessual'nyye sredstva prokurorskogo nadzora na zavershayushchem etape rassledovaniya // Pravovaya paradigma. 2022. № 3. T. 21. S. 112-119.
3. Golova S.I. Protsessual'naya deyatel'nost' sledovatelya po uvedomleniyu uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva ob okonchaniy predvaritel'nogo sledstviya s obvinitel'nym zaklyucheniyem // Obshchestvo i pravo. 2014. № 3 (49). S. 166-171.
4. Levchenko O.V. Prokurorskiy nadzor v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa Respubliki Azerbaydzhan // Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2022. № 5. S. 18-22.
5. Ivanov Ye.Ye. Usileniye garantiy prav uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva pri ikh uvedomlenii ob okonchaniy sledstvennykh deystviy // Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i sovremennyy pravoporyadok. Materialy konferentsii. M.: Prospekt, 2019. CH. 5. S. 67-69.
6. Spirin A.V. O nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya etapa okonchaniya rassledovaniya po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan // Vestnik Aktyubinskogo yuridicheskogo instituta MVD Respubliki Kazakhstan im. M. Bukenbayeva. 2023. № 1 (10). S. 88-92.
7. Khimicheva G.P. Dosudebnoye proizvodstvo po ugovnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti: Monografiya. M.: Ekzamen, 2003. 286 s.
8. Sementsov V.A., Gladysheva O.V. Polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa v dosudebnoy proizvodstve // Sotsium i vlast'. 2012. № 3 (35). S. 46-49.
9. Grigor'yeva N.V. K voprosu o vedomstvennom protsessual'nom kontrole v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 5. С. 128-130.
10. Levchenko O.V. Prokurorskiy nadzor v dosudebnoy proizvodstve Respubliki Kazakhstan // Ekh jure. 2022. № 4. S. 145-162.
11. Merzadinov Ye.S., Sekishev A.A., Abaydel'dinov Ye.M. Voprosy zakonodatel'nogo obespecheniya polnomochiy prokurora po ugovnomu presledovaniyu // Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov. 2020. № 2 (16). S. 82-89.
12. Korolov G.N. O vozmozhnostyakh vliyaniya prokurora na formirovaniye gosudarstvennogo obvineniya v khode dosudebnogo proizvodstva // Vestnik Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 4. S. 126-130.
13. Alimamedov E.N. Pravo prokurora po sostavleniyu novogo obvinitel'nogo zaklyucheniya kak sposob sovershenstvovaniya ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 3. S. 120-123.
14. Yendol'tseva YU.V. Oznakomleniye s materialami ugovnogo dela pri yego prekrashchenii: problemy pravovogo regulirovaniya // Vestnik Barnaul'skogo yurid. instituta MVD Rossii. 2023. № 1 (44). S. 180-184.
15. Spirin A.V. O teoreticheskikh osnovakh razgranicheniya prokurorskogo nadzora i protsessual'nogo (vedomstvennogo) kontrolya v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1. S. 54-60.

© Кузнецова Е.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кузнецова Е.В. Нормативное регулирование завершающего этапа предварительного следствия: сравнительно-правовой анализ // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 45-50.

Ярослав Владимирович ТУЧКОВ,
ORCID 0009-0008-5298-698X
Академия управления МВД России (г. Москва)
yaroslav.tuchkov@mail.ru

Научная статья
УДК 343.1

О ПОНЯТИИ «ЦИФРОВАЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальные правоотношения, уголовное судопроизводство, цифровизация, цифровые технологии, цифровая уголовно-процессуальная форма, электронное судопроизводство, технологии искусственного интеллекта.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время происходит активная цифровизация практически всех сфер человеческой деятельности. Не осталось в стороне от этого процесса и уголовное судопроизводство, в которое также внедряются различные цифровые технологии. В этих обстоятельствах подвергается изменениям, в частности, уголовно-процессуальная форма. Разработка концепции цифровой уголовно-процессуальной формы обусловлена потребностью в осуществлении такого уголовного процесса, который соответствовал бы реалиям современного цифрового общества. Как следствие, внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство становится одним из ведущих направлений модернизации уголовно-процессуальной формы. Вместе с тем обращает на себя внимание необходимость сохранения общепризнанных стандартов в области защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Стремительное развитие цифровых технологий и их внедрение в уголовный процесс, с одной стороны, способствуют повышению уровня оперативности и эффективности расследования преступления и производства по уголовным делам судебного разбирательства, а с другой – несут в себе многочисленные риски, влекущие за собой негативные последствия. В условиях отсутствия научной проработанности цифровой уголовно-процессуальной формы, ее признаков и значения невозможно в полной мере обосновать целесообразность внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. *Методы.* Методологическую основу исследования составили положения материалистической диалектики, теории познания и общая теория уголовного процесса. Кроме того, автором использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, научный прогноз, описание, аналогия, формально-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический методы. *Результаты.* В статье предложено авторское определение цифровой уголовно-процессуальной формы, определены ее специфические признаки и значение. Делается вывод о том, что цифровые технологии служат средством развития уголовного судопроизводства, благодаря чему «классическая» уголовно-процессуальная форма подвергается изменению, все больше соответствуя объективным потребностям современного российского общества.

«Процессуальная форма – это не пустая формальность, это абсолютно необходимое условие правильности расследования и разрешения уголовных дел».
М.С. Строгович

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальная форма, без всякого сомнения, является одной из основных категорий уголовно-процессуального права. С течением времени она подвергается изменениям в силу воздействия различных факторов (изменение законодательства, появление новых участников уголовного судопроизводства, внедрение в уголовный процесс новейших технологий и т.д.). В настоящее время происходит интенсивное развитие уголовно-процессуальных отношений, в связи с чем процессуальная форма меняется так, как не менялась никогда ранее.

Именно поэтому в качестве эпиграфа к данной статье приведены слова советского правоведа,

доктора юридических наук, профессора, член-корреспондента Академии наук СССР (1939 г.) Михаила Соломоновича Строговича. Именно им впервые – в Курсе советского уголовного процесса 1968 г. – было дано наиболее развернутое определение процессуальной формы и широко рассмотрено ее значение. Под процессуальной формой он понимал совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования преступлений и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности. По его мнению, деятельность следственных, прокурорских и судебных органов связана с неукоснительным соблюдением и обеспечением гарантий прав и законных интересов участников процесса

Yaroslav V. TUCHKOV,

ORCID 0009-0008-5298-698X

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

yaroslav.tuchkov@mail.ru

ABOUT THE CONCEPT OF «DIGITAL CRIMINAL PROCEDURE FORM»

KEYWORDS. Criminal procedural form, criminal procedural activity, criminal procedural legal relations, criminal proceedings, digitalization, digital technologies, digital criminal procedural form, electronic legal proceedings, artificial intelligence technologies.

ANNOTATION. Introduction. Currently, there is active digitalization of almost all spheres of human activity. Criminal proceedings, in which various digital technologies are also being introduced, have not remained aloof from this process. In these circumstances, in particular, the criminal procedural form is subject to changes. The development of the concept of a digital criminal procedural form is due to the need to implement a criminal process that would correspond to the realities of modern digital society. As a result, the introduction of digital technologies in criminal proceedings is becoming one of the leading directions in the modernization of the criminal procedural form. At the same time, attention is drawn to the need to preserve generally recognized standards in the field of protecting the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. The rapid development of digital technologies and their introduction into the criminal process, on the one hand, contributes to increasing the level of efficiency and effectiveness of crime investigations and criminal proceedings, and on the other hand, numerous risks entailing negative consequences. In the absence of scientific elaboration of the digital criminal procedural form, its features and meaning, it is impossible to fully substantiate the feasibility of introducing digital technologies into criminal proceedings. **Methods.** The methodological basis of the study was the provisions of materialist dialectics, the theory of knowledge and the general theory of criminal procedure. In addition, the author used general scientific and special scientific methods: analysis and synthesis, deduction and induction, scientific forecast, description, analogy, formal legal, comparative legal, historical, legal and statistical methods. **Results.** The article proposes the author's definition of the digital criminal procedural form and defines its specific features and meaning. It is concluded that digital technologies serve as a means of developing criminal proceedings, due to which the «classical» criminal procedural form is subject to change, increasingly corresponding to the objective needs of modern Russian society.

и требует строжайшего соблюдения всех установленных процессуальным законом правил производства следственных и судебных действий, то есть соблюдения процессуальной формы¹.

МЕТОДЫ

Методологическую основу нашего исследования составили положения материалистической диалектики, теория познания и общая теория уголовного процесса. Дополнительно использованы общенаучные и частнонаучные методы: анализ и синтез, дедукция и индукция, научный прогноз, описание, аналогия, формально-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический методы. Материалами исследования стали нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, научная литература и статистические данные, которые позволили сформулировать авторское определение «цифровой уголовно-процессуальной формы» и определить ее специфические признаки и значение.

ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из тех, кто в теории советского уголовного процесса рассматривал в своих трудах тему процессуальной формы, был ученый-процессуалист М.Л. Якуб. Под процессуальной формой он понимал условия, последовательность производства отдельных следственных действий и принятия решений, а также условия производства по уголовному делу в целом, то есть все формы судопроизводства в их совокупности, в их системе как единое целое [1, с. 9].

Стоит отметить, что формулировки понятия уголовно-процессуальной формы вышеназванными учеными разрабатывались в период действия УПК РСФСР 1960 г., и они соответствовали нормам именно того уголовно-процессуального кодекса. Поэтому в них не могли быть включены некоторые элементы (такие, например, как цель и назначение), которые нашли свое отражение в действующем УПК РФ 2001 г. Отметим, что в силу имевших место в нашей стране значительных социально-политических потрясений 90-х годов XX века и в связи с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. в то время возникла необходимость в разработке принципиально нового уголовно-процессуального закона, который соответствовал бы направлениям развития современного российского общества. Им стал Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

Кодекс вступил в действие 1 июля 2002 г., однако это не поставило точку в работе по реформированию уголовно-процессуального законодательства. В дальнейшем УПК РФ неоднократно дорабатывался и дополнялся новыми нормами. Профессор Б.Я. Гаврилов указывает на то, что за более чем 20 лет действия кодекса в него были внесены изменения более чем 300 федеральными законами. Причем часть этих поправок носит несистемный характер или противоречит идеологическим основам принятого в 2001 г. УПК РФ, фактически представляя собой контрреформы отдельных его институтов [2, с. 31].

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 51-52.

Какими бы ни были изменения, именно они послужили толчком к реформированию уголовно-процессуальной формы, что, в свою очередь, породило различного рода дискуссии по поводу ее дальнейшего развития. В частности, речь зашла о проблеме единства и дифференциации процессуальной формы (в силу, например, появления такой новации, как дознание в сокращенной форме, особого порядка судебного разбирательства, производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и т.д.). Стали обсуждаться вопросы, касающиеся упрощения и, наоборот, усложнения уголовно-процессуальной формы, а также ее отличия от заформализованных форм расследования.

В связи этим современными российскими учеными предлагаются различные дополнения к тем понятиям, которые были даны ранее советскими процессуалистами. Так, профессор В.П. Божьев процессуальную форму определяет как предусмотренную УПК РФ всю уголовно-процессуальную деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя по расследованию преступления и судебному рассмотрению уголовного дела. По его мнению, уголовно-процессуальная форма представляет собой отдельные следственные действия, отдельные стадии и весь уголовный процесс¹.

В свою очередь, С.Б. Россинский пишет о том, что под уголовно-процессуальной формой следует понимать установленный уголовно-процессуальным законом всеобщий, единый и обязательный порядок производства по уголовным делам в целом и порядок реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений, обусловленный юридическими гарантиями эффективности и доброкачественности уголовного судопроизводства, отвечающими правовым и социальным ценностям определенного государства в определенный исторический период [3, с. 75].

Необходимо также отметить точку зрения профессора А.В. Победкина. Под уголовно-процессуальной формой он понимает способ организации элементов уголовно-процессуальной деятельности, представляющий собой установленную УПК РФ процедуру уголовного судопроизводства, которая в зависимости от количества устойчивых связей между элементами существует как по уголовному делу в целом, в отдельных стадиях, этапах, процессуальных действиях, так и в деятельности в ходе этих процессуальных действий [4, с. 11].

Проанализировав рассмотренные выше суждения по поводу понятия уголовно-процессуальной формы, мы приходим к выводу о том, что единого понимания того, что она собой представляет, в науке по-прежнему не существует. Одни ученые определяют ее как совокупность условий, другие – как деятельность, порядок, процедуру или же своеобразный правовой режим. По нашему мнению, наиболее полным из рассмотренных выше является определение, сформулированное С.Б. Россинским, который включил в него такие обязательные признаки, как всеобщность, единство и обязательность.

Впрочем, все эти понятия говорят о так называемой «классической» уголовно-процессуальной форме, которая предусматривает все известные постулаты как советского, так и ныне действующего уголовно-процессуального законодательства: проведение допросов, получение сообщений о преступлении и ходатайств в бумажном виде, очное проведение судебных заседаний, ведение бумажного уголовного дела и стандартное ознакомление с ним и т.д. Однако в настоящее время существует целый ряд обстоятельств, обуславливающих необходимость совершенствования уголовно-процессуальной формы. Таким обстоятельством следует признать активное развитие и распространение цифровых технологий, появление такого нового феномена, как «высокотехнологичное право» [5, с. 735], введение при необходимости различного рода особых режимов (например самоизоляции в 2020 г., связанной с противодействием пандемии COVID-19), рекордный за всю историю МВД России отток кадров, включая сотрудников следственных подразделений, значительный (с 60 тысяч в 2014 г. до 510 тысяч в 2023 г.) рост количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, и низкая их раскрываемость. Очевидно, что в таких условиях вся уголовно-процессуальная деятельность должна строиться с учетом реалий цифровой трансформации общества. В этом же направлении, на наш взгляд, требуется осуществлять совершенствование уголовно-процессуальной формы.

При этом мы поддерживаем мнение Э.Ф. Лугинец, которая отмечает, что уголовный процесс – это постоянно изменяющаяся и дополняющаяся система, которая зависит от множества факторов, а современные изменения в экономической, технической, социальной сферах закономерно ведут к реформированию правовой системы государства в целом и уголовного процесса в частности [6, с. 405]. Считаем, что качественное совершенствование процессуальной формы, а именно переход к «цифровой уголовно-процессуальной форме», позволит оптимизировать уголовное судопроизводство и повысить его эффективность, создать условия для наиболее быстрого осуществления судопроизводства в условиях «кадрового голода», испытываемого правоохранительной системой, облегчить доступ к информации для всех участников правосудия, расследовать преступления в кратчайшие сроки при соблюдении процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса, в чем как раз и заключается значение уголовно-процессуальной формы. Таким образом, поиск путей решения обозначенной нами проблемы представляется весьма актуальным. Судя по всему, в ближайшие годы ему будет уделяться значительное внимание ученых-процессуалистов, в круг научных интересов которых входит изучение процессов внедрения современных технологий в уголовно-процессуальную деятельность.

Отметим, что исследованиям уголовно-процессуальной формы на современном этапе развития

¹ Божьев В.П. Уголовный процесс: Учебник для бакалавров / Под ред. В.П. Божьева. М., 2012. С. 27.

уголовно-процессуального права России посвятили свои научные труды А.П. Гуськова [7], С.А. Касаткина [8], Д.Р. Гимазетдинов, Т.З. Зинатуллин [9], Р.А. Исмагилов, В.С. Латыпов [10], Ю.В. Шпагина [11] и ряд других ученых. При этом согласимся с С.Б. Россинским, который подчеркивает, что усилия законодателя, ученых, практических работников должны быть направлены не на создание какой-то идеальной уголовно-процессуальной формы, а на ее максимальное соответствие объективным потребностям современного российского общества и, что не менее важно, правоприменительной практики [3, с. 77].

Относительно процесса изменения уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации общественных отношений профессора Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин верно подмечают, что цифровые технологии могут и должны применяться в уголовном судопроизводстве, но лишь в целях оптимизации процессуальной формы, укрепления и развития процессуальных гарантий и только наряду со средствами, которые минимизируют риски цифровизации [12, с. 31].

Появление «цифровой уголовно-процессуальной формы» представляет собой инновационный подход к уголовному процессу, основанный на использовании современных цифровых технологий. Ее формирование связано, во-первых, с развитием таких технологий и их внедрением абсолютно во все сферы жизнедеятельности человека, включая и сферу уголовно-процессуальных отношений, и, во-вторых, с проблемами кадрового потенциала следственных подразделений, возникающих в силу их высокой загруженности и большого объема «бумажной работы», носящей, как правило, формальный характер и не оказывающей позитивного эффекта на ход и результаты расследования.

Хотелось бы отметить, что процесс цифровизации уголовно-процессуальной формы уже запущен. Это наглядно просматривается в тех изменениях, которые вносятся в действующий УПК РФ. Приведем лишь несколько примеров:

- изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ);
- возможность проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ);
- согласно положениям Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ, которым были внесены дополнения в УПК РФ, по ходатайству стороны или по инициативе суда подсудимый и иные лица могут принять участие в заседании с помощью видео-конференц-связи, при этом категория дела не имеет значения;
- возможность подачи электронных документов через портал «Госуслуги», подписания некоторых

из них простой электронной подписью (повестки и уведомления могут быть направлены через «Госуслуги», если лицо дало на это согласие и у него не ограничен доступ к portalу в связи с избранием в отношении него мер пресечения или назначения ему наказания¹);

- введение в кодекс новой статьи (ст. 474.2 УПК РФ), регламентирующей порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства. Одним из наиболее актуальных положений данной нормы, характеризующих развитие цифровых отношений между участниками уголовного судопроизводства, является возможность изготовления обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, и вручения его обвиняемому, защитнику или потерпевшему по их ходатайству или с их согласия и т.д.²

Вместе с тем важно подчеркнуть, что современный уровень развития цифровых технологий и глубина их внедрения в различные сферы жизнедеятельности человека опережает реакцию законодателя на появление инноваций: происходит заметная задержка с интеграцией новых цифровых технологий в уголовный процесс³.

В настоящее время на научно-представительских мероприятиях различного уровня, посвященных проблемам уголовного судопроизводства, нередко поднимаются вопросы, связанные с переходом деятельности следственных, прокурорских и судебных органов в «цифру». Одни ученые отзываются об этом негативно, другие же, наоборот, видят в этом перспективы развития. Так, группа ученых, выступивших 3 ноября 2023 г. на международной научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика», проведенной Академией управления МВД России, отметила, что они не видят ничего плохого в цифровизации как уголовного процесса, так и криминалистики, однако при этом подчеркнули, что переходить в «цифру» следует поэтапно, с учетом проработки возможности возникновения всевозможных рисков. Их мнение разделяет и профессор С.В. Зуев, который, в свою очередь, утверждает, что внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство способно, например:

- упростить реализацию многих решений (соединение уголовных дел или выделение уголовного дела, направление материалов по подследственности, направление дела в суд и т.д.);
- предоставить возможность ознакомливаться с материалами уголовного дела участников уголовного процесса в любое время и в том месте, где им удобно;
- содействовать созданию цифровой платформы для направления уголовных дел, различных

¹ Обзор: «Основные изменения в УПК РФ в 2023-2024 годах» // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/e3235b063a35ab816a2b28ed3379733d3b259aee/ (дата обращения: 26.12.2023).

² Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 297 (9242). 29.12.2023.

³ Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2018. С. 4.

материалов в электронном виде прокурору или в суд (с учетом требования использования защищенных сетей, дабы избежать утечки конфиденциальной информации);

- сэкономить материальные средства в связи с переходом на «бесбумажные технологии» [13, с. 150].

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что цифровые технологии активно применяются российскими судами, продолжается расширение возможностей электронных сервисов Государственной автоматизированной системы «Правосудие». Согласно статистическим данным, растет востребованность сервисов подачи в суды документов в электронном виде. Всего за 11 месяцев 2023 года в суды было подано около 5,5 млн документов в электронном виде: из них 4,7 млн документов – в федеральные суды общей юрисдикции (посредством модуля «Электронное правосудие»), около 800 тысяч документов – в федеральные арбитражные суды (посредством сервиса «Мой арбитр»). Все чаще в судебных заседаниях стала использоваться видео-конференц-связь (около 300 тысяч раз). Суды активно переходят на электронное уведомление участников судопроизводства посредством направления электронных писем и СМС-сообщений¹. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев подчеркнул, что продолжается работа по созданию суперсервиса «Правосудие онлайн». Предполагается, что он будет запущен в 2024 г., и это позволит участникам судопроизводства реализовывать весь объем процессуальных действий в дистанционной форме².

Важно, что процесс цифровизации уголовно-процессуальных отношений уже начался. С каждым днем, по всей видимости, он будет прирастать новыми идеями, многочисленными проблемами и их решениями. Как справедливо отмечает в своей диссертации М.О. Медведева, и должностные лица, и «непрофессиональные» участники уголовного процесса обладают пониманием функционирования информационных технологий и технических средств и владеют навыками их использования. Однако использование таких технологий и средств не находило своего нормативного закрепления в УПК РФ. Кроме того, имеет место активизация научного прогресса, появляются все новые и более совершенные информационные технологии, но эти обстоятельства, как правило, не находят своевременного нормативно-правового отражения в УПК РФ³.

Безусловно, помимо наличия позитивных аспектов, процесс цифровизации уголовно-процессуальных отношений связан с определенными трудностями, такими как: решение вопроса о месте хранения информационных массивов данных и о достижении такого уровня их безопасности,

который будет исключать возможность хищения третьими лицами находящихся в уголовном деле сведений; материальные затраты; получение недостоверной, случайной информации; выявление, пресечение и предупреждение деятельности хакеров и кибершпионажа; отсутствие единой цифровой платформы; недостатки правового регулирования [14, с. 212]; риск использования цифровых технологий для манипуляции доказательствами или же для превышения должностных полномочий, а также злоупотребления ими (например незаконное слежение за потерпевшим, свидетелем или подозреваемым) и т.д.

В связи с этим сейчас сложно сказать, как именно отразится процесс цифровизации на уголовно-процессуальной деятельности в России, но это не значит, что следует цифровизации противиться. Наоборот, необходимо постепенно двигаться в данном направлении для достижения позитивного результата. Как это делают зарубежные правоохранительные органы. В частности, в Республике Казахстан, где еще в 2009 году началось движение в сторону создания электронного судопроизводства и упрощения порядка досудебного производства. В 2017 году в УПК Республики Казахстан были внесены изменения, дающие право лицу, расследующему преступление, по своему усмотрению вести уголовное судопроизводство в электронном формате (ст. 42-1 УПК РК). Кроме того, участники процесса получили доступ к материалам дела, ведущегося в электронной форме, посредством информационного портала «Публичный сектор», где имеется возможность ознакомления с материалами дела, получения копий процессуальных документов, подачи заявления, ходатайства и жалобы в режиме онлайн, получения на них ответов [15, с. 32-34].

В то же время казахстанскими процессуалистами отмечаются и недостатки: нарушение сроков вложения сканированных документов (24 часа), составление процессуальных документов «задним» числом, формальное ведение расследования преступлений в электронном формате, необеспечение полноты расследования электронных дел и т.д. Однако все же грубых нарушений норм УПК РК в ходе расследования преступлений в электронном формате не допускается [15, с. 35].

Вместе с тем подчеркивается, что внедрение электронного судопроизводства позволяет обеспечить прозрачность уголовного процесса за счет доступа к уголовному делу в режиме онлайн, усилить процессуальный, ведомственный контроль и прокурорский надзор. В настоящее время возможности ведения электронного уголовного дела в Республике Казахстан охватывают все стадии уголовного процесса, включая регистрацию уголовных правонарушений, досудебное расследование, судебное разбирательство и исполнение наказа-

¹ За 11 месяцев 2023 года в суды подано 5,5 млн документов в электронном виде // Правосудие онлайн // URL: <https://pravosudieonline.ru/> (дата обращения: 26.12.2023).

² Глава ВС РФ рассказал о цифровой трансформации российского правосудия // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/30377/ (дата обращения: 27.12.2023).

³ Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2018. С. 4-5.

ния. Кроме того, отмечается успешная реализация государственной политики по цифровизации, в рамках которой применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве является эффективным инструментом повышения уровня гарантий и защиты прав граждан в уголовном процессе [15, с. 31].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрев тенденции и перспективы внедрения и использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, перед тем, как дать определение цифровой уголовно-процессуальной формы, следует обратить внимание на ее специфику, которая характеризуется такими признаками:

- применение цифровых технологий для собирания, хранения, оценки, проверки, анализа и использования доказательств (электронные базы данных, цифровые системы управления документами, специализированное программное обеспечение для анализа «цифровых доказательств», электронная связь между участниками процесса и др.);

- использование электронных документов и материалов, то есть замена традиционных бумажных документов электронными формами, что облегчает их обработку и передачу между участниками процесса;

- появление «цифровых следов» и «электронных доказательств» (данные с компьютеров, мобильных устройств, систем видеонаблюдения и из других электронных источников, и их активное использование в ходе расследования преступления);

- электронное документирование судебных заседаний – замена традиционных судебных протоколов электронными версиями, что повышает уровень доступности судебной информации, улучшает возможности ее хранения и поиска;

- обеспечение безопасности данных, которое предусматривает уделение особого внимания защите цифровых данных от несанкционированного доступа и вмешательства третьих лиц с целью уничтожения, блокирования, модификации либо копирования конфиденциальной информации;

- электронная коммуникация между участниками процесса, включающая в себя использование электронной техники и безопасной специализированной интернет-площадки (портала) для обмена информацией между судьями, прокурорами, защитниками и другими участниками уголовного процесса;

- использование в ходе расследования преступлений и проведения судебного разбирательства технологий искусственного интеллекта (напри-

мер программного обеспечения, работающего на основе искусственного интеллекта, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, для применения судами систем больших данных и машинного обучения для быстрого поиска аналогичных дел прошлых лет, для генерации текстов решений и сопутствующих судебных документов, как это реализуется в Китайской Народной Республике, и т.д.).

Итак, после рассмотрения различных точек зрения ученых на уголовно-процессуальную форму, изучения тенденций и перспектив развития современных технологий и выявления характерных признаков «цифровой уголовно-процессуальной формы» нам представляется возможным сформулировать ее определение. Цифровая уголовно-процессуальная форма – это установленный уголовно-процессуальным законом всеобщий, единый и обязательный порядок уголовного судопроизводства, направленный на расследование преступления и судебное рассмотрение уголовного дела с использованием цифровых технологий (электронное производство по уголовному делу, проведение дистанционных следственных или судебных действий, использование технологий искусственного интеллекта и т.д.) и делающий акцент на их применении в целях собирания, проверки, оценки, обработки, хранения, предоставления и использования информации, имеющей значение для уголовного дела.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие цифровой уголовно-процессуальной формы имеет огромное значение в контексте современного уголовного судопроизводства, так как может способствовать повышению эффективности расследования преступлений. Цифровая уголовно-процессуальная форма помогает современному уголовному процессу стать более качественным, оперативным, надежным, легко адаптирующимся к изменяющимся условиям. Вместе с тем она предоставит новые возможности для повышения уровня доверия общества к суду и органам предварительного расследования.

Предложенное нами авторское определение понятия «цифровая уголовно-процессуальная форма» некоторым ученым может показаться недостаточно завершенным, однако оно имеет определенное теоретическое значение в силу стремительного вхождения цифровых технологий в уголовный процесс, которое обуславливает необходимость дальнейшего изучения перспектив трансформации уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации общественных отношений. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.
2. Гаврилов Б.Я. К 20-ти летию УПК РФ: современное состояние и что делать? // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч. 2. Казань, 2022. С. 30-36.
3. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 67-79.
4. Победкин А.В., Панфилов П.О. Уголовно-процессуальная форма судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: Монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 205 с.

5. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735-749.
6. Лугинец Э.Ф. Стратегия развития уголовно-процессуальной формы // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 404-409.
7. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3 (139). С. 41-44.
8. Касаткина С.А. Упрощенная уголовно-процессуальная форма по УПК РФ (при признании обвиняемым вины): Монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 206 с.
9. Зинатуллин Т.З., Гимазетдинов Д.Р. Уголовно-процессуальная форма в законодательстве, теории и практике советского и постсоветского российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 3. С. 138-143.
10. Исмагилов Р.А., Латыпов В.С. К вопросу адаптации информационных технологий в уголовно-процессуальную форму в деятельности органов дознания // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2021. Вып. 48. С. 77-81.
11. Шпагина Ю.В. Возможно ли оптимизировать уголовно-процессуальную форму, используя информационно-цифровые технологии? // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 491-496.
12. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27-38.
13. Зуев С.В. Цифровизация: некоторые проблемы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 3 ноября 2023 г.). М., 2023. Ч. 1. С. 149-154.
14. Чурикова А.Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 209-216.
15. Глеубаев Д.К., Иманбаев С.М., Карымсаков Р.Ш. Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal. Jurisprudence. 2021. № 11 (98). С. 31-37.

REFERENCES

1. Yakub M.L. Protsessual'naya forma v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. M., 1981. 144 s.
2. Gavrilov B.Ya. K 20-ti letiyu UPK RF: sovremennoye sostoyaniye i chto delat'? // Kazanskiye ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh ch. CH. 2. Kazan', 2022. S. 30-36.
3. Rossinskiy S.B. Ugolovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2020. T. 15. № 9. S. 67-79.
4. Pobedkin A.V., Panfilov P.O. Ugolovno-protsessual'naya forma sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti: Monografiya. M., 2024. 205 s.
5. Bertovskiy L.V. Vysokotekhnologichnoye pravo: ponyatiye, genезis i perspektivy // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2021. T. 25. № 4. S. 735-749.
6. Luginets E.F. Strategiya razvitiya ugolovno-protsessual'noy formy // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 404-409.
7. Gus'kova A.P. Ugolovno-protsessual'naya forma i yeye znacheniye v stanovlenii ugolovnogo sudoproizvodstva okhranitel'nogo tipa // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3 (139). S. 41-44.
8. Kasatkina S.A. Uproshchennaya ugolovno-protsessual'naya forma po UPK RF (pri priznanii obvinyayemym viny): Monografiya. M.: Yurlitinform, 2017. 206 s.
9. Zinatullin T.Z., Gimazetdinov D.R. Ugolovno-protsessual'naya forma v zakonodatel'stve, teorii i praktike sovetskogo i postsovetskogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2013. № 3. S. 138-143.
10. Ismagilov R.A., Latypov V.S. K voprosu adaptatsii informatsionnykh tekhnologiy v ugolovno-protsessual'noy formu v deyatel'nosti organov doznaniya // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA. 2021. Vyp. 48. S. 77-81.
11. Shpagina Yu.V. Vozmozhno li optimizirovat' ugolovno-protsessual'noy formu, ispol'zuya informatsionno-tsifrovyye tekhnologii? // Razvitiye ucheniya o protivodeystvii rassledovaniyu prestupleniy i merakh po yego preodoleniyu v usloviyakh tsifrovoy transformatsii. Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2021. S. 491-496.
12. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernizatsiya ugolovno-protsessual'noy formy v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 3 (51). S. 27-38.
13. Zuyev S.V. Tsifrovizatsiya: nekotoryye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva // Ugolovnyy protsess i kriminalistika: pravovyye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 3 noyabrya 2023 g.). M., 2023. CH. 1. S. 149-154.

14. Churikova A.Yu. Problemy tsifrovizatsii rossiyskogo ugolovnogogo protsessa // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2021. № 6 (143). S. 209-216.

15. Pleubayev D.K., Imanbayev S.M., Karymsakov R.SH. Tsifrovizatsiya ugolovnogogo protsessa v Respublike Kazakhstan: stanovleniye i praktika primeneniya // Colloquium-journal. Jurisprudence. 2021. № 11 (98). S. 31-37.

© Тучков Я.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тучков Я.В. О понятии «цифровая уголовно-процессуальная форма» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 51-58.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Владимир Валериевич ПЛОТНИКОВ,
доктор социологических наук, ORCID 0000-0002-2130-7357
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (г. Москва)
профессор кафедры философии
inkognito13@inbox.ru

Наталья Витальевна БИЧАН,
кандидат педагогических наук, ORCID 0000-0002-4715-7035
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры тактико-
специальной, огневой и физической подготовки
Natali1990.natali@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.97

СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: УСЛОВИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНО СБЕРЕГАЮЩИЕ МЕХАНИЗМЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Преступность, факторы криминализации, условия криминализации общества, общественная безопасность, социально сберегающие механизмы, противоправная деятельность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье излагаются результаты социального анализа факторов развития преступности и преступной активности, которые способны сподвигнуть человека к совершению преступления. Актуальность темы проведенного авторами исследования заключается в том, что рассмотрены именно такие факторы, которые могут способствовать обращению социального субъекта к осуществлению преступной деятельности или повышению его активности в данной сфере. Определившись с общей характеристикой научного знания, направленного на изучение преступности, целесообразно осуществить некоторые действия, связанные с отражением его содержательного аспекта. **Методы.** Представленная позиция является отправной точкой исследования. Применительно к ключевым вопросам, которые формулируются в статье, целесообразно знать, какие условия и факторы способствуют повышению уровня преступной активности и в последующем преступности, а какие факторы, в свою очередь, способствуют минимизации противоправной активности. **Результаты.** Отталкиваясь от знания об этих факторах, авторы проводят формирование суждений о том, какие из происходящих в настоящее время общественных трансформаций могут способствовать росту уровня преступности, происходящим ее качественным изменениям, а какие – способствовать минимизации проявлений преступной активности в обществе и социальной среде.

ВВЕДЕНИЕ

Для того чтобы разобраться в том, какие внешние социальные факторы способны подвигнуть человека к совершению правонарушения, целесообразно для начала обратиться к вопросу о самом субъекте преступной деятельности. Аналитически можно выделить две принципиально различные формы субъектности в преступной сфере:

- единичный субъект противоправной активности;

- коллективный субъект противоправной деятельности.

Когда мы говорим о единичном субъекте противоправной деятельности, речь идет о том, что конкретный человек в определенных условиях принял решение о совершении действия, противоречащего нормам права. Так, например, человек может подраться с кем-то, осуществить хулиганские действия, совершить кражу и т.д. по собственному решению, исходя из личных целей, внешней ситуации и представлений о том,

Vladimir V. PLOTNIKOV,

Doctor of Sociology, ORCID 0000-0002-2130-7357
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
named after V.Y. Kikot (Moscow, Russia)
Professor of the Department of Philosophy
inkognito13@inbox.ru

Natalya V. BICHAN,

Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0000-0002-4715-7035
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer of the Department of Special Tactics, Fire and Physical Training
Natali1990.natali@yandex.ru

SOCIAL ANALYSIS OF CRIME DEVELOPMENT FACTORS: CONDITIONS FOR THE CRIMINALIZATION OF SOCIETY AND SOCIALLY SAVING MECHANISMS

KEYWORDS. Crime, factors of criminalization, conditions for criminalization of society, public safety, socially saving mechanisms, illegal activities.

ANNOTATION. *Introduction.* The article makes a social analysis of the factors of development of crime and criminal activity, which are capable of prompting a person to commit a crime. The relevance of the research topic is that the factors of the social subject, which can impel to the realization of criminal activity and activity in this sphere, are considered. Having determined the general characteristic of scientific knowledge aimed at studying crime, it is advisable to carry out some actions related to the reflection of its substantive aspect. *Methods.* The designated position is the starting point of the research. In relation to the key questions, the formulation of which is carried out at the level of the article, it is advisable to know what possible conditions and factors contribute to the increase in the level of criminal activity and subsequently crime, and what factors, in turn, contribute to the minimization of illegal activity. *Results.* Starting from these factors, it is possible to make judgments about which of the current social transformations may contribute to the growth of crime or its ongoing qualitative change, and which, in turn, may contribute to minimizing the manifestations of criminal activity in society and social environment.

какие формы действия допустимы, а какие – нет. Частные проявления преступности, совершаемые отдельными людьми, представляют собой результат соединения определенной внешней ситуации и набора личностных качеств (включая мировоззренческие установки) действующего субъекта.

МЕТОДЫ

При рассмотрении условий осуществления преступной активности единичным субъектом принято выделять следующие факторы:

- степень рациональной обусловленности действий субъекта (может колебаться от рассудочного следования выработанной стратегии активности до импульсивного, вызванного эмоциями и аффектами действия, зачастую выбивающегося из общей практики социальной активности субъекта);
- соответствие внешней ситуации нормальной практике взаимодействия субъекта с социальной средой;
- наличие в мировоззрении субъекта факторов формирования отношения к преступному действию как приемлемому формату социальной активности;
- наличие или отсутствие у социального субъекта возможностей по реализации основного спектра его потребностей законным путем [1, с. 4].

Рассмотрим данные факторы обращения социального субъекта к осуществлению преступной активности по порядку, начиная с момента рациональной обусловленности его социальной активности. Здесь речь прежде всего идет о типологических различиях личностей членов общества

с точки зрения такого психологического критерия деления, как обусловленность деятельной активности. Выделяются рациональный тип обусловленности действия и аффективный, вызванный определенными эмоциональными побуждениями. Собственно говоря, у каждого человека его конечная активность складывается из этих побуждающих факторов, которые могут быть представлены в различном соотношении.

С точки зрения социальной психологии аффективные и рациональные побуждающие факторы нередко вступают в противоречие друг с другом, и именно рациональный аспект обусловленности деятельности субъекта обычно определяет его конформное поведение и следование социальным запретам и ограничениям, одной из разновидностей которых является право. При этом следует обратить внимание на то, что у одного и того же человека в разные моменты может иметь место различная выраженность эмоциональных проявлений, что определяет, соответственно, и различия в соотношении рационально-ограничивающих и эмоциональных факторов принятия решения. Именно поэтому в некоторых ситуациях, когда степень эмоционального переживания достигает крайне высоких уровней, человек, большую часть времени придерживающийся законопослушной модели активности, может совершать тяжкие преступления. Показательно, что в правовой практике момент высокой эмоциональной обусловленности действия (пребывание в состоянии аффекта, когда эмоциональное состояние человека, представляющее собой чрезвычай-

чайно сильное кратковременное эмоциональное возбуждение, вспышку таких эмоций, как страх, гнев, ярость, отчаяние, бурно протекающее и характеризующееся внезапностью возникновения, кратковременностью протекания, значительным характером изменений сознания, нарушением волевого контроля над действиями, относится к числу факторов, смягчающих вину¹.

Таким образом, эмоциональное состояние социального субъекта, и, в частности, его темперамент и тип личности, определяют вероятность вовлечения в преступную деятельность [2]. Не следует, однако, выстраивать прямую связь между уровнем темперамента человека и его предполагаемой преступной активностью в силу того, что существует ряд уравнивающих факторов предрасположенности к нарушению социальных правил и запретов. В частности, помимо прочего, могут существовать не только рациональные основания конформного поведения, но и эмоциональные, связанные с моментами внешней оценки деятельности человека в рамках механизмов социального контроля, на что в той или иной степени указывают исследователи [3, с. 133].

Следует отметить, что эмоциональное состояние социального субъекта зачастую имеет ситуативную обусловленность. Более того, актуальные для субъекта социальные стимулы во многом определяются тем, в какую среду он помещен. Это связано с моментами ролевой определенности субъекта и его стремлением к обоснованию своего существования на уровне конкретной социальной среды, в которую он помещен [4]. При этом сам по себе момент вовлечения в криминальную деятельность может быть обусловлен различными ситуативными факторами. Среди них мы выделяем следующие:

- наличие ситуации, в которой человек испытывает острую потребность в достижении определенного набора целей, однако не имеет возможности эту потребность удовлетворить легальными способами;

- ситуация, в рамках которой социальное окружение толкает человека на реализацию криминальной модели социальной активности;

- ситуация, подрывающая социальные факторы конформного поведения действующего субъекта (что может быть связано как с изменением его социальной позиции, так и с изменением психоэмоционального состояния действующего субъекта).

Рассмотрим их по порядку, с конкретными примерами. Для начала обратимся к случаю, когда потребности человека не могут быть реализованы легальным способом. Здесь возникающие ситуации могут существенно варьироваться. Так, например, могут иметь место обстоятельства, когда под угрозой находится реализация витальных потребностей человека (например, когда он умирает от голода или рискует насмерть замерзнуть, если останется ночевать вне жилого помещения). В такой критической ситуации многие люди рассматривают преступное действие (кражу или не-

законное проникновение в чужой дом) в качестве вынужденной меры. В свою очередь, реализация остро переживаемых социальным субъектом потребностей незаконными средствами может иметь место и тогда, когда фактической угрозы базовым потребностям человека нет. Типичный пример подобного рода ситуации описал американский социолог Роберт Мертон в своей работе «Социальная структура и аномия». Существуют ценности и в том числе представления о предпочтительном образе жизни, которые получают отражение на уровне культуры и формируют мировоззрение включенных в нее людей. В условиях, когда члены общества не имеют возможности реализовать свои культурно обусловленные потребности легальными способами, они склоняются к реализации противоправной модели активности. В данном случае показательным, по мнению Р. Мертона, является то, что культ материального успеха и в целом культура потребления создают всеобщую ориентацию на достижение богатства, в то время как ограниченность возможностей достижения материального благополучия становится тем основанием, которое стимулирует развитие преступности. Иными словами, в условиях, когда культура ставит перед человеком конкретные жизненные цели, а общество не дает легальных возможностей для их достижения, могут возникнуть серьезные предпосылки для роста уровня преступности.

Рассмотрим следующий фактор ситуативной обусловленности вовлечения в преступную деятельность, а именно ситуации, в которых социальное окружение толкает человека к совершению противоправных действий. Здесь следует обратить внимание на то, что поведение человека зачастую ориентировано на получение одобрения со стороны представителей социальной среды, в которую он помещен. Это является причиной того, что, оказываясь в разных по своим характеристикам социальных средах, человек может реализовывать различные модели социальной активности. В данном случае в первую очередь важно то, что наличие неблагоприятной социальной среды, представители которой полагают нормой противоправное поведение, представляет собой основание для повышения уровня преступности в обществе. Вместе с тем стоит заметить, что сама по себе среда носителей криминальных ценностей относится уже к коллективным процессам воспроизводства преступной модели и соотносится с процессами включения индивидуального субъекта в противоправную деятельность лишь как фактор его вовлечения.

Последним из рассматриваемого нами перечня ситуативных факторов вовлечения в преступную деятельность является фактор, актуализирующий ситуацию, в которой происходит подрыв оснований конформной деятельности социального субъекта². Такое становится возможным в условиях, когда происходит нарушение какого-либо из аспектов социальной самоидентификации субъекта. В качестве примера мы можем привести

¹ Наумов А.В. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2007. С. 96.

² Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). М.: Юридический институт МИИТа, 2011. 272 с.

ситуацию, когда для социального субъекта является важным то, как о нем будет думать определенный человек, входящий в его социальное окружение. Если такой человек с крайним неприятием относится к преступной деятельности, это может выступить в качестве основания для отказа от преступной модели поведения. В свою очередь, острый конфликт с этим человеком может оказаться основанием для совершения тех или иных преступных действий в качестве формы проявления протеста [5]. Другим примером является ситуация, когда имеет место высокий уровень патриотического сознания, но происходит подрыв доверия к государству, что закладывает в мировоззрение субъекта основания для допущения использования им преступной модели активности.

Среди основных аспектов вовлечения социального субъекта в преступную деятельность нами не были освещены мировоззренческие факторы совершения преступлений. Для того чтобы охарактеризовать их, следует обратить внимание на то, что, помимо различий во внешних характеристиках ситуаций, которые могут в большей или меньшей степени способствовать совершению человеком преступления, имеют место также различия в личных склонностях к совершению правонарушений. Выше данные обстоятельства были уже частично затронуты в рамках анализа личностных качеств человека как оснований для совершения правонарушения [6]. Между тем независимо от темперамента человека существует основание, которое в значительной степени характеризует его и одновременно с этим предопределяет его склонность к совершению преступлений или обуславливает отсутствие такой предрасположенности. Речь идет о характере мировоззренческих установок действующего субъекта применительно к преступным формам активности [7].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что мировоззрение первично по отношению к социальной активности. То есть от того, какими моделями поведения располагает действующий субъект, какие способы действия он считает допустимыми, а какие, в свою очередь, – неприемлемыми, каковы его ценностные установки, в существенной степени зависит то, какой способ действия он в конечном счете примет – преступный или конформный. И в данном случае одним из определяющих поведение субъекта факторов становится то, какие ценностные ориентиры являются приоритетными для него. В том случае, когда эти ценностные ориентиры обосновывают конформное поведение, существует высокая вероятность того, что человек не совершит выбор в пользу преступной модели активности. С другой стороны, если для человека его ценностные ориентиры и социальные приоритеты являются совместимыми с преступной моделью активности, существует значительная вероятность того, что он совершит выбор в пользу преступной модели социальной активности [8].

Мировоззрение человека формируется под влиянием множества внешних факторов, к числу которых можно отнести характер мировоззрения его ближайшего социального окружения, общий

характер социальной культуры, содержание и интенсивность информационных процессов. Кроме того, немаловажным аспектом формирования мировоззрения является личный опыт человека. В рамках анализа условий формирования мировоззрения необходимо учитывать все перечисленные аспекты, беря во внимание то, что личный опыт в значительной степени зависит от того, какая социальная картина мира уже сформировалась у человека. Вопреки расхожим представлениям, непосредственный опыт, получаемый человеком, зачастую имеет искаженный характер. Это связано со способностью человека достраивать ситуации, очевидцем которых он является, объединяя данные, полученные через органы чувств, и результаты продуктивной деятельности воображения, которая ориентирована на создание целостной картины. По этой причине исследователи обращают внимание на то, что исходное мировоззрение человека чрезвычайно важно и, по сути, первично по отношению к получаемому им опыту [9].

Обобщим полученные результаты. Преступное действие является своеобразным исключением из правил в социальной практике, и для того, чтобы человек совершил преступление, необходимо наличие определенных оснований. При этом следует отметить, что преступность входит в число общественно порицаемых форм социальной активности, а за совершение преступлений предусмотрено серьезное уголовное наказание со стороны государства, выраженное в денежных штрафах, лишении свободы и т.д. Все это делает реализацию преступной модели поведения нежелательной для социального субъекта, поскольку речь идет о серьезных социальных рисках и издержках. В этих условиях должны иметь место либо основания, перекрывающие существующие ограничивающие преступность факторы, либо сами по себе социальные механизмы сдерживания преступности должны дать локальный сбой [10]. Ниже рассмотрим данный аспект более подробно.

Факторы, воздействующие на субъекта сильнее, чем факторы, сдерживающие преступность, могут быть разными, но в большинстве случаев речь идет о моменте давления на действующего субъекта, выраженном в наличии неблагоприятных личных обстоятельств, высоком уровне психологической напряженности, когда человек уже не может совершать взвешенные действия и т.д. Другим вариантом, способствующим возникновению предрасположенности человека к совершению правонарушений, является сбой в социальной системе, выраженный в локальном нарушении механизмов социального контроля, вплоть до возникновения противоположных по своей направленности стимулов в маргинальной среде [11]. Типичным примером подобного рода являются подростковые неформальные сообщества, в которых культивируются ценности риска, осуществляется противопоставление локального сообщества и властных структур, которые всячески дискредитируются в глазах молодых людей. Примечательным в данном случае является то, что

в некоторых сообществах, характеризующихся преступной направленностью, совершение преступления представляет собой своеобразную форму инициации, включения в ряды «своих» [12].

Столь серьезное многообразие факторов вовлечения членов общества в преступную деятельность делает проблематичным однозначное решение вопроса о том, каким образом можно решить проблему преступности в социальной среде или как минимум способствовать уменьшению интенсивности ее проявлений. Проанализировав в ходе исследования природу оснований развития преступности, мы определили два ключевых фактора, которые, по нашему мнению, в конечном итоге и определяют степень подверженности членов общества вовлечению в преступную деятельность:

- институциональные факторы развития преступности;
- социокультурные факторы развития преступности [13].

Каждый из факторов, представленных в этих рядах, обуславливается двумя аспектами:

- уровнем воздействия деструктивных факторов, способствующих развитию преступности;
- состоянием защитных социальных механизмов, противодействующих развитию преступности [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами в общих чертах были рассмотрены факторы развития преступности, связанные с неблагоприятным состоянием основных общественных институтов. В их число входит нарушение деятельности общественных институтов, ответственных, в частности, за социализацию членов общества, способствующее ограничению возможностей членов общества. В определенной степени в качестве неблагоприятных институциональных факторов можно рассматривать институционализацию самой преступности (что, собственно, и порождает коллективный субъект преступной деятельности). При этом речь идет как о возникновении механизмов воспроизводства криминальных практик в преступной среде (вплоть до института «ученичества»), так и о неспособности силовых структур своевременно выявлять преступные организации и противодействовать им. Что касается неблагоприятной ситуации в культурной сфере, то следует обратить внимание на такие явления,

как распространение «ценностей» криминальной субкультуры, обесценивание и постановка под вопрос правовой сферы общественной жизни, нарушение механизмов социальной самоидентификации, активное распространение установок культуры потребления и т.д. Яркие примеры распространения и культивирования криминальной субкультуры наблюдались на протяжении десятилетий отечественной истории – с 1970-х по 2010-е годы. К числу таких примеров культивирования субкультуры относится деятельность одной из преступных групп конца 1970-х годов, известной под названием «Хади Такташ», которая полностью была ликвидирована только в 1990-х годах [14].

Кроме того, следует обратить внимание на такие факторы, как социально сберегающие механизмы. Ситуация с ними диалектична: один и тот же аспект социальной жизни в условиях благоприятного своего состояния может выступать в качестве фактора сдерживания преступности, в то время как в неблагоприятном состоянии может быть отнесен к числу факторов интенсификации динамики ее развития [15]. К числу основных институциональных факторов сдерживания преступности относятся эффективность правоохранительной деятельности, а также состояние основных институтов, ответственных за социализацию и социальный контроль. В свою очередь, в число культурных факторов сдерживания преступности входят уровень гражданского самосознания членов общества, уровень развитости их правосознания, степень выраженности конструктивных социальных ценностей на уровне культуры и наличие в сфере социального мировоззрения ценностного обоснования конформной социальной активности.

Состояние институциональных и социокультурных факторов преступности, рассматриваемых в совокупности, по нашему мнению, и определяет криминогенную обстановку в социальной среде и в общественной жизни. На основании результатов изучения ключевых факторов, оказывающих влияние на динамику преступности, а также условий и факторов, способствующих повышению уровня преступной активности членов общества, необходимо разработать план по реализации мер, направленных на сокращение и минимизацию проявлений преступной противоправной активности в социальной сфере общественной жизни. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кулешова С.Н. Социокультурные факторы криминализации в современном российском обществе // Наука. Инновации. Технологии. 2007. № 52. С. 166-171.
2. Королева М.В. К оценке уровня криминализации российского общества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). С. 124-135.
3. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М.: Университетская типография, 1905. 215 с.
4. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007. 128 с.
5. Суходолов А.П., Маренко В.А. Моделирование процесса криминализации общества с использованием когнитивной методологии // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 4. С. 577-584.
6. Исаев Н.А. Криминологический концепт личности преступника // Известия высших учебных заведений. Экономика. Социология. Политика. 2014. № 2. С. 44-46.
7. Заболотная Г.М. Российское гражданское общество: политический или социальный капитал // Известия высших учебных заведений. Экономика. Социология. Политика. 2012. № 1. С. 33-35.

8. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. 202 с.
9. Книгин А.Н. Мировоззрение как фактор социальной активности // Известия Томского политехнического университета. 2003. Т. 306. № 7. С. 207-213.
10. Козлова О.Н. Культура в жизни общества // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6. С. 112-113.
11. Лунеев В.В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социологические исследования. 1994. № 8. С. 36-44.
12. Данилов А.П. Прогресс как криминогенный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 64-68.
13. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35-67.
14. Гараев Р.Н. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х. Казань, 2020. 624 с.
15. Ларионова Л.И. О факторах, обуславливающих существование и развитие организованной преступности // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 161-162.

REFERENCES

1. Kuleshova S.N. Sociokul'turnye factory kriminalizacii v sovremennom rossijskom obshchestve // Nauka. Innovacii. Tekhnologii. 2007. № 52. S. 166-171.
2. Koroleva M.V. K ocenke urovnya kriminalizacii rossijskogo obshchestva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2017. № 7 (35). S. 124-135.
3. Gernet M.N. Social'nye factory prestupnosti. M.: Universitetskaya tipografiya, 1905. 215 s.
4. Kudryavcev V.N. Bor'ba motivov v prestupnom povedenii. M.: Norma, 2007. 128 s.
5. Suhodolov A.P., Marenko V.A. Modelirovanie processa analiza kriminalizacii obshchestva s ispol'zovaniem kognitivnoj metodologii // News of Baikal State University. 2017. № 4. S. 577-584.
6. Isaev N.A. Kriminologicheskij concept lichnosti prestupnika // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ekonomika. Sociologiya. Politika. 2014. № 2. S. 44-46.
7. Zabolotnaya G.M. Rossijskoe grazhdanskoe obshchestvo: politicheskij ili social'nyj kapital // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ekonomika. Sociologiya. Politika. 2012. № 1. S. 33-35.
8. Dolgova A.I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovye batalii i nacional'naya bezopasnost'. M., 2011. 202 s.
9. Knigin A.N. Mirovozzrenie kak factor social'noj aktivnosti // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2003. Т. 306. № 7. S. 207-213.
10. Kozlova O.N. Kul'tura v zhizni obshchestva // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2004. № 6. S. 112-113.
11. Luneev V.V. Kriminogennaya obstanovka v Rossii i formirovanie novej politicheskoy elity // Sociologicheskie issledovaniya. 1994. № 8. S. 36-44.
12. Danilov A.P. Progress kak kriminogennyj faktor // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2016. № 4 (43). S. 64-68.
13. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo // Voprosy sociologii. 1992. № 1. S. 35-67.
14. Garaev R.N. Slovo pacana. Kriminal'nyj Tatarstan 1970-2010-h. Kazan', 2020. 624 s.
15. Larionova L.I. O faktorakh, obuslovliyayushchikh sushchestvovaniye i razvitiye organizovannoy prestupnosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 4. S. 161-162.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Плотников В.В., Бичан Н.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Плотников В.В., Бичан Н.В. Социальный анализ факторов развития преступности: условия криминализации общества и социально сберегающие механизмы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 59-64.

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Ольга Ивановна БЕЛОКОБЫЛЬСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0007-9093-4761
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
belokob-olga@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.85

ПРАВО ГРАЖДАН НА САМОЗАПРЕТ ПОЛУЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ ИЛИ ЗАЙМОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Займ, кредит, запрет, банк,
финансовая организация, право гражданина, самоограничение.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье анализируются законодательные основы и научные подходы к установлению самоограничения граждан на получение кредитов и займов в финансовых организациях. Рост числа мошенничеств, связанных с побуждением граждан к получению займов и последующей передачей денежных средств преступникам, обусловил необходимость разработки и внедрения механизмов защиты потенциальных жертв от незаконных действий злоумышленников. Существующие в настоящий момент меры обеспечения финансовой безопасности являются недостаточно удобными для потребителей. Меры, установленные новыми законодательными инициативами, более просты в использовании для граждан, однако требуют определенных усилий от финансовых структур по реорганизации своей деятельности.
Методы. При написании статьи были использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа, метод изучения документов. Материалом для проведенного авторами исследования послужили примеры из практики, нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы, авторы которых изучают проблемы самозапрета на получение гражданами кредитов и займов.
Результаты. Основной причиной виктимного поведения граждан в финансовой сфере является несоответствие уровня развития технологий, связанных с получением кредитов и займов, уровню защиты потенциальных потерпевших от действий мошенников. Новые возможности дистанционного обслуживания и принятия решений кредитными организациями должны быть обеспечены механизмами безопасности. В противном случае потребители становятся уязвимыми для криминальных стремлений преступников.

ВВЕДЕНИЕ

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации 26 февраля 2024 года приняла Федеральный закон № 31-ФЗ (далее – Закон), которым внесены изменения в федеральные законы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)». Поправки вступят в силу с 1 марта 2025 года. Закон дает гражданину право подать заявку на включение в его кредитную историю информации о запрете (или об отмене такого запрета) на оформление с ним потребительских кредитных соглашений (заимствований). Для того чтобы установить или

отменить такой запрет, гражданин получает возможность безвозмездно направлять неограниченное количество запросов в любые бюро кредитных историй через многофункциональные центры либо посредством использования портала государственных услуг. В Законе также определены правила для оспаривания сведений, зафиксированных в кредитной истории.

Идеи о необходимости законодательного регулирования самозапрета на получение кредитов и займов в науке высказывались на протяжении последних нескольких лет. Поводом для научной дискуссии до принятия Закона было Указание

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal Executive Law
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Olga I. BELOKOBVLSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0007-9093-4761
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities and Special Equipment
belokob-olga@yandex.ru

**THE RIGHT OF CITIZENS TO SELF-LOCK OUT CONSUMER CREDITS
OR LOANS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION**

KEYWORDS. Loan, credit, ban, bank, financial organization, citizen's right, self-restraint.

ANNOTATION. Introduction. The article analyzes the legislative framework and scientific approaches to the establishment of self-restriction of citizens to obtain loans and loans in financial organizations. The increase in the number of frauds related to encouraging citizens to obtain loans and the subsequent transfer of funds to criminals has necessitated the development and implementation of mechanisms to protect potential victims from illegal actions by intruders. The current financial security measures are not convenient enough for consumers. The measures established by the new legislative initiatives are easier to use for citizens, but require certain efforts from financial structures to reorganize their activities. **Methods.** When writing the article, various methods of cognition were used: dialectical, statistical, method of analysis, study of documents. The material of the study was practical examples, regulatory legal acts, statistical information, as well as scientific works by authors studying the problems of self-registration for the issuance of loans and loans to citizens. **Results.** The main reason for victimized behavior of citizens in the financial sector is the discrepancy between the level of technology development in obtaining loans and the level of protection of potential victims from the actions of fraudsters. New opportunities for remote servicing and decision-making by credit institutions should be provided with security mechanisms. Otherwise, consumers become vulnerable to the criminal aspirations of criminals.

Банка России от 18 февраля 2022 г. № 6071-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента»». По мнению государственного регулятора, введение ограничений должно стать важным элементом контроля за процессом спонтанных кредитных запросов. Это новация получила одобрение многих исследователей. Так, А.Н. Шашкова и С.И. Белявский, рассуждая на тему преступности в финансово-кредитной сфере, приходят к выводу о том, что «защищенность потребителей на рынке кредитных услуг остается недостаточной, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости совершенствования действующего законодательства в целях укрепления гарантий прав заемщика» [1, с. 633]. С.В. Белякова, Н.И. Руднева и А.С. Колотова полагают, что «основным инструментом злоумышленников для хищения средств является использование приемов и методов социальной инженерии, когда человек под психологическим воздействием добровольно переводит денежные средства или раскрывает банковские сведения, позволяющие злоумышленникам совершить хищение», противодействовать которому призван самозапрет на получение займов [2].

О.С. Малышева, А.А. Малышева и М.Н. Плякич в качестве наиболее актуальных финансовых рисков называют «утечку персональных данных или их подделку» [3, с. 38]. Н.В. Алесина, Г.С. Мерекешев, И.С. Голенцова и С.А. Аблаева отмечают важность законодательного установления самозапрета на получение займов, поскольку его введение «поможет спасти людей, не обладающих финансовой грамотностью, от оформления на себя кредитов для передачи денег третьим лицам» [4, с. 457]. Г.А. Буряков и И.В. Королева пишут: «При оформлении самозапрета на кредит может быть снижена как вероятность необдуманных заимствований, так и мошеннических действий со стороны третьих лиц» [5, с. 25]. М.И. Куделич видит в данной мере потенциал «периода охлаждения», в течение которого заемщику нужно будет снять ранее установленный самозапрет, что позволит избежать негативных последствий [6, с. 163].

Действительно, экономическая преступность в отличие от других видов преступности в последнее время имеет тенденцию к росту. Так, на фоне общего снижения уровня преступности в России на 1% (с 1 млн 966 тыс. 795 преступлений в 2022 году до 1 млн 947 тыс. 161 в 2023 году) и числа лиц, совершивших преступления, – на 8,4% (с 818986 в 2022 году до 750465 в 2023 году), количество зарегистрированных преступлений, связанных с финансово-кредитной системой, выросло на 2,6% (с 9194 в 2022 году до 9429 в 2023 году), тогда как

число лиц, их совершивших, увеличилось на 26,3% (с 1915 в 2022 году до 2418 в 2023 году)¹.

Значительное увеличение числа лиц, совершивших преступления в финансово-кредитной сфере, на фоне сравнительно небольшого роста уровня преступности данного вида говорит о том, что последняя начала постепенно приобретать групповые формы совершения деяний. Соответственно, увеличивается цена экономической преступности – экономического и социального ущерба, который наносится обществу вследствие незаконных действий в финансово-кредитной сфере. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов защиты граждан от преступных посягательств злоумышленников, одним из вариантов которой является законодательное закрепление процедуры самозапрета на получение займов и кредитов.

МЕТОДЫ

Развитие ситуации, связанной с необходимостью введения процедуры самозапрета на получение займов и кредитов, рассматривалось нами на основе диалектического метода познания. Статистический метод использовался для сбора сведений о зарегистрированных в финансово-кредитной сфере преступлениях и лицах, их совершивших, их интерпретации, для выявления закономерностей и установления зависимостей между различными фактами. Обобщение и анализ собранных статистических сведений, примеров из практики, действующих нормативных правовых актов и научных источников позволили сделать выводы об эффективности предлагаемой законодателем процедуры самозапрета на получение займов и кредитов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы самозапрета на получение займов и кредитов, а также научной литературы и правоприменительной практики показало отсутствие единых позиций в понимании внутренних механизмов совершения преступлений рассматриваемого нами вида и путей противодействия им.

По данным государственного регулятора, количество транзакций со счетов клиентов банков России, выполненных без получения разрешения владельцев, ежегодно увеличивается. В 2023 году оно выросло по сравнению с предшествующим годом на 11,5%². Учитывая столь стремительный рост преступности в этой сфере, Центральный Банк России с 2023 года обязал все кредитные организации предоставлять сведения о заблокированных попытках хищения денег. В течение 2023 года удалось предотвратить часть операций, осуществляемых без разрешения владельцев счетов. Эффективность механизмов, используемых финансовыми учреждениями, не позволила многим преступникам выполнить мошеннические действия. Однако без сознательного отношения самих граждан к своим поступкам в финансовой сфере эту проблему вряд ли удастся решить [7].

Основной причиной виктимного поведения граждан в финансовой сфере является несоответствие уровня развития технологий, связанных с получением займов, уровню защиты потенциальных потерпевших от действий мошенников [8]. Потенциальные жертвы преступления, оказавшись под психологическим давлением мошенников, успевают достаточно быстро и беспрепятственно произвести операции по переводу своих средств на счета третьих лиц, не осознавая до конца смысла совершаемых действий [9, 10]. В связи с этим очевидно, что механизм самозапрета на получение займов и кредитов может отсрочить решение об осуществлении таких действий и дать возможность человеку осознать суть поступков, которые он собирается совершить.

Законом предусмотрено, что возможность установки и отмены личного ограничения на получение займов предоставляется безвозмездно и не имеет количественных ограничений. После регистрации соответствующего заявления информация будет отражена в кредитной истории гражданина. Кредитные учреждения должны обязательно проверять наличие активных запретов перед тем, как приступить к рассмотрению возможности выдачи займа потенциальному клиенту. Если обнаружится действующий самозапрет, то банк обязан отказать лицу в предоставлении кредита. В том случае, когда договор все-таки будет заключен вопреки наличию запрета, кредитная организация не имеет права требовать от заемщика исполнения договорных обязательств [11].

До 1 марта 2025 года – момента вступления Закона в силу – инициировать запрет на получение кредитов можно, если лично посетить кредитное учреждение. Гражданину необходимо обратиться непосредственно в офис банка или микрофинансовой компании, заполнить форму заявления, которую предоставят в учреждении. В случае наличия у заемщика открытых счетов в разных кредитных учреждениях потребуется оформление заявления отдельно в каждом из них.

После вступления Закона в силу процедура подачи заявки на самоограничение изменится: необходимо будет оформить заявление через портал «Госуслуги» или лично в любом многофункциональном центре вне зависимости от места проживания или временного нахождения, представив данные СНИЛС. После этого актуализация сведений, содержащихся в кредитной истории, потребует трех рабочих дней. Для отмены самоограничения предусмотрена аналогичная процедура: отмена произойдет через два дня после подачи заявления.

Государственный регулятор полагает, что введение временного интервала для снятия самозапрета необходимо для предотвращения ситуаций, когда клиенты кредитных организаций могут отменить самоограничения под давлением мошенников. Важно, чтобы процесс отмены не был слишком упрощенным, так как это снизит его эф-

¹ Состояние преступности // Официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 26.02.2024).

² Самозапрет на выдачу кредитов: что это такое и как оформить // Интернет-сайт РБК // URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/651a9b189a794780c3873b56> (дата обращения: 26.02.2024).

фektivность до минимума [12]. Однако излишне сложная процедура также может привести к нарушению прав и интересов граждан [13]. К тому же не существует никаких гарантий, что мошенники не изменят свои методы обмана. Ведь они способны адаптироваться и к новой системе, трансформировать свой подход, используя двухдневный период для того, чтобы склонить потенциальных жертв к нужному мошенникам решению [14]. Соответственно важно, чтобы «период охлаждения» не стал «периодом разогрева» для добросовестных клиентов кредитных организаций.

Механизм самозапрета на получение займов и кредитов способен защитить от обмана наиболее уязвимых для действий мошенников граждан, таких как представители старшего поколения. К категории лиц, которые часто оказываются жертвами мошенников, относят также граждан, которые пренебрегают правилами цифровой безопасности: не следуют советам банков по защите доступа к электронным банковским системам, посещают незащищенные веб-сайты и разглашают свои персональные данные. Еще одной категорией граждан, которых призван защитить механизм самозапрета на получение займов и кредитов, являются люди, имеющие те или иные нарушения психики, в том числе так называемые шопоголики, то есть такие, которые не могут устоять перед постоянным стремлением что-либо приобрести и чрезмерно восприимчивы к рекламе [15].

Гражданин, изъявивший желание установить самозапрет на получение займов и кредитов, сможет выбрать условия такого запрета: по виду кредитора – банк или микрофинансовая компания;

по способу обращения за кредитом или займом – в офисе и дистанционно или только дистанционно.

Закон закрепил еще одну важную новацию: он предоставляет возможность блокировать некоторые финансовые операции на уровне межбанковских систем. Ранее такой функции предусмотрено не было. В настоящее время ограничение на проведение операций в одном банке не затрагивает другие финансовые учреждения. Вместе с тем необходимо учитывать, что существует множество микрофинансовых компаний, которые чаще всего и используются для недобросовестного предоставления кредитов. В связи с этим заемщикам следует предоставить право самим защищаться от негативных действий со стороны мошенников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение законодателем самозапрета на получение займов и кредитов является мощным средством противодействия преступности в финансово-кредитной сфере. Отсутствие у потенциальных жертв преступления физической возможности выполнить требования мошенников о переводе денег на их счета будет способствовать сокращению уровня преступности и стабилизации ситуации в данной сфере. Более того предпринимаемые меры должны содействовать оздоровлению экономики в целом, если иметь в виду необходимость выполнения такой задачи, как противодействие незаконным финансовым операциям, обозначенной в п. 17 ст. 67 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шашкова А.Н., Белявский С.И. Самоограничение как инструмент защиты от кредитного мошенничества // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 12. С. 632-636.
2. Белякова С.В., Руднева Н.И., Колотова А.С. Создание правовых механизмов защиты лиц пожилого возраста от мошеннических действий в банковской сфере // Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 2. С. 83.
3. Мальшева О.С., Мальшева А.А., Плякич М.Н. Разработка концепции финансового полиса как метод решения проблем уязвимости российской финансовой системы // Фундаментальные исследования. 2023. № 12. С. 37-41.
4. Алесина Н.В., Мерекешев Г.С., Голенцова И.С., Аблаева С.А. Современная экономическая преступность и средства противодействия // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2023. № 5. С. 453-458.
5. Буряков Г.А., Королева И.В. Современные кредитные технологии на российском рынке банковских продуктов и услуг // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1 (164). С. 23-29.
6. Куделич М.И. Защита прав и законных интересов инвесторов и потребителей на финансовом рынке: направления совершенствования законодательства // Актуальные вопросы современной экономики. 2023. № 10. С. 159-175.
7. Гринько С.Д. Предупреждение экономической преступности в сфере финансово-кредитных отношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 1 (140). С. 120-123.
8. Строкань В.С. Криминогенная обстановка в сфере финансово-кредитных отношений // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 256-260.
9. Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 340-351.
10. Желудков М.А. Проблемные вопросы защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 2 (147). С. 81-91.
11. Ивлиева Н.В. Актуальные проблемы противодействия хищениям денежных средств с банковских счетов физических лиц // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47). С. 68-74.
12. Серебренникова А.В. Финансовая преступность: вызовы современности // Проблемы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 60-62.

13. Гаврилин Ю.В., Парадников А.Г. Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных и использованием информационных банковских технологий (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 123-130.

14. Раскина Т.В. О некоторых аспектах организации противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2 (94). С. 61-69.

15. Фалина Н.В., Каплиев А.Ю., Шамрай К.Е. Совершенствование системы мониторинга криминализации экономики в условиях обеспечения экономической безопасности // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5 (49). С. 265-271.

REFERENCES

1. Shashkova A.N., Belyavskij S.I. Samoogranichenie kak instrument zashchity ot kreditnogo moshennichestva // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2022. № 12. S. 632-636.
2. Belyakova S.V., Rudneva N.I., Kolotova A.S. Sozdanie pravovyh mekhanizmov zashchity lic pozhilogo vozrasta ot moshennicheskikh dejstvij v bankovskoj sfere // Nauka i Obrazovanie. 2023. T. 6. № 2.
3. Malysheva O.S., Malysheva A.A., Plyakich M.N. Razrabotka koncepcii finansovogo polisa kak metod resheniya problem uyazvimosti rossijskoj finansovoj sistemy // Fundamental'nye issledovaniya. 2023. № 12. S. 37-41.
4. Alesina N.V., Merekeshchev G.S., Golencova I.S., Ablava S.A. Sovremennaya ekonomicheskaya prestupnost' i sredstva protivodejstviya // Aktual'nye voprosy ucheta i upravleniya v usloviyah informacionnoj ekonomiki. 2023. № 5. S. 453-458.
5. Buryakov G.A., Koroleva I.V. Sovremennyye kreditnyye tekhnologii na rossijskom rynke bankovskih produktov i uslug // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2024. № 1 (164). S. 23-29.
6. Kudelich M.I. Zashchita prav i zakonnyh interesov investorov i potrebitelej na finansovom rynke: napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2023. № 10. S. 159-175.
7. Grin'ko S.D. Preduprezhdenie ekonomicheskoy prestupnosti v sfere finansovo-kreditnyh otnoshenij // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2022. № 1 (140). S. 120-123.
8. Stokan' V.S. Kriminogennaya obstanovka v sfere finansovo-kreditnyh otnoshenij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16. № 7. S. 256-260.
9. Bavsun M.V., Stebeneva E.V. Transformaciya lichnosti prestupnika v postindustrial'nom obshchestve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17. № 4. S. 340-351.
10. Zheludkov M.A. Problemnye voprosy zashchity prav i zakonnyh interesov lic, postradavshih ot prestuplenij // Lex Russica (Russkij zakon). 2019. № 2 (147). S. 81-91.
11. Ivlieva N.V. Aktual'nye problemy protivodejstviya hishcheniyam denezhnyh sredstv s bankovskih schetov fizicheskikh lic // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2019. № 3 (47). S. 68-74.
12. Serebrennikova A.V. Finansovaya prestupnost': vyzovy sovremennosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. № 2. S. 60-62.
13. Gavrilin Yu.V., Paradnikov A.G. Sovershenstvovanie vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya hishchenij, sovershennyh i ispol'zovaniem informacionnyh bankovskih tekhnologij (po itogam Vserossijskogo onlajn-seminara) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2 (54). S. 123-130.
14. Raskina T.V. O nekotoryh aspektah organizacii protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2023. № 2 (94). S. 61-69.
15. Falina N.V., Kapliev A.Yu., Shamraj K.E. Sovershenstvovanie sistemy monitoringa kriminalizacii ekonomiki v usloviyah obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti // Estestvenno-gumanitarnyye issledovaniya. 2023. № 5 (49). S. 265-271.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Белокобыльская О.И. Право граждан на самозапрет получения потребительских кредитов или займов: проблемы и перспективы реализации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 65-69.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Татьяна Викторовна КИСИЛЬ,
ORCID 0009-0006-5674-5054
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
начальник отделения делопроизводства и режима
tkisil@mvd.ru

Научная статья
УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Отождествление личности, оперативная идентификация, сведения о личности, объекты и методы идентификационной работы.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Оперативно-разыскное отождествление личности имеет большое значение для расследования преступлений и обеспечения общественной безопасности. В связи с тем, что в теории оперативно-разыскной деятельности не выработано единого понимания термина «отождествление личности», к его исследованию и толкованию ученые обращаются достаточно часто. Они предлагают собственные концепции, которые нередко противоречат друг другу. В отсутствие легальной формулировки, раскрывающей содержание понятия «отождествление личности», у правоприменителя возникает множество вопросов. Дать ответы на некоторые из них призвано проводимое автором статьи исследование. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы описания, логического осмысления, абстрагирования и обобщения. *Результаты.* На основе изучения точек зрения ряда ученых выявлены различия в подходах к толкованию понятия «отождествление личности», в определении методов реализации данного оперативно-разыскного мероприятия и объектов идентификационной работы. Автор приходит к выводу о том, что отождествление личности является не просто идентификационным мероприятием, а поисково-идентификационным, поскольку при его проведении могут осуществляться действия, направленные на физическое обнаружение отождествляемого объекта, в том числе с применением автоматизированных биометрических систем. К числу отождествляемых объектов относятся: преступники; лица, находящиеся в розыске; лица, пропавшие без вести; неопознанные трупы; очевидцы преступления и лица, обладающие оперативно значимыми сведениями; лица, пострадавшие от преступления. Среди признаков, по которым отождествляется личность, выделяют статические и динамические. Более широким по содержанию, чем оперативно-разыскное отождествление личности, является термин «оперативно-разыскная идентификация». Таковая предусматривает комбинацию трех оперативно-разыскных мероприятий – исследование предметов и документов, наведение справок в идентификационных целях и отождествление личности – в различных сочетаниях.

ВВЕДЕНИЕ

Отождествление личности относится к числу оперативно-разыскных мероприятий, ключевую роль в реализации которых играют органы чувств человека. Отождествление личности как непроцессуальный акт узнавания проводится тогда, когда невозможно или нецелесообразно проведение следственного действия – предья-

вления для опознания, – и регламентируется п. 7 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». Оперативно-разыскное отождествление личности имеет большое значение для расследования преступлений и обеспечения общественной безопасности. Оно применяется в различных случаях и чаще всего негласно: правоохранительные органы используют ото-

Tatyana V. KISIL,
ORCID 0009-0006-5674-5054
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Head of the Office and Regime Department
tkisil@mvд.ru

FEATURES OF CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE IDENTIFICATION OF A PERSON

KEYWORDS. Identification of personality, operational identification, information about personality, objects and methods of identification work.

ANNOTATION. Introduction. Operational investigative identification of a person is of great importance for the investigation of crimes and ensuring public safety. Due to the fact that there is no unified understanding of the term «identification of personality» in the theory of operational investigative activities, scientists constantly turn to its research and interpretation, offering their own concepts that often contradict each other. In the absence of a legal formulation that reveals the content of the concept of «identification of personality», the law enforcement officer has a lot of questions, which this study is designed to partially resolve. **Methods.** The work used a general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of connections and contradictions between them. In addition, the method of description, logical comprehension, abstraction and generalization were used. **Results.** Based on the study of the points of view of scientists, the article reveals differences in approaches to the interpretation of the concept of «identification of personality», in determining the methods of implementing this operational investigative measure and the objects of identification work. The author comes to the conclusion that identification of a person is not just an identification event, but a search and identification event, since during its implementation actions can be carried out aimed at the physical detection of the identified object, including using automated biometric systems. The identified objects include criminals; wanted persons; missing persons; unidentified corpses; eyewitnesses to the crime and persons with operationally significant information; persons affected by the crime. Among the signs by which a person is identified, static and dynamic are distinguished. The broadest in content is the term «operational search identification», which includes a combination of three operational search activities – examination of objects and documents, making inquiries for identification purposes and identification of a person – in various combinations.

дествление личности для выявления подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений на основе имеющихся у них оперативных данных, при поиске лиц, от которых может исходить угроза общественной безопасности, и т.д.

В связи с тем, что в теории оперативно-разыскной деятельности не выработано единого понимания термина «отождествление личности», к его исследованию и толкованию ученые обращаются достаточно часто [1, 2, 3, 4]. Они предлагают собственные концепции, которые нередко противоречат друг другу. В отсутствие легальной формулировки, раскрывающей содержание понятия «отождествление личности», у правоприменителя возникает множество вопросов. Дать ответы на некоторые из них призвано проводимое автором статьи исследование.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе реализации оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности», и их характеристики; метод логического осмысления, позволивший определить соотношение понятий «отождествление личности» и «оперативно-разыскная идентификация»; абстрагирование и обобщение, призванные системати-

зировать установленные нами факты и дать им толкование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Обобщение большинства имеющихся в теории оперативно-разыскной деятельности точек зрения относительно содержания понятия «отождествление личности» позволило нам прийти к выводу о том, что ключевым различием в них является определение методов реализации данного оперативно-разыскного мероприятия и объектов идентификационной работы. Разница в определении методов реализации «отождествления личности» обусловлена тем, что авторам научных работ не удается прийти к единому мнению о сущности отождествления: одни ученые сводят «отождествление» к «идентификации» [5]; другие – к «опознанию» и «узнаванию» [6], что является поводом для научных дискуссий.

По нашему мнению, главное, на что следует обратить внимание, это не поиск терминологических различий, а обнаружение сути реализуемых мероприятий. «Отождествление личности» является не просто идентификационным мероприятием, в ходе которого выявляется сходство имеющегося образа объекта с конкретным человеком, а поисково-идентификационным, поскольку при его проведении могут осуществляться активные поисковые действия, направленные на обнаружение отождествляемого объекта, в том числе с применением автоматизированных биометрических систем.

По поводу состава отождествляемых объектов в научном сообществе также имеются значительные

разногласия. Некоторые исследователи предлагают считать таковыми только «преступников и лиц, находящихся в розыске» [7]. Другими в число отождествляемых включаются также иные объекты, представляющие оперативный интерес: лица, пропавшие без вести; неопознанные трупы; очевидцы преступления и лица, обладающие оперативно значимыми сведениями; лица, пострадавшие от преступления [8].

Таким образом, в самом общем виде оперативно-разыскное отождествление личности – это процесс поиска и установления схожих черт конкретного человека с имеющимися о нем сведениями в рамках оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов. Этот процесс включает в себя сбор и анализ информации о личности, установление связей между различными данными, использование методов и технологий для идентификации человека, в том числе использование фото- и видеоматериалов, отпечатков пальцев, одорологических следов, ДНК-анализа, а также других методов отождествления.

Попробуем отграничить понятие оперативно-разыскного отождествления личности от иных, близких ему по смыслу.

Профессор К.К. Горяинов и его соавтор Е.В. Латынин оперативно-разыскное мероприятие «отождествление личности» называют «оперативной идентификацией», под которой предлагают понимать «способ установления лиц, причастных к подготовке и совершению преступлений либо находящихся в розыске» [9, с. 135]. По их мнению, оперативная идентификация представляет собой «непосредственное опознание названных объектов по признакам их внешности, голосу, другим приметам, а также информационный поиск в специальных учетах (розыскных, оперативно-справочных и криминалистических)».

Профессор А.Ю. Шумилов «отождествление личности» определяет более широко, считая, что это «соотнесение полученных в процессе проведения негласных мероприятий данных о личности человека, возможно имеющего отношение к совершению преступления, со сведениями об антропологических, динамических, физиологических и других признаках лица, зафиксированных в памяти очевидцев преступления, информационных массивах, фотоизображениях, видео- и аудиозаписях и на других носителях информации, и установление на этой основе его причастности к совершению преступления» [10, с. 72]. Структура оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» в данном случае представлена комплексом действий, основу которых составляет опознание людей по мысленным образам с учетом добытых сведений в результате информационного поиска и исследования предметов и документов.

Еще более конкретизировано к толкованию понятия «отождествление личности» подходит авторский коллектив монографии «Теоретические и методические положения и цели розыска, опознания и экспертного отождествления личности человека в обычных условиях расследования». Ее авторами дается следующее описание: «Те или

иные лица (идентифицирующие объекты), помимо фиксации в памяти очевидцев идеальных образов, также оставляют различные другие следы, которые могут быть также использованы в процессе идентификации личности с применением других различных криминалистических методик. Данное обстоятельство позволяет провести в отношении идентифицируемого объекта весь комплекс мероприятий оперативно-розыскного мероприятия – «отождествления личности» и «оперативной идентификации» по всем имеющимся следам. Соответственно здесь могут быть использованы все возможные методики и технологии, такие как фото- и видеоучеты оперативных подразделений, служебно-розыскные собаки, средства оперативной техники и иные специальные исследования» [11, с. 8].

Исходя из этого, можно говорить о том, что оперативно-разыскное мероприятие «отождествление личности» включает в себя все виды непроцессуальной идентификации человека по описанию и мысленным образам, возникающим на основании идеальных отображений воспринимаемого облика и психических актов, а также по изображениям, с использованием статических (биологические жидкости – кровь, слюна и др., отпечатки пальцев рук, запаховые следы, следы обуви и т.д.) и динамических (походка, жесты, мимика, манера речи) признаков [12, с. 120].

Основываясь на приведенных выше мнениях ученых, мы приходим к выводу о том, что отождествление личности не ограничивается только процессом узнавания одним человеком другого человека. Оно охватывает также исследование предметов, документов, биологических объектов, фотоснимков, видео-, аудиозаписей, применение иных средств и методов, что может составлять суть других оперативно-разыскных мероприятий.

В ряде случаев отождествление личности базируется на результатах «наведения справок», связанных с установлением анкетных данных, признаков внешности, психических актов и т.д. того или иного лица. В связи с этим следует подчеркнуть, что наведение справок и отождествление личности – это два различных оперативно-разыскных мероприятия. По логике вещей, наведение справок всегда предшествует отождествлению личности. Однако при использовании современных технических поисковых систем ввиду их быстродействия может сложиться впечатление, что эти два мероприятия совмещены в одно целое. Тем не менее даже в этих случаях отождествление личности невозможно до того момента, пока из электронной базы данных не будет извлечен исходный массив сведений, предназначенных для идентификации. Аналогичный процесс наблюдается и при наведении справок в ручном режиме, когда первоначально из информационных массивов извлекаются бумажные носители, а уже на их основе с использованием различных методов идентификации делается вывод о сходстве, различии или групповой принадлежности того или иного объекта. Следовательно, наведение справок не имеет самостоятельного значения при отождествлении личности, а

является его способом, предназначенным лишь для выявления идентифицирующих объектов. На этом основании данное мероприятие нельзя, с одной стороны, полностью исключать из числа идентификационных мероприятий, используемых в оперативно-разыскной деятельности, а с другой – путать его с другим оперативно-разыскным мероприятием, а именно с отождествлением личности.

Отдельно следует остановиться на идентификации личности по изображениям, которая формально подпадает под признаки такого оперативно-разыскного мероприятия, как «исследование предметов и документов». Данную форму идентификации, проводимой по инициативе оперативных служб экспертами-криминалистами, также следует рассматривать как отождествление личности. При этом идентификационную составляющую оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов» формируют не только идентификация целого по его частям, но и баллистические, графологические и трасологические исследования. Все, что касается идентификации человека по его внешним данным и психическим актам, должно быть отнесено в оперативно-разыскной деятельности к мероприятию «отождествление личности» [13, 14].

Кроме того, для идентификации личности изучению могут быть подвергнуты биологические объекты и запаховые следы. Однако, учитывая то обстоятельство, что они могут не иметь устойчивого внешнего строения, их исследование необходимо вывести за рамки отождествления личности и отнести к «исследованию предметов и документов» [15].

Исходя из логики вышеизложенных рассуждений, наиболее широким по содержанию нам представляется термин «оперативно-разыскная идентификация», так как им охватывается комбинация из трех оперативно-разыскных мероприятий – исследование предметов и документов, наведение справок в идентификационных целях и отождествление личности – в различных сочетаниях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам нашего исследования мы видим основания сформулировать ряд выводов. Во-первых, главное различие в подходах к толкованию понятия «отождествление личности» заключается в определении методов реализации данного оперативно-разыскного мероприятия и объектов идентификационной работы. Во-вторых, отождествление личности является не просто идентификационным мероприятием, а поисково-идентификационным, поскольку при его проведении могут осуществляться действия, направленные на физическое обнаружение отождествляемого объекта, в том числе с применением автоматизированных биометрических систем. В число отождествляемых объектов входят: преступники; лица, находящиеся в розыске; лица, пропавшие без вести; неопознанные трупы; очевидцы преступления и лица, обладающие оперативно значимыми сведениями; лица, пострадавшие от преступления. Среди признаков, по которым отождествляется личность, выделяются статические (например биологические жидкости – кровь, слюна и др., отпечатки пальцев рук, запаховые следы, следы обуви и т.д.) и динамические (походка, жесты, мимика, манера речи).

Кроме того, следует иметь в виду, что средства реализации «отождествления личности» могут составлять суть других оперативно-разыскных мероприятий. Например, «наведение справок» не имеет самостоятельного значения при отождествлении личности, а является его способом, предназначенным лишь для выявления идентифицируемых объектов. «Исследование предметов и документов» также является способом идентификации личности по изображениям.

Таким образом, не вызывает сомнений, что из рассмотренных нами более широким по содержанию является термин «оперативно-разыскная идентификация», который охватывает собой комбинацию из трех оперативно-разыскных мероприятий – исследование предметов и документов, наведение справок в идентификационных целях и отождествление личности – в различных сочетаниях. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаранин А.О. Отождествление личности можно рассматривать как межотраслевой правовой институт // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11. С. 129-138.
2. Дедковский А.А. О сущности и содержании оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. № 1 (35). С. 75-78.
3. Ховавко С. М. Формы отождествления личности в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 84-87.
4. Важенин В.В. Толкование отождествления личности в теории ОРД // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2000. № 2. С. 80-86.
5. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-разыскная деятельность в XXI веке: Монография. М.: Норма, 2022. 400 с.
6. Чечётин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-разыскных мероприятий: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 180 с.
7. Васильченко Д.А. О концепции цифровизации оперативно-разыскной деятельности // Петербургские Пенитенциарные конференции: материалы конференций. В 4-х т. Санкт-Петербург, 17-18 мая 2021 г. Т. II. СПб: СПбУ ФСИН России, 2021. С. 34-41.
8. Моляров Е.А., Давыдов С.И. Понятие оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 21-26.

9. Горяинов К.К., Латынин Е.В. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и методов оперативно-розыскной деятельности, применяемых в деятельности УИС // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39). С. 133-140.
10. Шумилов А.Ю. О целесообразности объединения сыскных процедур в единый уголовно-розыскной процесс // Полицейское право. 2005. № 1 (1). С. 70-72.
11. Дубягин Ю.П., Дубягина О.П., Цатурян Э.О. Теоретические и методические положения и цели розыска, опознания и экспертного отождествления личности человека в обычных условиях расследования: Монография. Ч. II. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 202 с.
12. Ховавко С.М. Сравнительный анализ оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» и следственного действия «предъявление для опознания» и его правовое значение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1 (29). С. 119-123.
13. Иванов П.И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 154-158.
14. Яковец Е.Н. Своеобразие «эмпирических» оперативно-розыскных мероприятий «наблюдение» и «отождествление личности» // Эпомен. 2021. № 53. С. 244-262.
15. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Монография. М.: Наука, 1975. 286 с.

REFERENCES

1. Garanin A.O. Otozhdestvlenie lichnosti možno rassmatrivat' kak mezhotraslevoj pravovoj institut // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2020. № 11. S. 129-138.
2. Dedkovskij A.A. O sushchnosti i soderzhanii operativno-rozysknogo meropriyatiya «otozhdestvlenie lichnosti» // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2014. № 1 (35). S. 75-78.
3. Novavko S.M. Formy otozhdestvleniya lichnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3 (53). S. 84-87.
4. Vazhenin V.V. Tolkovanie otozhdestvleniya lichnosti v teorii ORD // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2000. № 2. S. 80-86.
5. Zaharce S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke: Monografiya. M.: Norma, 2022. 400 s.
6. Chechyotin A.E. Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknykh meropriyatij: Monografiya. M.: Izdatel'skij dom Shumilovoj I.I., 2006. 180 s.
7. Vasil'chenko D.A. O koncepcii cifrovizacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Peterburgskie Penitenciarne konferencii: materialy konferencij. V 4-h t. Sankt-Peterburg, 17-18 maya 2021 g. T. II. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. S. 34-41.
8. Molyarov E.A., Davydov S.I. Ponyatie operativno-rozysknogo meropriyatiya «otozhdestvlenie lichnosti» // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4 (53). S. 21-26.
9. Goryainov K.K., Latynin E.V. Sootnoshenie operativno-rozysknykh meropriyatij i metodov operativno-rozysknoj deyatel'nosti, primenyaemykh v deyatel'nosti UIS // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2019. № 2 (39). S. 133-140.
10. Shumilov A.Yu. O clesoobraznosti ob'edineniya sysknykh procedur v edinyj ugolovno-rozysknoj process // Policejskoe pravo. 2005. № 1 (1). S. 70-72.
11. Dubyagin Yu.P., Dubyagina O.P., Caturyan E.O. Teoreticheskie i metodicheskie polozheniya i celi rozyska, opoznaniya i ekspertnogo otozhdestvleniya lichnosti cheloveka v obychnykh usloviyah rassledovaniya: Monografiya. Ch. II. M.: Izd-vo MGOU, 2011. 202 с.
12. Novavko S.M. Sravnitel'nyj analiz operativno-rozysknogo meropriyatiya «otozhdestvlenie lichnosti» i sledstvennogo dejstviya «pred'yavlenie dlya opoznaniya» i ego pravovoe znachenie // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1 (29). S. 119-123.
13. Ivanov P.I. Rozysknaya i identifikacionnaya deyatel'nost' kak edinaya sistema: tochka zreniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3 (39). S. 154-158.
14. Yakovec E.N. Svoeobrazie «empiricheskikh» operativno-rozysknykh meropriyatij «nablyudenie» i «otozhdestvlenie lichnosti» // Epomen. 2021. № 53. S. 244-262.
15. Ursul A.D. Problema informacii v sovremennoj nauke: Monografiya. M.: Nauka, 1975. 286 s.

© Кисиль Т.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кисиль Т.В. Особенности проведения оперативно-розыскного отождествления личности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 70-74.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры конституционного и административного права
лауреат премии Волгоградской области в сфере науки и техники
stl13913@gmail.com

Евгения Григорьевна ЛОБАСЕВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0001-5186-4664
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
заместитель начальника кафедры конституционного
и административного права
evgeniagriгорьевna@mail.ru

Научная статья
УДК 343.985::378.14

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ И НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, мировоззрение, повседневность, социобиология, частная научная теория.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Взгляд на оперативно-разыскную деятельность (ОРД) органов внутренних дел через призму теории национальной безопасности позволил выявить актуальные пути совершенствования этого института в области науки и образования. *Методы.* В качестве методологической основы использованы система, схемы и понятия авторской теории национальной безопасности, межотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук. *Результаты.* По мнению авторов у будущих оперативников необходимо формировать новые компетенции – «Информационная грамотность» и «Информационная гигиена». Авторами предлагается ввести в учебный план подготовки оперативных сотрудников для органов внутренних дел такие учебные дисциплины, как «Основы обеспечения национальной безопасности», «Геополитика», «Объективная психология и физиология человека», «Социология повседневности», «Социобиология», «Оперативное искусство». Следует признать народным достоянием результаты научно-исследовательских работ в сфере гуманитарных наук. Дальнейшее развитие теории ОРД должно идти по ведомственному направлению, поскольку каждая ведомственная модель ОРД занимает свою нишу в системе национальной безопасности Российской Федерации. Разработка всех перечисленных аспектов требует образования новой частной теории «Обеспечение национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел» и дополнения паспорта научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» новым направлением исследования – «Правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

Многолетний опыт преподавательской и научной деятельности авторов в высших учебных заведениях МВД России дает основания говорить о том, что сложившаяся система ведомственного профессионального образования не всегда отвечает современным потребностям

государства и ожиданиям общества. Во многом это обусловлено смещением аксиологических ориентиров всей правоохранительной деятельности с обеспечения выживания многонационального народа России как самоцели на охрану фрагментарной совокупности ряда второстепенных, формальных ценностей, доставшихся нам в наследство от

Alexander I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X
Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
Laureate of the Volograd Region Prize in the field of science and technology
stl13913@gmail.com

Evgenia G. LOBASEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0001-5186-4664
Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volograd, Russia)
Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law
evgeniagrigoirevna@mail.ru

EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC SUPPORT FOR PROFESSIONAL TRAINING OF OPERATIONAL POLICE OFFICERS THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF NATIONAL SECURITY

KEYWORDS. National security, operational intelligence activities, worldview, everyday life, sociobiology, private scientific theory.

ANNOTATION. *Introduction.* A look at the operational intelligence activities of internal affairs bodies through the prism of the theory of national security made it possible to identify current ways to improve this institution in the field of science and education. *Methods.* The system, schemes and concepts of the author's theory of national security, interdisciplinary and interscientific connections of the natural and human sciences are used as a methodological basis. *Results.* According to the authors, future operatives need to develop new competencies – «Information literacy» and «Information hygiene». The authors propose to introduce into the training curriculum for operational officers for internal affairs bodies such academic disciplines as «Fundamentals of National Security», «Geopolitics», «Objective Psychology and Human Physiology», «Sociology of Everyday Life», «Sociobiology», «Operational Art». The results of scientific research in the field of humanities should be recognized as national property. Further development of the theory of operational intelligence should follow a departmental direction, since each departmental model of operational intelligence occupies its own niche in the national security system of the Russian Federation. The development of all of these aspects requires the formation of a new private theory «Ensuring national security in the process of operational investigative activities of internal affairs bodies» and the addition of the passport of the scientific specialty 5.1.4. «Criminal Law Sciences» with a new direction of research – «Law enforcement agencies in the system of ensuring national security».

советской эпохи и искусственно навязанных извне в последующий либеральный период новейшей истории России, отчасти потерявших свою актуальность в условиях настоящего времени.

Отказ от идеологии и воспитания как основных способов обеспечения социальной компоненты самовоспроизводства, самосохранения и самоподдержания многонационального народа России, хронический кадровый голод и сверхчеловеческие нагрузки привели к тому, что работа сотрудников полиции сегодня направлена на формальное соблюдение требований бесчисленного количества нормативных актов, преследование корпоративных интересов в виде выполнения ведомственных показателей, притом что на второй план отодвинута работа правоохранительных органов по профилактике и предупреждению криминальных угроз, которая является сутью обеспечения национальной безопасности.

Исправлять сложившуюся ситуацию необходимо уже с этапа подготовки кадров в ведомственных учебных заведениях.

МЕТОДЫ

Согласно сформулированному нами определению, используемому в качестве методологической базы для исследования оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД), «безопасность» – это модель коллективного выживания посредством самосто-

ятельного и суверенного удовлетворения витальных потребностей в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве с помощью защиты и охраны собственных и привлекаемых сил и средств, осуществляющих добывание, обработку и понимание (прогнозирование, выявление, анализ, оценку) информации и знаний об опасных и полезных свойствах субъекта безопасности и окружающего его мира (в виде иных субъектов и окружающей среды), их проявлениях в прошлом, настоящем и будущем с последующей реализацией полученных информации и знаний для профилактики и контроля установленных опасных свойств, разработки и применения комплекса оперативных и долговременных мер по целеполаганию, выявлению, предупреждению и устранению их проявлений, а также локализации и нейтрализации их последствий [1].

Как видим, безопасность включает в себя не только добывание и обработку информации об опасных свойствах и их проявлениях, но и понимание этой информации, а также формирование знаний об объектах безопасности. Раскроем эту проблематику с позиций научного и образовательного обеспечения ОРД ОВД с целью достижения задач национальной безопасности.

В настоящее время в научной среде наблюдается устойчивая тенденция к выделению научно-образовательного обеспечения национальной

безопасности [2], что неслучайно и закреплено в положениях ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Основной научной проблемой обеспечения безопасности, по общему признанию, является «отсутствие в нашей стране не только общепринятой и строгой теории национальной безопасности, но и ее понятия» [3]. Одно из решений данной проблемы было предложено нами в виде авторской теории безопасности [4].

Таким образом, в качестве методологической основы анализа образовательного и научного обеспечения профессиональной подготовки оперативных сотрудников полиции нами использованы система, схемы и понятия авторской теории национальной безопасности, межотраслевые и междисциплинарные связи естественных и гуманитарных наук.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Самыми большими возможностями оперативного воздействия на будущее обладает ОРД, решающая задачу по предупреждению правонарушений. Другие отрасли административных и уголовно-правовых наук, как нам представляется, только дополняют ее уникальный негласный инструментарий своими полномочиями. Именно поэтому в учебные планы подготовки всех ведомственных специалистов, обучающихся в вузах МВД России, следует ввести учебную дисциплину «Основы обеспечения национальной безопасности», а также учебную дисциплину «Геополитика», без изучения которой невозможно – мы в этом убеждены – уяснить смысл и содержание сложившейся системы национальной безопасности и собственной роли в ней.

Недостаточное внимание в научном и образовательном обеспечении ОРД ОВД уделено изучению «повседневности» как прекрасной модели приобретения практических знаний. В настоящее время для того, чтобы узнать содержание объективной картины внутреннего мира населения, составляемой только по результатам социологических исследований населения в состоянии «естественной свободы», нет необходимости получать санкцию суда для установления устройств для негласного наблюдения в жилище человека – сфере его гарантированной защищенности. Люди, соглашаясь с использованием компьютерных программ, давая разрешение на использование ими сенсоров своих компьютеров, становятся объектом круглосуточного наблюдения со стороны коммерческих организаций и последующего анализа получаемых таким образом данных нашими геополитическими противниками.

В научной сфере шпионство за населением (изначально с коммерческими целями) приняло благоприятную форму социологического исследования «повседневности», своими методами и результатами давно опережающего ОРД как средство негласного получения объективной информации о состоянии многонационального народа Российской Федерации. Социология нарабатывает огромные практические знания в интервьюировании (добровольном опросе), анализе социума и индивида, что должно быть использовано в ОРД и криминалистике.

Считаем актуальным изучение опыта смежных наук путем введения в учебный план следующих учебных дисциплин: «Объективная психология и физиология человека», «Социология повседневности», «Социобиология» [5].

Огромную практическую значимость для теории и практики ОРД ОВД представляет теория игр [6]. Необходимость ее изучения отмечали Б.П. Смагоринский и другие специалисты в области ОРД и криминалистики [7]. Однако прошло два десятилетия, а серьезных работ по использованию теории игр в ОРД по-прежнему нет, хотя в смежных направлениях такие работы появились.

Представляется, что все эти знания должны комплексно, а не фрагментарно преподаваться в рамках предмета как систематизированный эффективный и правомерный практический опыт ОРД.

Весьма показательным, что более ста лет назад основоположник отечественного уголовного сыска В.И. Лебедев называл эту работу искусством. Оперативное искусство, по мнению А. Свечина, является регулятором тактического творчества [8, с. 14]. Считаем, что новая учебная дисциплина, которая интегрировала бы не только правовые, но и естественнонаучные знания в сфере ОРД ОВД, необходима. С позиций практического обучения таковой, по нашему мнению, должна стать дисциплина «Оперативно-разыскное искусство в органах внутренних дел».

Без подобного рода знаний оперативные сотрудники полиции будут «проигрывать» сражения за обеспечение справедливости, безопасности и защищенности представителям частного сектора обеспечения защищенности – психологам, социологам, специалистам в сфере безопасности, даже тем из них, которые получают эти знания всего-навсего на тренингах в рамках повышения квалификации.

В настоящее время то, что мы называем «оперативным искусством», перекочевало в отрасли параллельных точных наук и гуманитарных знаний, например социологии (анкетирование, интервьюирование), психологии (профайлинг, распознавание лжи и т.д.), информатики (поиск нужных сведений в массивах систематизированной и несистематизированной информации). Очевидно, что необходимые навыки, приобретаемые в процессе изучения данных наук, должны найти отражение в содержании учебных дисциплин, преподаваемых будущим оперативным сотрудникам. Однако вопреки этому им преподносится масса общеобразовательной информации без акцентирования ее значения для их будущей профессиональной деятельности. Первые же практические навыки в сфере ОРД ОВД обучающиеся получают только на 3 курсе с началом изучения специализированных учебных дисциплин.

Разные факультеты, разные специалисты.

Как мы отмечали ранее, одной из основ обеспечения национальной безопасности является поддержание пропорций между группами населения с разными мировоззренческими установками для выполнения разных общественных функций. Мы присоединяемся к мнению о том, что правоохра-

нительные органы сегодня остро нуждаются не только в притоке высокообразованных юристов, но и «в людях с нестандартным мышлением и новыми идеями, способных противостоять современным и будущим вызовам»¹.

Оперативно-разыскные и экспертно-криминалистические специальности должны быть дополнены специализациями по сферам обеспечения безопасности в секторе ответственности МВД России – миграционной, транспортной, экономической и т.д. Специализация нормативно установлена в приказе МВД России², но, кроме того, она должна отражаться на содержании общеобразовательных предметов, составляющих содержание первого и второго годов обучения в ведомственном вузе. Согласно результатам проведенного нами поиска, в массиве проиндексированных учебных программ по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» «национальная безопасность» упоминается в тематике только в рамках предмета «Конституционное право Российской Федерации».

Информационная гигиена. В условиях преобладания клипового сознания и массовой энтропии в головах большей части населения, сформированной искусственно создаваемой новостной повесткой, оперативный сотрудник должен профессионально устранять хаос сознания на индивидуальном и коллективном уровнях, для чего ему необходимо обладать навыками убеждения, базирующимися на научных и культурных знаниях.

Показателен случай из практики одного из авторов статьи: на глазах следственно-оперативной группы оперативный сотрудник за полчаса сумел убедить представителя одного из нетрадиционных западных религиозных верований в ложности декларируемых последним целей и задач его существования и вернуть его к нормальной жизни в семье.

Информационная грамотность. Старая форма познания, связанная с огромным количеством трудозатрат по поиску, подбору, обеспечению доступа к источнику знания, делающая теоретическое познание нерентабельным по времени, ушла в прошлое. В распоряжении современного исследователя должен быть весь массив знаний в электронной форме, чтобы проводить его индексацию, статистический анализ, осуществлять быстрый доступ к содержанию научной мысли и иметь удобную ссылку на ее форму.

Если раньше одним из показателей «юридической грамотности» полицейского было знание наизусть номеров и названий статей, то в настоящее время – это способность найти нужную информацию в огромном массиве законодательства и правильно истолковать ее. В современном мире с его всеобъемлющей компьютеризацией основной задачей обучения оказывается не передача информации, поскольку она доступна и обширна,

а обучение методам ее обработки и выбора достоверного источника.

В связи с этим у будущих оперативников необходимо формировать новую компетенцию – «информационная грамотность». К сожалению, результаты поиска по проиндексированной базе данных, содержащей научные и учебные работы по ОРД, показали, что термин «информационная грамотность» не употребляется. Применительно к сотрудникам правоохранительных органов употребляются термины «правовая грамотность», а применительно к преступникам – «компьютерная грамотность». Необходимость повышения информационной и компьютерной грамотности оперативных сотрудников в работах по ОРД упоминается в доступных нам источниках очень редко [9].

По нашему мнению, приоритетной важностью обладает формирование у будущих сотрудников полиции, занятых в сфере ОРД ОВД, навыка «информационной гигиены» [10], которая уже официально признана медициной в целом и санитарной эпидемиологией в частности потребностью современного человека. Значение этого навыка активно обсуждается в рамках научного обеспечения сил и средств национальной безопасности [11], но не в сфере ОРД ОВД, хотя именно он способствует отделению «белого шума» от оперативно значимой информации.

Учитывая выявленные нами ранее составляющие национальной безопасности, такие как оценка ее состояния и должное обеспечение состояния сущности формами его существования, подчеркиваем, что у будущих оперативных сотрудников важно развить навык объективной самодиагностики или самокритики как основное качество, требующееся для объективного анализа себя и окружающего мира в целях собственной защищенности и безопасности народа Российской Федерации.

Соответственно, предлагаем нормативно закрепить следующие профессиональные компетенции в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» по профилю образовательной программы «Оперативно-разыскная деятельность»: информационная грамотность; информационная гигиена; самодиагностика физиологического и психологического состояния себя и окружающих; самокритика своей профессиональной и повседневной деятельности.

Наука. Отдельным важным аспектом национальной безопасности в части формирования единого национального мировоззрения является необходимость создания универсальной интернет-энциклопедии по теории ОРД и национальной безопасности, которую можно будет дополнять и редактировать по аналогии с интернет-сайтом «ru.wikipedia.org».

¹ Встреча главы МВД России с участниками смены «Молодые юристы России» на Международном форуме молодежных проектов «Селигер-2014» // Полиция России. 2014. № 8.

² Приложение № 7 к приказу МВД России от 18.03.2013 № 150; Приказ МВД России от 18.03.2013 № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации» // АСПИ МВД России СТРАС «Юрист» (дата обращения: 13.10.2022).

В отечественной науке сделано немного попыток систематизировать и обобщить научную информацию и практический опыт по ОРД, дать понятие категориям ОРД [12]. Прорывом в этой области можно считать инициативное создание сотрудниками кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России сайта «<https://ordrf.ru/>», содержащего именно знания как понятию и систематизированную информацию: научные и учебные издания, видеофрагменты проведения оперативно-разыскных мероприятий из популярных художественных фильмов и др. Целями создания данного электронного ресурса, по мнению его авторов, являются: формирование электронной информационно-образовательной среды для курсантов, слушателей и студентов, изучающих дисциплину «Оперативно-разыскная деятельность»; образование рабочей сферы с необходимым набором информационных сервисов и ресурсов для практикующих юристов; создание научно-исследовательской базы для адъюнктов, аспирантов, докторантов и ученых. При этом очевидно, что изучение ОРД как сложного направления правоохранительной деятельности без обладания систематизированной базой знаний или доступа к ней невозможно.

Нельзя не отметить вклад в систематизацию теории ОРД А.Ю. Шумилова (создателя журнала «Оперативник (сыщик)»), который, объединив все направления ОРД, подготовил лично и в соавторстве ряд учебников, словарей и энциклопедий, монографию «Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации» [13], осуществил анализ большого массива диссертационных исследований, заложив основы процесса систематизации сведений по ОРД [14].

А.Ю. Шумилов, С.И. Захарцев, В.П. Сальников и многие другие теоретики и практики создали все условия для возведения своих трудов в ранг национального достояния в сфере ОРД, распространив их в информационно-коммуникационных сетях на ресурсах правового содержания, в том числе на многочисленных интернет-сайтах. Однако современным исследователям необходим доступ и к закрытой по формальным основаниям научной мысли иных классиков теории ОРД: А.Г. Лекаря, Д.В. Гребельского, В.А. Лукашова, В.Г. Боброва, Б.П. Смагоринского и др., что требует работы по оцифровке их научного наследия и обеспечению доступа к нему субъектов ведомственного научного и образовательного процесса. Это можно сделать посредством включения классических трудов по теории ОРД в ведомственную базу данных системы научно-технической информации (БД СНТИ)¹, расширения ее литературой с ограничительными грифами.

В последнее время вошло в практику создание корпоративных баз данных, содержащих подборки литературных источников, аудио- и видеоматериалов по направлениям работы организации. В системе МВД России таковой является БД СНТИ.

Однако в настоящее время не до конца раскрыт вопрос о правовой регламентации доступа к базам данных частных лиц и организаций в целях ОРД ОВД и обеспечения национальной безопасности. Нам представляется это перспективным направлением дальнейшего развития теории ОРД [15].

Отметим, что авторское право, широко внедрившееся в России в сферу науки после 1990 года с одновременным ограждением отечественной научной мысли западными странами, в настоящее время является элементом бюрократизации и главной причиной замедления распространения объективной научной информации, необходимой для таких важных для национальной безопасности факторов, как формирование национального мировоззрения и порядка.

Предлагаем признать народным достоянием результаты научно-исследовательских работ в сфере гуманитарных наук (с обязательным сохранением нематериальных авторских прав), чтобы завершить процесс бездумного умножения энтропии в учебной литературе, выражающийся в создании все новых «авторских» учебников и учебных пособий. Главная цель образования – формирование национального мировоззрения молодого поколения – должна достигаться посредством доступных результатов последовательного коллективного труда многих поколений отечественных ученых.

Наступивший информационный век предъявляет новые требования также и к профессорско-преподавательскому составу, устанавливая необходимость значительных усилий по актуализации образовательного процесса. Роль современного педагога в условиях глобальной компьютеризации состоит не столько в передаче обучающимся ценной информации в традиционном формате (проведение лекций, семинаров, практических занятий), сколько в создании условий для мотивации самостоятельного познания, выбора наиболее актуальных источников информации, подготовки инструментария для овладения знаниями и постоянного мониторинга качества обучения.

В современном процессе получения образования будущими оперативниками обучение становится «квестом» – компьютерной игрой, в которой принятие игроком ряда решений приведет его к победе или поражению, что становится важным мерилем успешности обучающегося в условиях конкурентной борьбы в малой учебной группе.

Идеальным полигоном для использования рассматриваемого учебного инструментария является юриспруденция. Обучающиеся праву, как правило, сталкиваются с огромным массивом законодательства, ознакомление с которым занимает все время контактной и самостоятельной работы, выделенной на изучение предмета. В связи с этим у преподавателей юридических вузов возникает большая проблема, связанная с такой переработкой и концентрацией учебного материала, которая позволяла бы укладываться в бюджет учебного времени. Использование учеб-

¹ См.: Положение о системе научно-технической информации МВД России, утв. приказом МВД России от 26.12.1999 № 51 // АСПИ МВД России СТРАС «Юрист» (дата обращения: 13.10.2022).

ников и других традиционных форм обучения в юриспруденции не всегда является эффективным, поскольку законодательные изменения не всегда успевают найти в них свое отражение (так, срок эффективного использования учебников без переиздания составляет всего-навсего 3-5 лет).

Источником знаний, более восприимчивым к изменениям законодательства и позволяющим повысить концентрированность содержания учебного текста, являются материалы учебно-методических комплексов, создающихся в том или ином конкретном вузе.

Утверждаем, что дальнейшее развитие теории ОРД должно идти по ведомственному направлению, поскольку каждая ведомственная модель ОРД занимает свою нишу в системе национальной безопасности Российской Федерации. Каждое ведомство, воплощающее в себе силы и средства национальной безопасности в тесном взаимодействии, тем не менее играет свою собственную роль в системе сдержек и противовесов государственной власти.

Разработка всех перечисленных аспектов требует, по нашему мнению, образования новой частной теории – «Обеспечение национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел». Данное научное направление следует рассматривать как частную теорию ОРД в ОВД, что обусловлено важностью, сложностью и многообразием проблем, возникающих в процессе осуществления этой деятельности, имеющей принципиальное значение в решении задач противодействия энтропийной преступности, организованной и профессиональной преступности в сфере миграционной, экономической, транспортной, информационной, общественной безопасности, а также в сфере оборота опасных веществ и изделий.

Частная теория обеспечения национальной безопасности в процессе ОРД ОВД представляет собой один из институтов общей теории ОРД. Объектом данной частной теории выступает энтропийная преступность как социальное явление, профессиональная и организованная преступность в информационной, миграционной, транспортной и экономической сферах общественной жизни, оперативно-разыскная практика, ее правовое регулирование, а предметной областью служат закономерности и специфические отношения, возникающие при управлении, организации и осуществлении ОРД в ОВД в ходе прогнозирования, выявления, анализа и оценки криминальных угроз национальной безопасности Российской Федерации, разработки и применения комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению криминальных угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления, координации деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности, а также научно-технической деятельности, международного сотрудничества, осуществления других мероприятий в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации от криминальных угроз.

Разработав научно обоснованные нормативные основания для активизации научной и образовательной компоненты обеспечения национальной безопасности в целом, научного и нормативного поддержания предлагаемой нами частной теории ОРД, считаем возможным предложить дополнить паспорт научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» новым направлением исследования – «Правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам анализа современного научного и образовательного обеспечения профессиональной подготовки оперативных сотрудников полиции через призму теории национальной безопасности считаем целесообразным предложить:

- в учебные планы всех ведомственных вузов, обучающих оперативных сотрудников, ввести ряд учебных дисциплин: «Основы обеспечения национальной безопасности», «Геополитика», «Оперативно-разыскное искусство в органах внутренних дел»;

- включить в образовательные стандарты и рабочие программы ряд профессиональных компетенций в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» по профилю образовательной программы «Оперативно-разыскная деятельность»: информационная грамотность; информационная гигиена; самодиагностика физиологического и психологического состояния; самокритика профессиональной и повседневной деятельности;

- расширить оперативно-разыскные и экспертно-криминалистические специальности специализациями по сферам обеспечения безопасности в секторе ответственности МВД России – миграционной, транспортной, экономической и т.д. Специализация в обязательном порядке должна отражаться на содержании предметов, в том числе общеобразовательных, составляющих программу первого и второго годов обучения;

- создать на ведомственной базе вузов МВД России универсальную интернет-энциклопедию по теории ОРД и национальной безопасности, которую можно будет дополнять и редактировать по аналогии с интернет-сайтом «ru.wikipedia.org»;

- признать народным достоянием результаты научно-исследовательских работ в сфере гуманитарных наук (с обязательным сохранением нематериальных авторских прав), чтобы завершить процесс бездумного умножения энтропии в учебной литературе, выражающийся в создании все новых «авторских» учебников и учебных пособий;

- образовывать в составе теории оперативно-разыскной деятельности новую частную теорию «Обеспечение национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел»;

- дополнить паспорт научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» новым направлением исследования – «Правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности». ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исакова Ю.И., Працко Г.С. Деятельностный подход к определению понятия «безопасность» как методологическая основа его дальнейшего применения и исследования // Правовой порядок и правовые ценности: сборник научных статей VII Национальной научно-практической конференции с международным участием, 21-23 сентября 2023 г., Краснодарский край, п. Дивноморское / Под ред. Ю.И. Исаковой, Г.С. Працко, Е.Ю. Сапожниковой. Ростов-на-Дону, 2023. С. 3-10.
2. Белов П.Г. Политико-правовое и научно-образовательное обеспечение национальной безопасности. Обзор состояния и пути совершенствования // Обозреватель. 2018. № 4 (339). С. 35-50.
3. Белов П.Г. Молчать нельзя говорить. О всестороннем обеспечении национальной безопасности России // Информационные войны. 2018. № 2 (46). С. 69-78.
4. Мелихов А.И. Теоретические основы обеспечения национальной безопасности в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2023. 344 с.
5. Александрова Д.А., Ковальчук М.В. Социобиология как наука // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: Материалы XV межвузовской студенческой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. Новосибирск, 30 апреля 2020 г. Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2020. С. 51-53.
6. Астраханцев В.Н., Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М., Шуклин А.Е. Оперативная игра – комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижение стратегической цели, – эффективный инструмент расследования преступлений террористического характера // Российский следователь. 2009. № 19. С. 27-30.
7. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: ВА МВД России, 2001.
8. Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927.
9. Кожокар В.В., Маслов А.А., Бабушкин А.А. Основы оперативно-розыскного обеспечения коллективной безопасности государств - членов ОДКБ: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2020. 228 с.
10. Бухтияров И.В., Денисов Э.И., Еремин А.Л. Основы информационной гигиены: концепции и проблемы инноваций // Гигиена и санитария. 2014. № 4. С. 5-9.
11. Гончарова Ю.А. «Информационная гигиена» военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации в аспекте противодействия информационным угрозам // Гуманитарные аспекты обеспечения информационной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: Материалы межвузовского круглого стола. Москва, 14 июня 2020 г. М.: Военный университет, 2020. С. 116-120.
12. Путилин В.В., Панчишина Г.Е., Большев Н.И. Термины и определения, используемые в оперативно-розыскной деятельности. Воронеж: ВИ МВД России, 2021. 33 с.
13. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: Монография. В 3 т. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2013.
14. Шумилов А.Ю. Юридическая наукометрия: Препринт монографии. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2011. 254 с.
15. Осипенко А.Л. Об отражении в оперативно-розыском законодательстве вопросов использования больших данных в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 18 ноября 2014 г. Омск: Омская юридическая академия, 2015. С. 46-53.

REFERENCES

1. Isakova Yu.I., Pracko G.S. Deyatel'nostnyj podhod k opredeleniyu ponyatiya «bezopasnost'» kak metodologicheskaya osnova ego dal'nejshego primeneniya i issledovaniya // Pravovoj poryadok i pravovye cennosti: sbornik nauchnyh statej VII Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 21-23 sentyabrya 2023 g. Krasnodarskij kraj, p. Divnomorskoe / Pod red. Yu.I. Isakovoj, G.S. Pracko, E.Yu. Sapozhnikovoj. Rostov-n/D, 2023. S. 3-10.
2. Belov P.G. Politiko-pravovoe i nauchno-obrazovatel'noe obespechenie nacional'noj bezopasnosti. Obzor sostoyaniya i puti sovershenstvovaniya // Obozrevatel'. 2018. № 4 (339). S. 35-50.
3. Belov P.G. Molchat' nel'zya govorit'. O vsestoronnem obespechenii nacional'noj bezopasnosti Rossii // Informacionnye vojny. 2018. № 2 (46). S. 69-78.
4. Melihov A.I. Teoreticheskie osnovy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v operativno-razysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: Monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2023. 344 s.
5. Aleksandrova D.A., Koval'chuk M.V. Sociobiologiya kak nauka // Gumanitarnye i pravovye problemy sovremennoj Rossii: Materialy XV mezhvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu Velikoj Pobedy. Novosibirsk, 30 aprelyu 2020 g. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2020. S. 51-53.
6. Astrahancev V.N., Drapkin L.YA., Zlochenko YA.M., Shuklin A.E. Operativnaya igra – kompleks operativno-rozysknyh meropriyatij, napravlennyh na dostizhenie strategicheskoy celi, – effektivnyj instrument rassledovaniya prestuplenij terroristicheskogo haraktera // Rossijskij sledovatel'. 2009. № 19. S. 27-30.
7. Shmatov M.A. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v sisteme ugolovno-pravovyh nauk. Volgograd: VA MVD Rossii, 2001.
8. Svechin A.A. Strategiya. M.: Voennyj vestnik, 1927.

9. Kozhokar' V.V., Maslov A.A., Babushkin A.A. Osnovy operativno-rozysknogo obespecheniya kollektivnoj bezopasnosti gosudarstv-chlenov ODKB: Monografiya. M.: VNII MVD Rossii, 2020. 228 s.
10. Buhtiyarov I.V., Denisov E.I., Eremin A.L. Osnovy informacionnoj gigieny: koncepcii i problemy innovacij // Gigiena i sanitariya. 2014. №4. S. 5-9.
11. Goncharova Yu.A. «Informacionnaya gigiena» voennosluzhashchih vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii v aspekte protivodejstviya informacionnym ugrozam // Gumanitarnye aspekty obespecheniya informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: Materialy mezhvuzovskogo kruglogo stola. Moskva, 14 iyunya 2020 g. M.: Voennyj universitet, 2020. S. 116-120.
12. Putilin V.V., Panchishnaya G.E., Bolychev N.I. Terminy i opredeleniya, ispol'zuemye v operativno-rozysknoj deyatel'nosti. Voronezh: VI MVD Rossii, 2021. 33 s.
13. Shumilov A.Yu. Operativno-rozysknaya nauka v Rossijskoj Federacii: Monografiya. V 3 t. M.: Izd. dom Shumilovoj I.I., 2013.
14. Shumilov A.Yu. Yuridicheskaya naukometriya: Preprint monografii. M.: Izd. dom Shumilovoj I.I., 2011. 254 s.
15. Osipenko A.L. Ob otrazhenii v operativno-rozysknom zakonodatel'stve voprosov ispol'zovaniya bol'shih dannyh v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Aktual'nye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 18 noyabrya 2014 g. Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. S. 46-53.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Лобасева Е.Г., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Лобасева Е.Г. Образовательное и научное обеспечение профессиональной подготовки оперативных сотрудников полиции через призму теории национальной безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 75-82.

Оксана Сергеевна КОЛОСОВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-1016-5391

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

1019810198@mail.ru

Научная статья

УДК 327:[351.74:(343.1+343.35)]

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, борьба с коррупцией, цифровизация, глобальная сеть.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Серьезные последствия совершения коррупционных преступлений, глобализация общества и преступности, миграционные процессы обусловили активизацию международного сотрудничества при расследовании как коррупционных, так и общеуголовных преступлений. Вместе с тем учеными и сотрудниками правоохранительных органов отмечается резкое снижение эффективности международного сотрудничества при расследовании преступлений в связи со сложившейся политической обстановкой в мире и длительными сроками исполнения запросов о правовой помощи. **Методы.** Исследование проводилось в соответствии с общенаучным принципом объективности и с использованием формально-юридического метода, методов абстрагирования, интервьюирования и анкетирования, статистического метода, метода обобщения и общелогических методов. **Выводы.** Сложившаяся в мире политическая ситуация, длительные сроки выполнения международных запросов повлекли дальнейшее развитие неформального международного сотрудничества в борьбе с преступностью и появление в 2023 г. нового эффективного способа получения информации для раскрытия и расследования преступлений посредством «Глобальной сети правоохранительных органов по борьбе с коррупцией» (Сеть Globe). В то же время правовое значение полученной информации требует уточнения путем проведения дополнительного научного исследования и особого внимания российского законодателя.

ВВЕДЕНИЕ

С древних времен международное сотрудничество способствовало обеспечению справедливости, позволяло избежать безнаказанности преступников, в том числе пытающихся скрыться в других странах. В Уставе Организации Объединенных Наций одной из целей ее создания объявлены развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в решении различных проблем. Взятый мировым сообществом курс на развитие международных отношений способствовал развитию совместной деятельности в различных сферах. Последовательно формировалась и нормативная база для сотрудничества государств.

В последние десятилетия наблюдается существенный рост международной активности населения и государств. Преступность приобретает

глобальный характер, поэтому международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства стало не просто необходимостью, а неотъемлемой частью правовой системы любой страны. Еще одним фактором, оказавшим влияние на развитие международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, стало увеличение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Таковых было зарегистрировано в России в 2020 г. 34400, в 2021 г. – 36420, в 2022 г. – 40154. Больше также становится преступлений, совершенных в отношении тех и других: в 2020 г. – 15981, в 2021 г. – 15961, в 2022 г. – 16082¹.

В своих интервью на повышение уровня активности в международном сотрудничестве указали Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов² и начальник Главного управления

¹ Показатели преступности России // Портал правовой статистики // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.07.2023).

² Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 23.01.2023 // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=84754075> (дата обращения: 12.08.2023).

Oksana S. KOLOSOVICH,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0004-1016-5391
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Doctoral Student of the Research Department
1019810198@mail.ru

GLOBAL ANTI-CORRUPTION LAW ENFORCEMENT NETWORK AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT FOR INTERNATIONAL COOPERATION

KEYWORDS. International cooperation, criminal proceedings, anti-corruption, digitalization, GlobE Network.

ANNOTATION. Introduction. The serious consequences of the commission of corruption crimes, the globalization of society and crime, migration processes have led to increased international cooperation in the investigation of both corruption and ordinary crimes. At the same time, scientists and law enforcement officials have noted a sharp decrease in the effectiveness of international cooperation in investigating crimes due to the current political situation in the world and the long deadlines for fulfilling requests for legal assistance. **Research methods.** The study was conducted in accordance with the general scientific principle of objectivity and using the formal legal method, methods of abstraction, interviewing and questioning, statistical method, generalization and general logical methods. **Conclusions.** The current political situation in the world, long deadlines for fulfilling international requests have led to the further development of informal international cooperation in the fight against crime and the emergence in 2023 of a new effective way to obtain information for the disclosure and investigation of crimes through the Global Network of Law Enforcement Agencies to Combat Corruption (GlobE Network). At the same time, the legal significance of the information received requires clarification by conducting additional scientific research and special attention to this issue by the Russian legislator.

международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации П. Городов¹.

Усилия правоохранительных органов нескольких государств в борьбе с преступностью стали обычной практикой не только по делам о трансграничных преступлениях, в том числе коррупционной направленности, но и при расследовании общеуголовных преступлений.

Следует отметить, что в Российской Федерации действует более ста международных договоров, касающихся вопросов правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства², определяющих основные параметры оказания правовой помощи в борьбе с преступностью. По понятным причинам наиболее часто мероприятия в рамках международного сотрудничества организуются совместно со странами Содружества Независимых Государств.

Особую значимость международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обуславливают возможности преодоления границ и осуществления совместного расследования преступлений. Одной из форм международного сотрудничества является «обмен оперативной, криминалистической, правовой и иной информацией» [1, с. 90]. Государства позволяют своим правоохранительным органам обмениваться информацией, материалами и опытом, тем самым способствуя повышению эффективности борьбы

с преступностью, качества и оперативности производства расследования, обеспечению доступа к инновационным методикам, передовым технологиям.

Выход Российской Федерации из Совета Европы внес коррективы в ее международные отношения. Отмечаются корректировки научных подходов к пониманию принципа приоритета норм международного права над нормами национального права. В сложившихся условиях это неизбежно влечет за собой изменение правового регулирования международного сотрудничества, в том числе в сфере уголовного судопроизводства³.

МЕТОДЫ

Как показали результаты интервьюирования сотрудников и работников правоохранительных органов, при наличии множества международных договоров исполнение иностранными государствами запросов Российской Федерации о правовой помощи находится на низком уровне. Нами было проведено анкетирование 64 следователей и их руководителей; 51 дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и оперативного сотрудника; 5 судей; 14 работников прокуратуры; 8 адвокатов (всего 142 представителей правоохранительных органов из 40 субъектов Российской Федерации). Кроме того, проинтервьюировано: 36 следователей и их руководителей; 28 дознавателей, начальников подразделений дознания, начальников органов

¹ Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ Петра Городова информационному агентству РИА «Новости» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 12.01.2021 // URL: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=58085835> (дата обращения: 01.07.2023).

² Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи и передаче лиц, осужденных к лишению свободы // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Чобитко М.Б. Выдача в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 3-4.

дознания и оперативных сотрудников; 3 судей; 5 работников прокуратуры; 5 адвокатов; 1 сотрудник подразделения Национального центрального бюро Интерпола ГУ МВД России по Волгоградской области (всего 78 представителей правоохранительных органов из 18 субъектов Российской Федерации).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одной из наиболее актуальных проблем, судя по результатам анкетирования, являются длительные сроки исполнения запросов о правовой помощи (на это указали 97% респондентов). В ходе интервьюирования большинство опрошенных (95%) также отметили затянутость сроков исполнения поручений о правовой помощи иностранными государствами. Вместе с тем было обращено внимание на негативное влияние, которое оказывают на исполнение запроса, сложившиеся политические отношения между Россией и страной, в которую направляется запрос. По мнению 91% респондентов, с осложнением политической обстановки в мире существующие проблемы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обострились.

Кроме того, анализ результатов анкетирования показал, что срок исполнения запроса о правовой помощи составляет не менее 6 месяцев. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность реализации принципа разумности срока уголовного судопроизводства в рамках досудебного производства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Широкие возможности обмена информацией между правоохранительными органами по всему миру предоставляют глобальные информационно-коммуникационные сети. Благодаря таким сетевым системам правоохранительные органы разных стран могут обмениваться информацией о преступлениях, делиться опытом, координировать свои действия.

Наиболее известными в части обмена оперативной информацией и значимыми для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений признаются зарубежные глобальные сети правоохранительных органов – Интерпол (Interpol) и Европол (Europol). Эти системы предоставляют платформу для обмена информацией о преступлениях, разыскиваемых лицах, украденных или потерянных документах, контролируют международные поисковые базы данных, оказывают поддержку в расследовании преступлений международного масштаба. Важным направлением такого сотрудничества признается обмен информацией и оперативное реагирование на поступающие от государств запросы [2, с. 23].

Россия в 2003 г. подключилась к глобальной телекоммуникационной системе Интерпола «I-24/7». После этого началось интенсивное использование ее ресурсов [3, с. 114]. На сегодняшний день Интерполом сформировано 18 баз данных [4, с. 3]. К примеру, только в 2020 г. в международный розыск объявлено 1,2 тысячи преступ-

ников, а для розыска через каналы Интерпола – 8,3 тысячи (+12,4%) обвиняемых (подозреваемых), установлено местонахождение 228 обвиняемых, из них задержано 166. Национальное центральное бюро Интерпола МВД России обеспечило информационное сопровождение около 40 тысяч уголовных дел и 4,4 тысячи дел оперативного учета; осуществлена проверка 56,4 млн объектов: физических лиц, автомашин, документов¹.

Следует отметить, что в основу обмена информацией Интерпола и Европола заложена Шенгенская информационная система, к которой подключены страны, входящие в Шенгенское пространство. Формирование данной информационной системы было завершено в 2013 г., и ею продемонстрированы превосходные результаты [5, с. 72-73].

Не менее важным представляется использование отечественными правоохранительными органами в ходе предварительного расследования ряда других информационных систем: это автоматизированные информационно-справочные системы «Сводка», «Спецшпарат»; автоматизированная информационно-поисковая система «Аэропорт»; автоматизированный банк данных «Центр»; экспертные системы «Наркоэкс», «Спрут»; автоматизированные системы составления композиционных портретов; автоматизированные дактилоскопические информационные системы [6, с. 215-216].

Разработанные и функционирующие информационные системы, несомненно, оказывают существенную помощь в решении профессиональных задач. Например, автоматизированная информационно-поисковая система «Криминал-И Наказание» содержит сведения об иностранцах и гражданах России, постоянно проживающих за границей, находящихся под следствием, арестованных или отбывающих наказание на территории Российской Федерации [7, с. 134-135].

В то же время необходимо подчеркнуть, что в деятельности по обмену информацией между российскими правоохранительными органами и Интерполом имеют место «вопиющие случаи волокиты», влияющие на ее эффективность [8, с. 114]. Кроме того, отмечается «забюрократизованность и заформализованность уголовного процесса» [9, с. 492]. Проблема проведения расследования в «сжатые сроки» традиционно существовала в отечественном уголовном процессе [10, с. 61]. Это обстоятельство обусловило закрепление в УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства [11, с. 93].

Поэтому вполне логичным представляется появление в сфере международного сотрудничества нового способа решения проблемы своевременного получения информации, предложенного Управлением ООН по наркотикам и преступности. Под эгидой организации в 2023 г. начала функционировать Глобальная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией – Сеть GlobE. Сеть объединяет правоохранительные

¹ Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год. С. 18 // Официальный сайт МВД России // URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 12.08.2023).

органы, международные организации, практиков со всего мира (105 участников из 47 стран, 14 международных организаций, 11 постоянных представительств)¹. Со стороны Российской Федерации к сети подключены Управление Президента по вопросам противодействия коррупции, Генеральная прокуратура, Национальное центральное бюро Интерпола, МВД России².

В соответствии с параграфом 5 Хартии Сети GlobE цель сети – «предоставить быстрый, гибкий и эффективный инструмент для содействия транснациональному сотрудничеству в борьбе с коррупцией, укрепления обмена информацией и взаимного обучения между правоохранительными органами по борьбе с коррупцией, дополняя и координируя при этом соответствующие международные платформы сотрудничества». Согласно параграфу 6 указанного документа из 8 задач 3 имеют непосредственное отношение к получению информации по делу: «а. Способствование прямому и неформальному сотрудничеству между антикоррупционными правоохранительными органами в целях предупреждения и борьбы с коррупцией; б. Установление безопасных каналов связи; с. Содействие, по запросу и согласованию, проведению параллельных и/или совместных двусторонних или многосторонних расследований...»³.

В Руководстве по обмену информацией между членами Сети GlobE разъясняется, какой информацией можно посредством сети обмениваться. В частности, эта информация:

- является общедоступной и собирается без применения мер принудительного характера;
- применяется для направления и/или определения объема расследования;
- может признаваться допустимой в качестве доказательства в соответствии с законодательством страны;
- получается до направления официального запроса о правовой помощи и/или в его поддержку;
- используется для проведения параллельных расследований и/или расследований международными следственными группами⁴.

Возникает вопрос о возможности и правомерности использования полученной информации в качестве доказательства по уголовному делу в нашей стране. Отечественное законодательство вышеописанные аспекты не регламентирует. В науке уголовно-процессуального права вопрос не получил однозначного ответа⁵. Кроме того, отметим, что в науке подвергнута исследованию проблема

правовой природы электронных доказательств и их места в уголовном судопроизводстве. Имеются как сторонники существования электронных доказательств, так и их противники [12, с. 273-274]. Отсутствие надлежащего правового регулирования использования цифровой информации в отечественном уголовном судопроизводстве не позволяет поставить точку в этих дискуссиях [13, с. 132-133]. В то же время использование в доказывании по уголовным делам цифровой информации опосредованно подтверждает правоту точки зрения профессора А.С. Александрова о том, что цифровая информация может быть представлена в любом виде, в том числе в «телекоммуникационных каналах и сетях» [14, с. 138]. О значимости цифровой информации в современном уголовном судопроизводстве свидетельствует также применение в научных трудах термина «электронно-доказательственное право» [15, с. 74].

Еще одной проблемой, требующей внимания, является обеспечение безопасности цифровой платформы. В свое время учеными была высказана озабоченность по поводу сохранения конфиденциальности передаваемых посредством сети Интернет данных и необходимости их шифрования [16, с. 93]. Данная проблема в Сети GlobE временно решается применением прямой защищенной связи посредством приложения «Threema Work».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного мы приходим к следующим выводам. Проблема затягивания срока исполнения запросов о правовой помощи обусловила дальнейшее развитие неформального международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Глобальная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией (Сеть GlobE) представляет собой новый эффективный способ получения информации для раскрытия и расследования преступлений. Однако правового регулирования использования данной цифровой платформы в России не существует. Неясна правовая природа полученной с помощью глобальной сети информации, остаются открытыми вопросы о возможности и допустимости ее использования во время предварительного расследования и судебного разбирательства. Все это требует проведения специального научного исследования и пристального внимания со стороны российского законодателя к вопросам использования в уголовном судопроизводстве информационно-коммуникационных сетей. ■

¹ Итоговый доклад второго пленарного заседания Сети GlobE. 28-30.06.2022 // Официальный сайт Сети GlobE // URL: https://globenetwork.unodc.org/globenetwork/uploads/documents/events/GlobE_2nd_Plenary_Summary_final.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

² Глобальная оперативная сеть антикоррупционных правоохранительных органов // Официальный сайт Сети GlobE // URL: <https://globenetwork.unodc.org/globenetwork/en/membership.html> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Хартия Сети GlobE // Официальный сайт Сети GlobE // URL: <https://globenetwork.unodc.org/globenetwork/uploads/documents/UN-GlobE-Charter-Russian.pdf> (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Руководство по обмену информацией между членами Сети GlobE URL // Официальный сайт Сети GlobE // https://globenetwork.unodc.org/globenetwork/uploads/documents/GlobE_PM3_Guidelines_RUS.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Забавка В.И. Основные направления взаимодействия государств в противодействии международной преступности: правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 89-95; doi: 10.24412/2414-3995-2022-6-89-95.
2. Бакаев А.А., Иванова Ю.А., Радченко Т.В., Саудаханов М.В. К вопросу об основных направлениях деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 22-28; doi: 10.24412/2414-3995-2022-1-22-28.
3. Смирнов М.В. Вопросы взаимодействия информационных систем МВД России и Интерпола // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36). С. 112-115.
4. Пузырева Ю.В. Интерпол в системе международного сотрудничества по противодействию транснациональной организованной преступности: Монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 207 с.
5. Мещерякова О.М. Шенгенская информационная система как пример наднационального научно-технического сотрудничества // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 71-73.
6. Грачева О.А., Вишневецкая И.Н. Использование информационных технологий в деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 212-217; doi: 10.24412/2227-7315-2021-5-212-217.
7. Рак И.П. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов // Инновационная наука. 2016. № 2-3 (14). С. 132-135.
8. Тарасов М.Ю. О сроке направления в Интерпол запроса о международном розыске обвиняемого // Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 113-118.
9. Гаврилов Б.Я. Потребность в новом УПК РФ: современные реалии или фантом // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 491-497.
10. Стельмах В.Ю. Процессуальная активность следователя – основное подтверждение разумности срока предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 60-64.
11. Гаврилов Б.Я., Милехин В.А. Перспективы совершенствования форм расследования преступлений, подследственных органам дознания системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 92-96.
12. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. С. 270-295; doi: 10.21202/jdtl.2023.11.
13. Зазулин А.И. Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и способы закрепления в качестве доказательства по уголовному делу // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 6. С. 130-133.
14. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130-139.
15. Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2023. № 1. С. 73-89.
16. Харисова З.И. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в глобальной сети Интернет // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 92-98.

REFERENCES

1. Zabavka V.I. Osnovnyye napravleniya vzaimodejstviya gosudarstv v protivodejstvii mezhdunarodnoj prestupnosti: pravovoj aspekt // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 6. S. 89-95; doi: 10.24412/2414-3995-2022-6-89-95.
2. Bakaev A.A., Ivanova Yu.A., Radchenko T.V., Saudahanov M.V. K voprosu ob osnovnyh napravleniyah deyatel'nosti Mezhdunarodnoj organizacii ugolovnoj policii (Interpol) // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 1. S. 22-28; doi: 10.24412/2414-3995-2022-1-22-28.
3. Smirnov M.V. Voprosy vzaimodejstviya informacionnyh sistem MVD Rossii i Interpola // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 4 (36). S. 112-115.
4. Puzyreva Yu.V. Interpol v sisteme mezhdunarodnogo sotrudnichestva po protivodejstviyu transnacional'noj organizovannoj prestupnosti: Monografiya. M.: INFRA-M, 2024. 207 s.
5. Meshcheryakova O.M. Shengenskaya informacionnaya sistema kak primer nadnacional'nogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. 2019. № 2. S. 71-73.
6. Grachyova O.A., Vishneveckaya I.N. Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s korrupciej // Vestnik SGYUA. 2021. № 5 (142). S. 21-217; doi: 10.24412/2227-7315-2021-5-212-217.
7. Rak I.P. Informacionnye tekhnologii v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov // Innovacionnaya nauka. 2016. № 2-3 (14). S. 132-135.
8. Tarasov M.Yu. O sroke napravleniya v Interpol zaprosa o mezhdunarodnom rozyske obvinyаемого // Vestnik NNGU. 2020. № 6. S. 113-118.

9. Gavrilov B.Ya. Potrebnost' v novom UPK RF: sovremennyye realii ili fantom // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 491-497.
10. Stel'mah V.Yu. Processual'naya aktivnost' sledovatelya – osnovnoe podtverzhdenie razumnosti sroka predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3 (39). S. 60-64.
11. Gavrilov B.Ya., Milekhin V.A. Perspektivy sovershenstvovaniya form rassledovaniya prestuplenij podsledstvennyh organam doznaniya sistemy MVD Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2018. № 2. S. 92-96.
12. Dmitrieva A.A., Pastuhov P.S. Konceptiya elektronnoho dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. S. 270-295; doi: 10.21202/jdtl.2023.11.
13. Zazulin A.I. Komp'yuternaya informatsiya v ugovnom processe: sushchnost' i sposoby zakrepleniya v kachestve dokazatel'stva po ugovnomu delu // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2015. № 6. S. 130-133.
14. Aleksandrov A.S. Problemy teorii ugovno-processual'nogo dokazyvaniya, kotorye nado reshat' v svyazi s perekhodom v epohu cifrovyyh tekhnologij // Sudebnaya vlast' i ugovnyj process. 2018. № 2. S. 130-139.
15. Sharipova A.R. Novyye istochniki ugovno-processual'nyh i inyyh sudebnyh dokazatel'stv v cifrovoj real'nosti // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2023. № 1. S. 73-89.
16. Harisova Z.I. Aktual'nye problemy deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po protivodejstviyu prestupnosti v global'noj seti Internet // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3 (85). S. 92-98.

© Колосович О.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Колосович О.С. Глобальная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией как эффективный инструмент международного сотрудничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 83-88.

Дарий Андриязович ПЕТРОСЯН,
кандидат юридических наук
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
dariy@bk.ru

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,
кандидат педагогических наук
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры оперативно-
разыскной деятельности органов внутренних дел
alexpolyakov1503@mail.ru

Научная статья
УДК 343.85:343.7

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Профилактика преступлений, хищение, предметы особой ценности, историческая ценность, научная ценность, культурная ценность, религиозная ценность, художественная ценность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Обеспечение сохранности предметов культурного и исторического наследия народов России имеет большое значение для сбережения национального достояния. Совершение хищений предметов, имеющих особую ценность, каждый раз вызывает серьезный общественный резонанс. Для организации деятельности по профилактике таких преступлений требуется четкое понимание направлений работы в данной области, а также унификация используемой в ней терминологии. **Методы.** В работе применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы метод описания; метод логического осмысления; абстрагирование и обобщение, призванные систематизировать установленные в ходе исследования факты и дать им толкование. **Результаты.** Обеспечение защиты предметов, имеющих особую ценность, осуществляется такими способами, как охрана объектов культурного и исторического наследия; выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с хищением таких предметов; профилактика преступности в данной сфере. Борьба с хищениями культурных ценностей подразумевает участие всех подразделений органов внутренних дел с учетом специфики их функциональных обязанностей. Ключевые позиции в этой сфере отводятся подразделениям уголовного розыска, поскольку именно на них возложена обязанность по выявлению преступлений. Эти подразделения контролируют паспортизацию объектов хранения культурных ценностей; деятельность коллекционеров, занимающихся оборотом и хранением предметов культурного и исторического наследия народов России; деятельность профессиональных художников и любителей, занимающихся копированием находящихся в экспозициях музеев и картинных галерей особо ценных художественных произведений, поскольку подлинники могут быть подменены хорошо выполненными копиями. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие хищений предметов, имеющих особую ценность, требует от органов внутренних дел укрепления существующих оперативных позиций, а вместе с тем систематического обучения оперативных сотрудников приемам противодействия преступлениям рассматриваемого в статье вида.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение сохранности предметов культурного и исторического наследия народов России является одной из важнейших задач органов государственной власти. В соответствии со Стратегией национальной безопасности

Российской Федерации¹ сохранение российской культуры способствует дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру (п. 22). Сохранение культурного и исторического наследия народа России представляет собой национальный инте-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Dariy A. PETROSYAN,
Cand. Sci. (Jurisprudence)
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities of Internal Affairs Bodies
dariy@bk.ru

Alexey V. POLYAKOV,
Cand. Sci. (Pedagogics)
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Operational
Investigative Activities of Internal Affairs Bodies
alexpolyakov1503@mail.ru

THE MAIN AREAS OF ACTIVITY FOR THE PREVENTION OF THEFT OF ITEMS OF SPECIAL VALUE

KEYWORDS. Crime prevention, theft, objects of special value, historical value, scientific value, cultural value, religious value, artistic value.

ANNOTATION. *Introduction.* Ensuring the preservation of objects of cultural and historical heritage of the peoples of Russia is important for the preservation of national heritage. The commission of theft of items of special value causes a wide public outcry every time. To organize activities for the prevention of such crimes, a clear understanding of the areas of work in this area is required, as well as the unification of existing terminology used in this area. *Methods.* The general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality was used in the work. In addition, the method of description was used; the method of logical comprehension; abstraction and generalization, designed to systematize the facts we have established and interpret them. *Results.* Ensuring the protection of items of special value is carried out in such ways as the protection of cultural and historical heritage; identification, prevention, suppression and disclosure of crimes related to the theft of such items; crime prevention in this area. The fight against the theft of cultural property implies the participation of all departments of the internal affairs bodies, taking into account their functional responsibilities. The key positions in this area are assigned to the criminal investigation units, since they have the responsibility to identify the crimes committed. These units control the certification of objects of storage of cultural values; the activities of collectors involved in the turnover and storage of objects of cultural and historical heritage of the peoples of Russia; the activities of professional artists and amateurs engaged in copying particularly valuable works of art in the expositions of museums and art galleries, since the originals can be replaced by well-executed copies. The identification, prevention, suppression and disclosure of theft of items of special value requires operational staff to strengthen existing operational positions, and at the same time their constant training in methods of countering these crimes.

рес нашего государства (п. 25). Стратегия государственной культурной политики¹ в п. 1 разд. 1 признает противоправные посягательства на объекты культуры угрозой национальной безопасности в области культуры. Президент В.В. Путин, выступая на Санкт-Петербургском международном культурном форуме 17 ноября 2023 года, отметил: «Ответственность за сохранение мирового наследия и традиционных ценностей у России, у нашего народа глубоко осознанная. В нашем национальном характере равнодушие к чужой боли и стремление к справедливости, так же как и забота о сбережении нашего общего достояния»².

Приступая к рассмотрению деятельности по профилак- тике хищений предметов, имеющих особую культурную и историческую ценность, следует обратить внимание на то, что такие предметы всегда являлись объектом преступных посягательств. Их хищение, как правило, вызыва-

ло серьезный общественный резонанс. Так было, например, в 1904 году, когда в Казани из собора женского монастыря украли древнюю чудотворную икону Пресвятой Богородицы. Так было и в 1965 году, когда в Москве в Музее им. Пушкина произошло хищение картины Ф. Халса «Евангелист Лука» XVII века. Похищенный в 1976 году из экспозиции музея-заповедника «Дмитровский кремль», расположенного в Московской области, портрет С.П. Апраксиной работы художника К. Брюллова был позже обнаружен на аукционе в Мюнхене. Похищенную в 2013 году из историко-художественного музея города Вязники Владимирской области картину И. Шишкина «Лес. Ели», оказавшуюся в Республике Беларусь, едва успели спасти от нелегальной перепродажи в Западную Европу [1, с. 8]. И подобного рода инцидентов с предметами, имеющими для нашей страны особую культурную и историческую ценность, было немало.

¹ Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-п) // СПС «КонсультантПлюс».

² Путин прокомментировал ответственность за сохранение наследия культуры // Сайт РИА «Новости» // URL: <https://ria.ru/20231117/otvetstvennost-1910167699.html> (дата обращения: 20.11.2023).

Таблица 1.

Количество зарегистрированных в России хищений предметов, имеющих особую ценность, квалифицированных по статье 164 УК РФ, и лиц, их совершивших, за 5 лет¹

Год	Количество хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ)	Количество лица, совершивших хищение предметов, имеющих особую ценность
2019	26	19
2020	21	10
2021	48	9
2022	43	10
2023	11	13

Для организации деятельности по профилактике хищений предметов, имеющих историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность, требуется четкое понимание ключевых направлений такой работы. А результаты научных исследований показывают, что не обойтись также без унификации используемой в данной сфере терминологии.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе реализации деятельности по профилактике хищений предметов, имеющих историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность; метод логического осмысления, позволивший определить соотношение понятий «профилактика преступлений» и «предупреждение преступлений»; абстрагирование и обобщение, которые способствовали систематизации установленных нами фактов и их толкованию.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Обеспечение защиты предметов культурного и исторического наследия народов России осуществляется такими способами, как охрана объектов культурного и исторического наследия; выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с хищением таких предметов; профилактика преступности в данной сфере [2, с. 195].

Необходимо отметить, что официальная статистика не в полной мере отражает существующее положение дел по указанному виду хищений (см. таблицу 1). Это в первую очередь связано высоким уровнем латентности данных деяний.

Исходя из представленных в таблице 1 сведений, можно констатировать, что на фоне увеличения числа совершенных хищений снижается количество зарегистрированных лиц, их совершивших, что говорит о росте уровня групповой преступности в данной сфере. Подобный незаконный «бизнес» является высокодоходным, он

все больше становится связанным с транснациональной преступностью [3, с. 108]. Это, в свою очередь, дает основания говорить об увеличении латентности таких преступлений, поскольку возможности организованной преступности позволяют правонарушителям лучше скрывать следы совершенных преступлений и избегать уголовной ответственности [4, с. 77].

Борьба с хищениями культурных ценностей подразумевает участие в ней всех подразделений органов внутренних дел – с учетом их функциональных обязанностей и специализации. Ключевые позиции в этой деятельности отводятся подразделениям уголовного розыска, поскольку именно на них возложена обязанность по выявлению совершенных преступлений [5, с. 130]. Сотрудники уголовного розыска, решая поставленные перед ними задачи, должны быть хорошо осведомлены обо всем, что происходит вокруг объектов нахождения культурных ценностей, четко знать оперативную обстановку, а также владеть знаниями:

- о характеристиках преступности, связанной с хищениями культурных ценностей (состояние, динамика, уровень преступности в целом и по ее видам, раскрываемость, контингент причастных к ней лиц, место, время и другие обстоятельства совершения преступлений);

- о социально-экономических, демографических и географических особенностях города или района, где такие объекты располагаются (структура местности, количество и виды предприятий, численность и стабильность населения, миграция и т.д.).

Обеспечение безопасности предметов культурного и исторического наследия народов России достигается путем проведения профилактических мероприятий, при этом используется метод оперативно-розыскного предупреждения [6, с. 58]. В юридической литературе деятельность по предупреждению преступлений в целом представляется в качестве одного из средств регулирования общественных отношений, служащих целям устранения причин и условий преступности, сочетающих меры социально-экономического, воспитательного, правового характера, осуществляемые на различных уровнях профилактики.

¹ Состояние преступности: статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.02.2024).

Понятие «профилактика преступлений» закреплено Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Это «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»¹. Несмотря на имеющееся легальное определение данного понятия, среди ученых на протяжении многих десятков лет ведутся дискуссии о его объеме и соотношении с другими похожими понятиями.

Так, профессор В.Н. Кудрявцев понимает под профилактикой преступлений «совокупность знаний о деятельности по совершенствованию общественных отношений в целях: выявления и нейтрализации причин преступности и условий, ей способствующих; выявления и нейтрализации явлений и процессов, обуславливающих совершение, рост и распространение отдельных форм и видов преступлений, факторов, влияющих на формирование антиобщественных черт у определенных категорий лиц, влияющих на условия их жизни и воспитания; устранения конкретных условий, обуславливающих совершение преступлений отдельными лицами; определения форм и методов контроля за преступностью» [7, с. 290]. Профессор А.П. Алексева, рассматривая вопросы противодействия преступности, отмечает, что «суть профилактики преступления состоит в деятельности государства и общества, направленной против возможного, но еще не задуманного личностью преступления» [8, с. 34].

Обобщая представленные и иные точки зрения по этому вопросу, обратим внимание на то, что профилактика преступлений подразумевает под собой деятельность, которая ориентирована на выявление и устранение причин и условий нарушения законов, а объектами проводимой профилактической деятельности являются дестермины преступности, а также преступного поведения. Соответственно, профилактические мероприятия принято разделять на общесоциальные (общая профилактика) и индивидуальные (индивидуальная профилактика). Подразделения органов внутренних дел, включая и оперативные, организуют профилактическую деятельность и принимают в ней непосредственное участие на всех ее уровнях.

К числу общесоциальных мероприятий относятся разрешение социально-экономических и иных проблем жизнедеятельности общества, результатом чего оказывается снижение уровня преступности. Подразделения органов внутренних дел на этом уровне участвуют в подготовке различного рода программ по противодействию преступности, вносят предложения по улучшению функционирования государственных органов, охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности. К общей профилактике также

необходимо отнести мероприятия, связанные с проверкой обращений граждан, а также анонимных сообщений и иных сигналов, в содержании которых излагаются сведения:

- о появлении в местах сосредоточения культурных ценностей подозрительных лиц и их сомнительном поведении (например проявление навязчивого интереса к местам нахождения памятников культуры, режиму работы данных объектов, их охране, оснащению средствами сигнализации и т.п.);
- о попытках совершить преступления на таких объектах и об уже совершенных преступлениях;
- о недостатках работы по содержанию и охране культурных ценностей, о наличии преступного опыта у материально ответственных сотрудников и т.д. [9, с. 60].

Не менее важную роль в организации профилактической работы играет паспортизация объектов хранения культурных ценностей с указанием:

- фактического состояния строения, в котором сосредоточены произведения искусства (дверей, окон, решеток, подземных коммуникаций);
- перечня экспонатов – как выставленных для обозрения, так и находящихся в запасниках (их названия, описания, фотографии, видеосъемка);
- степени надежности охраны объекта (физические лица, средства сигнализации, их количество и качество);
- выявленных уязвимых мест и участков для принятия конкретных мер по недопущению возможности проникновения посторонних лиц [10, с. 14].

Таким образом, сведения об условиях, способствующих совершению преступлений на объектах культуры, можно собирать в ходе изучения актов обследования и проверки хранения предметов культурного назначения, находящихся в запасниках и экспозициях музеев. Кроме того, информацию можно получить и при изучении таких архивных материалов, как прекращенные дела оперативного учета, уголовные дела, материалы об отказе в возбуждении уголовного дела, материалы об использовании возможностей конфиденциальных источников информирования органов внутренних дел [11, с. 100].

Еще одним способом общей профилактики рассматриваемого нами вида преступности является контроль за деятельностью коллекционеров, занимающихся оборотом и хранением предметов культурного и исторического наследия народов России. При этом затруднения вызывает постановка на учет культурных ценностей, находящихся в их частной собственности. Пополнение личных коллекций они осуществляют различными способами, в том числе путем скупки предметов, в отношении которых имеются сомнения в легальности их приобретения. Вероятность возникновения подобных сомнений является одной из причин сокрытия коллекционерами своих ценностей от контроля со стороны правоохранительных органов [12, с. 174]. Как правило, для создания легенды о законности приобретения «сомнитель-

¹ Пункт 2 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ных» экспонатов частных коллекций коллекционеры вступают друг с другом в сговор, совершая многочисленные фиктивные сделки, с помощью которых выстраивается легальный отслеживаемый путь движения предмета, имеющего культурную ценность. После подобных манипуляций правоохранительным органам бывает крайне сложно установить истину по вопросу о законности приобретения предметов культурного и исторического наследия.

Опасения за сохранность своих коллекций предметов культурного и исторического наследия побуждают коллекционеров вести довольно замкнутый образ жизни. Вместе с тем необходимость взаимодействия с другими коллекционерами, ценителями, экспертами, специалистами заставляет их периодически посещать мероприятия, на которых совершаются сделки с интересующими их предметами (обмен, купля-продажа, дарение). Зная об этом, такой ситуацией пользуются различные мошенники и иные лица с преступным прошлым, которые специализируются на хищениях культурных ценностей [13, с. 20]. Рано или поздно они получают необходимую им информацию о тщательно скрываемых предметах коллекционирования и начинают разрабатывать планы похищения подобных ценностей у их владельцев.

В связи с этим основными задачами правоохранительных органов, решаемыми при осуществлении профилактики хищений предметов, имеющих особую ценность, на наш взгляд, должны быть:

- выявление максимального количества коллекционеров, для чего должны использоваться все имеющиеся возможности как гласного характера (которыми располагают управления культуры, научные работники в области искусства, сотрудники музеев, картинных галерей, выставочных залов, художественных и реставрационных мастерских, экспертных учреждений и всевозможные общества, объединяющие вокруг себя коллекционеров), так и негласного характера;

- систематическое разъяснение положений законодательства о постановке на государственный учет историко-культурных ценностей, находящихся в личном пользовании граждан и культурных организаций, а также принятие необходимых мер к их защите;

- занесение в соответствующие учеты выявленных предметов, в отношении которых принято решение о включении их в перечень объектов культурного наследия и проведении государственной историко-культурной экспертизы в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹.

Не менее важным является вопрос о контроле за деятельностью профессиональных художников и художников-любителей, занимающихся копированием находящихся в экспозициях музеев и картинных галерей особо ценных художественных произведений, поскольку подлинники могут быть подменены хорошо выполненными копия-

ми [14, с. 79]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что для получения информации о лицах, владеющих подобными предметами, или местах расположения таких предметов преступники посещают музеи, выставки, галереи и т.д.

Итак, общая профилактика правонарушений, совершаемых в отношении культурных ценностей, обеспечивается за счет оперативно-разыскной и иной поступающей в органы внутренних дел информации, которая приобретает форму соответствующего документа или рекомендации лицам, обладающим реальной возможностью нейтрализовать выявленные в процессе оперативно-разыскной деятельности обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Если профилактика, проводимая на общесоциальном уровне и осуществляемая в процессе разрешения масштабных задач, которые стоят перед государством в целом, является делом всех его структур, то профилактика на индивидуальном уровне реализуется теми органами, в задачи которых входит борьба с преступностью. Основу такой деятельности составляют меры, направленные на недопущение совершения преступлений со стороны тех или иных конкретных лиц. Содержание профилактической работы сотрудников органов внутренних дел должно в данном случае предусматривать следующие этапы ее проведения:

- разработка на основе анализа состояния, структуры и динамики преступности общих направлений работы по профилактике преступлений и осуществление соответствующих им мероприятий;

- оперативно-разыскное обеспечение проводимой сотрудниками органов внутренних дел профилактической работы;

- организация индивидуальной работы с лицами, состоящими на профилактических учетах в органах внутренних дел, включающая в себя взаимодействие с иными правоохранительными органами в целях предупреждения преступлений и раскрытия уже совершенных преступлений.

Описанный выше подход, по нашему мнению, отвечает интересам деятельности подразделений оперативного блока в решении стоящих перед ними задач и охватывается понятием оперативно-разыскной профилактики.

Таким образом, индивидуальная профилактика – это деятельность, направленная на позитивное изменение ценностных установок личности, переориентацию в положительную сторону ее асоциальных взглядов; недопущение совершения преступления человеком, попавшим в поле зрения правоохранительных органов.

Вопросы индивидуальной профилактики, на наш взгляд, занимают одно из центральных мест в деятельности по противодействию преступности, так как эта форма оперативно-разыскной работы самым тесным образом связана с организацией содействия граждан оперативным подразделениям в работе по предупреждению и раскрытию преступлений, направленных на неправомерное завладение культурными ценностями, а также по

¹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

выявлению лиц, склонных к их совершению. Актами индивидуальной профилактики являются:

- вызов конкретного человека в органы внутренних дел для беседы, предупреждения, постановки на оперативный учет;

- воздействие на него через знакомых, родственников или иных лиц, к мнению которых он прислушивается;

- постоянное наблюдение с помощью негласных методов и средств за лицами, от которых можно ожидать совершения преступлений.

Следует согласиться с мнением о том, что в качестве одного из ключевых элементов механизма индивидуального преступного поведения, направленного на хищение предметов, имеющих особую ценность, выступает деятельность пособников (заказчиков, посредников, скупщиков, и т.д.). Именно от них в большинстве своем поступают заказы и предложения о совершении таких преступлений, у них после незаконного изъятия остаются похищенные предметы [15, с. 171]. В связи с этим считаем, что необходимо вести целенаправленную оперативно-разыскную деятельность, ориентированную на выявление и установление преступников перечисленных категорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оперативно-разыскная профилактика хищений предметов, имеющих особую ценность, основана на глубоком изучении собранного материала, систематизации и анализе сведений о подвергшихся преступным посягательствам объектах, на которых сосредоточены культурные ценности, о занимающих высшее положение в преступной иерархии лицах, осуществляющих координацию совершения подобных посягательств, а также на

выявлении сведений о новых каналах сбыта похищенного. Органами внутренних дел используются в рамках профилактической работы различные гласные и конфиденциальные источники необходимой информации, в том числе помощь общественности, возможности оперативно-разыскных и криминалистических учетов, информационно-поисковых систем и технических средств.

Подводя итог нашим рассуждениям, необходимо подчеркнуть, что оперативно-разыскная профилактика обеспечивает:

- отказ лица или группы лиц от реализации преступных намерений, для чего на объектах хранения культурных ценностей создаются такие условия, связанные с охраной, при которых возможность совершения преступления сводится к минимуму или совершение преступления становится невозможным;

- разобщение преступных групп, чему способствуют индивидуальная оперативно-разыскная работа с неуловимыми ее членами, вследствие чего они отказываются принимать участие в совершении преступлений, а также с источниками негласной информации, разрушающими изнутри структуру такой группы.

Вместе с тем отметим, что выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие хищений предметов, имеющих особую ценность, несомненно, требует от оперативных сотрудников укрепления существующих оперативных позиций, а также систематического обучения приемам противодействия преступлениям, связанным с хищением предметов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную значимость. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Харламов В.С., Медведев А.Д. Ретроспективный взгляд на противодействие «антикварной» преступности // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 4-11.
2. Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 194-197.
3. Жерновой М.В., Сухаренко А.Н. Транснациональные аспекты незаконного оборота российских культурных ценностей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 2 (21). С. 106-110.
4. Яковлев С.П., Савченко М.С. О некоторых особенностях преступных посягательств на культурные ценности в международном аспекте // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 1 (20). С. 66-78.
5. Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: возможности оптимизации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 128-133.
6. Бурмистрова Ю.Ю. Социально-правовые аспекты культурной политики России в области охраны культурных ценностей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11-1 (25). С. 56-59.
7. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2005. 366 с.
8. Алексеева А.П., Бабошкин П.И. Понятие противодействия преступности // Юристы-Правоведы. 2008. № 3 (28). С. 33-35.
9. Чудинова Т.А. Некоторые проблемы оборота культурных ценностей // Юридическая мысль. 2007. № 5 (43). С. 59-61.
10. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений ОВД по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с посягательствами на объекты, предметы и документы, представляющие историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 10-15.
11. Василенко М.С. Комплекс мер по совершенствованию охраны объектов культурного наследия в г. Новочеркасске // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 11 (63). С. 97-107.
12. Косицына В.М. Организационно-тактические меры борьбы с контрабандой культурных ценностей // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 171-176.

13. Анисимов В.Ф. Современные проблемы уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28-2). С. 16-23.

14. Караванская К.В. Предупреждение контрабанды культурных ценностей // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 1 (20). С. 78-89.

15. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазова В.Е., Хазов Е.Н. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 169-176.

REFERENCES

1. Kharlamov V.S., Medvedev A.D. Retrospektivnyy vzglyad na protivodeystviye «antikvarnoy» prestupnosti // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2023. № 1. S. 4-11.

2. Klebanov L.R. Prestupleniya protiv kul'turnykh tsennostey: ponyatiye, priznaki, sistema // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2011. № 3. S. 194-197.

3. Zhernovoy M.V., Sukhareno A.N. Transnatsional'nyye aspekty nezakonnogo oborota rossiyskikh kul'turnykh tsennostey // Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya. 2012. № 2 (21). S. 106-110.

4. Yakovlev S.P., Savchenko M.S. O nekotorykh osobennostyakh prestupnykh posyagatel'stv na kul'turnyye tsennosti v mezhdunarodnom aspekte // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2003. № 1 (20). S. 66-78.

5. Kulygin V.V. Ugolovno-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostey: vozmozhnosti optimizatsii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2003. № 1 (246). S. 128-133.

6. Burmistrova Yu.Yu. Sotsial'no-pravovyye aspekty kul'turnoy politiki Rossii v oblasti okhrany kul'turnykh tsennostey // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 11-1 (25). S. 56-59.

7. Kudryavtsev V.N. Strategii bor'by s prestupnost'yu / 2-ye izd., ispr. i dop. M.: Nauka, 2005. 366 s.

8. Alekseyeva A.P., Baboshkin P.I. Ponyatiye protivodeystviya prestupnosti // Yurist-Pravoved. 2008. № 3 (28). S. 33-35.

9. Chudinova T.A. Nekotoryye problemy oborota kul'turnykh tsennostey // Yuridicheskaya mysl'. 2007. № 5 (43). S. 59-61.

10. Bogdanov A.V., Khazov Ye.N. Osnovnyye napravleniya deyatelnosti operativnykh podrazdeleniy OVD po vyavleniyu i preduprezhdeniyu prestupleniy, svyazannykh s posyagatel'stvami na ob'yekty, predmety i dokumenty, predstavlyayushchiye istoricheskuyu, nauchnuyu, kul'turnuyu, religiozную i khudozhestvennuyu tsennost' // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 7. S. 10-15.

11. Vasilenko M.S. Kompleks mer po sovershenstvovaniyu okhrany ob'yektov kul'turnogo naslediya v g. Novocherkasske // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. 2021. № 11 (63). S. 97-107.

12. Kositsyna V.M. Organizatsionno-takticheskiye mery bor'by s kontrabandoy kul'turnykh tsennostey // Ekonomika, sotsiologiya i pravo. 2014. № 4. S. 171-176.

13. Anisimov V.F. Sovremennyye problemy ugolovnoy otvetstvennosti za khishcheniye predmetov, imeyushchikh osobuyu tsennost' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2005. № 4 (28-2). S. 16-23.

14. Karavanskaya K.V. Preduprezhdeniye kontrabandy kul'turnykh tsennostey // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2003. № 1 (20). S. 78-89.

15. Bogdanov A.V., Il'inskiy I.I., Khazova V.Ye., Khazov Ye.N. Protivodeystviye khishcheniyam predmetov ili dokumentov, imeyushchikh osobuyu istoricheskuyu, nauchnuyu, kul'turnuyu, religiozную i khudozhestvennuyu tsennost' // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 169-176.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Петросян Д.А., Поляков А.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петросян Д.А., Поляков А.В. Основные направления деятельности по профилактике хищений предметов, имеющих особую ценность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 89-95.

Сергей Викторович ПОПОВ,

ORCID 0000-0002-1240-6046

Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
psv270181@gmail.com

Научная статья
УДК 343.102:343.97

СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел, содействие граждан, конфиденгент, пробелы законодательства, конфиденциальное сотрудничество.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Содействие граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, является важным фактором, способствующим своевременному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Особую значимость оно имеет при выявлении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, когда без информации, поступающей от конфиденгентов, практически невозможно изобличить преступников. *Методы.* В ходе проведенного исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы метод описания, метод логического осмысления, абстрагирование и обобщение. *Результаты.* Недостатки, существующие в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» и других нормативных правовых актах, касающихся оперативно-разыскной деятельности, не позволяют в полной мере использовать возможности содействия граждан органам, осуществляющим такую деятельность. Обращается внимание на то, что, по мнению автора, УК РФ требуется доработка в отношении возможности освобождения от уголовной ответственности за совершение ненасильственных преступлений небольшой и средней тяжести лиц, являющихся участниками организованной группы, преступной организации, преступного сообщества либо внедренных в такую группу, организацию, сообщество, оказывающих либо оказавших оперативно-разыскным органам содействие на контрактной основе, результатом которого стало разобщение организованной группы, преступной организации, преступного сообщества либо привлечение ее участников к установленной законодательством Российской Федерации ответственности. Кроме того, предлагается в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» внести ряд дополнений. В частности, дать определения понятий «содействие» и «сотрудничество»; закрепить положения, устанавливающие способы предоставления гарантий социальной и правовой защиты лицам, осуществляющим содействие оперативно-разыскным органам без контракта; детализировать механизм обеспечения мер государственной защиты и пенсионного обеспечения лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям по контракту; установить правила предоставления компенсационных выплат содействующему лицу либо его близким родственникам при наступлении негативных для него последствий.

ВВЕДЕНИЕ

Содействие граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД), является важным фактором, способствующим своевременному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Особую значимость оно имеет при выявлении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, когда без информации, поступающей о конфиденгентов, практически невозможно изобличить преступников. Похожей позиции придерживаются многие исследовате-

ли. Так, Д.А. Симоненко по этому поводу пишет, что содействие оперативным подразделениям правоохранительных органов является одной из фундаментальных составляющих деятельности органов государственной власти в сфере борьбы с преступностью [1, с. 255]. С.И. Владимиров, в свою очередь, отмечает, что использование органами внутренних дел содействия граждан становится жизненно необходимым и способствует более качественному выполнению задач правоохраны [2, с. 195]. Таким образом, в науке и практике сложилось общее позитивное мнение об актуальности и

Sergey V. POPOV,
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies
psv270181@gmail.com

ASSISTANCE OF CITIZENS TO OPERATIONAL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

KEYWORDS. Operational investigative activities, internal affairs bodies, assistance from citizens, confidential information, gaps in legislation, confidential cooperation.

ANNOTATION. Introduction. The assistance of citizens to the operational units of bodies carrying out operational investigative activities is an important factor contributing to the timely detection, disclosure and investigation of crimes. It is of particular importance in identifying and solving serious and especially serious crimes, when without information received from confidential persons, it is almost impossible to expose the criminals. **Methods.** In the course of the study, the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality was used, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of connections and contradictions between them. In addition, the method of description, the method of logical comprehension, abstraction and generalization were used. **Results.** The shortcomings that exist in the Federal Law «On Operational Investigative Activities» and other regulatory legal acts relating to operational investigative activities do not allow full use of the opportunities for citizens to assist the authorities carrying out such activities. Attention is drawn to the fact that, in the author's opinion, the Criminal Code of the Russian Federation requires revision with regard to the possibility of exemption from criminal liability for committing non-violent crimes of minor and medium gravity for persons who are members of an organized group, criminal organization, criminal community or embedded in such a group, organization, a community that provides or has provided assistance to operational intelligence agencies on a contractual basis, the result of which was the disunion of an organized group, a criminal organization, a criminal community, or the bringing of its participants to responsibility established by the legislation of the Russian Federation. In addition, it is proposed to make a number of additions to the Federal Law «On Operational Investigative Activities». In particular, define the concepts of «assistance» and «cooperation»; consolidate provisions establishing methods for providing guarantees of social and legal protection to persons assisting operational intelligence agencies without a contract; detail the mechanism for ensuring state protection measures and pension provision for persons assisting operational units under a contract; establish rules for providing compensation payments to the assisting person or his close relatives in the event of negative consequences for him.

важности помощи граждан правоохранительным органам. Тем не менее наличие большого количества неразрешенных коллизий говорит о необходимости интенсификации исследований в данной области.

В частности, в последние годы активно обсуждается тема улучшения законодательных механизмов защиты социальных и правовых интересов граждан, которые помогают правоохранительным органам. Несмотря на значительное внимание к этой теме, некоторые важные вопросы защиты граждан, сотрудничающих с оперативными подразделениями, до сих пор не получили должного законодательного регулирования. Среди нерешенных проблем особенно выделяются: отсутствие государственной защиты лиц, осуществляющих конфиденциальное содействие без контракта; недостатки механизма обеспечения мер государственной защиты и пенсионного обеспечения лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям по контракту; неурегулированность правил предоставления компенсационных выплат содействующему лицу либо его близким родственникам при наступлении негативных для него последствий; и т.д.

В текущей ситуации, когда не удается кардинально изменить криминальную обстановку в стране, становится очевидной потребность в более

интенсивном научном изучении вопросов, связанных с взаимодействием граждан и оперативных подразделений органов внутренних дел. Только проведя тщательный анализ качества такого сотрудничества, можно разработать эффективные предложения и рекомендации по улучшению нормативно-правовых актов, регулирующих эту область. Результаты такого исследования могут стать основой для подготовки новых законодательных мер, а также для рекомендаций по улучшению практики взаимодействия граждан и оперативных подразделений. Важно также учитывать мнение и интересы различных заинтересованных сторон, включая граждан, правоохранительные органы, экспертов и общественность, чтобы создать более сбалансированный и эффективный подход к регулированию данной области.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что в настоящее время требуется серьезная научная проработка законодательства и правоприменительной деятельности для улучшения нормативно-правовой базы взаимодействия граждан и оперативных подразделений в вопросах предотвращения преступности.

МЕТОДЫ

В нашем исследовании применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное

и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел; метод логического осмысления, позволивший определить соотношение понятий «содействие» и «сотрудничество»; абстрагирование и обобщение, которые были необходимы для систематизации установленных нами фактов и их толкования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

История правового регулирования ОРД в России берет начало в X веке. Долгое время нормативно-правовые источники не уделяли особого внимания детализации терминологии в этой области. Становление ОРД в нашей стране прошло четыре основных этапа. Первый, как принято считать, пришелся на период X-XVII веков, в то время широкое распространение получили такие современные составляющие ОРД, как розыск преступников (по праву княжеского периода X-XV веков) и розыск преступников (в русском централизованном государстве по праву XV-XVII веков). Вторым этапом упорядочивания и развития ОРД считается правовая регламентация сыскной работы в Российской империи. Третий, не менее важный этап развития оперативно-разыскной науки и регламентации ОРД, относится к периоду Советской власти – с 1917 по 1991 год. Заключительный – четвертый – этап развития теории и практики ОРД начался в период постсоветского правового становления Российской Федерации (с 1992 года) и продолжается по настоящее время.

Этот период ознаменован принятием первого в истории нашего государства общедоступного нормативного правового акта, регламентирующего осуществление ОРД – Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации». Именно в нем впервые появилась отдельная глава, посвященная оказанию содействия гражданами правоохранительным органам в борьбе с преступностью. До его принятия осуществление ОРД основывалось только на «закрытых» (находящихся под грифом секретности) источниках и ведомственных инструкциях правоохранительных органов, осуществляющих такую деятельность. По этой причине у сотрудников оперативных подразделений порой возникали сложности при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Таким образом, появление первого несекретного нормативного правового акта в области осуществления ОРД, закрепившего возможность граждан содействовать оперативным подразделениям правоохранительных органов, а также установившего социальные и правовые гарантии защиты содействующих лиц, стало действительно знаковым событием в развитии теории и практики ОРД в нашей стране.

Закон Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Феде-

рации» просуществовал очень недолго. На смену ему пришел ныне действующий Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), который более детально прописал многие ранее известные положения. В частности, Закон об ОРД закрепил обязанности оперативно-разыскных органов по осуществлению на гласной и негласной основе ОРМ, изложенных в ч. 1 ст. 6. Частью 2 ст. 15 Закона об ОРД регламентируется право оперативно-разыскных органов в процессе проведения ОРМ устанавливать сотрудничество с лицами, желающими оказывать содействие, на безвозмездной или платной основе.

В ст. 17 Закона об ОРД определено, что дееспособные совершеннолетние лица могут в добровольном порядке привлекаться к осуществлению конфиденциального содействия для подготовки и проведения ОРМ, в том числе по контракту [3, с. 46]. Законодателем закреплено, что такие характеристики, как пол, национальность, социальное положение, гражданство, принадлежность к общественным объединениям, не могут являться препятствием для оказания содействия оперативно-разыскным органам. При этом в ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД указано, что к содействию на контрактной основе не может привлекаться ряд должностных лиц, к числу которых относятся судьи, депутаты, священнослужители, прокуроры, адвокаты, а также официальные представители зарегистрированных религиозных объединений [4, с. 70].

В своих научных трудах профессор А.В. Шахматов достаточно четко различает содержание понятий «содействие» и «сотрудничество» [5, с. 430; 6, с. 216]. Действительно, органы, проводящие оперативно-разыскную работу, вправе осуществлять как содействие, так и сотрудничество на основе контракта с лицами, оказывающими помощь в организации и выполнении оперативно-разыскных операций, независимо от их гражданства, пола, расы и т.д. Тем не менее отсутствие законодательного разграничения в определении этих двух терминов, используемых в Законе об ОРД, порождает массу противоречий, что говорит о необходимости скорейшего устранения данного пробела [7, с. 219].

Отчасти решить проблему был призван комментарий к ст.ст. 15 и 17 Закона об ОРД, из содержания которого следует, что термин «содействие» является более широким по смыслу, чем термин «сотрудничество»¹. Однако в данном случае комментарий является личным мнением ученых, актом доктринального толкования закона и может приниматься правоприменителем лишь в качестве рекомендации. Похожие варианты толкования закона в связи с той же проблемой были сформулированы и другими известными учеными. Так, профессор А.Ю. Шумилов под содействием понимает «сохраняемую в секрете от окружающих (тайную, конспиративную) помощь отдельных лиц (агентов и др.) оперативному подразделению в проведении ОРМ, основанную на Законе об ОРД». А под сотрудничеством – «сложный вид со-

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности» / Под ред. проф. А.Е. Чечётина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 249, 266.

действия, скрепленный письменными обязательствами сторон (контрактом)» [8, с. 22]. Профессор А.В. Шахматов также видит в предусмотренном Законом об ОРД конфиденциальном содействии по контракту негласное сотрудничество [6, с. 216]. Соглашаясь с этими мнениями, считаем возможным представить предложения по совершенствованию в ст. 17 Закона об ОРД посредством дополнения ее определениями двух понятий, обозначающих рассматриваемыми терминами.

Законодательное закрепление данных понятий позволит по-новому подойти к решению вопроса о социальной и правовой защите лиц, содействующих оперативно-разыскным органам, которая предусмотрена ст. 18 Закона об ОРД. В подавляющем большинстве случаев содействие осуществляется по контракту в условиях, сопряженных с риском для жизни и здоровья содействующих лиц¹. Закон об ОРД не раскрывает видов, содержания и форм содействия: они регламентируются правовыми актами ограниченного доступа правоохранительных и иных государственных органов, которым в соответствии с Законом об ОРД делегировано право на осуществление такой деятельности. При этом в ст. 18 Закона об ОРД декларируется предоставление лицам, осуществляющим содействие оперативным подразделениям по контракту, государственной защиты. В соответствии с ч. 2 ст. 18, «государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с...» выполнением данными лицами соответствующих поручений оперативно-разыскного органа или общественного долга². Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что ст. 18 Закона об ОРД не предусмотрены гарантии социальной и правовой защиты для лиц, осуществляющих содействие оперативно-разыскным органам без контракта, что вызывает обоснованное недоумение по ряду причин.

Во-первых, в ст. 18 Закона об ОРД, кроме ее ч. 1, которая носит сугубо бланкетный характер, говорится об оказании государственной поддержки только лицам, содействующим оперативно-разыскным органам по контракту. В связи с этим можно сделать вывод, что положения данной статьи закона, затрагивающие вопросы социальной и правовой защиты конфиденентов, актуальны только в отношении тех лиц, содействие которыми оказывается оперативным подразделениям на контрактной основе, что, безусловно, ущемляет права конфиденентов, содействующих на бесконтрактной основе.

Во-вторых, содействие граждан, закрепленное контрактными отношениями, регулируется положениями гл. 22 Гражданского кодекса Российской Федерации «Исполнение обязательств», по этому поводу Верховным Судом Российской Федерации

даны четкие разъяснения³. Оперативно-разыскной орган при заключении с лицом контракта не может выступать в качестве его работодателя или нанимателя в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации. Контракт, заключаемый оперативно-разыскным органом с лицом, давшим добровольное согласие на предоставление информации, представляющей оперативный интерес, или согласившимся оказать услугу, не аналогичен контракту о прохождении службы в органах внутренних дел или подразделениях Министерства обороны Российской Федерации. Кроме того, с юридической точки зрения он не может восприниматься как трудовой договор и уж тем более не обеспечивает полной трудовой занятости конфиденента.

К сожалению, до настоящего времени сущность и механизм предоставления содействующему лицу социальных и правовых гарантий, декларируемых Законом об ОРД, не определены в достаточной мере. На практике социальная и правовая помощь конфиденнту со стороны оперативно-разыскного органа может сводиться лишь к консультированию по тем или иным вопросам, связанным с нарушением либо восстановлением прав содействующего лица, да и то зачастую уже после расторжения им отношений конфиденциального содействия по причинам некомпрометирующего характера.

Еще одним законодательным пробелом в отношении лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям по контракту, является проблема обеспечения мер государственной защиты, причиной которой является невозможность применить к ним положения Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». В случае угрозы жизни, здоровью и имуществу лиц, предоставляющих информацию, а также членов их семей они могут рассчитывать на принятие необходимых мер защиты, только если они являются свидетелями или иными участниками уголовного судопроизводства в соответствии с положениями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Это влечет за собой в большинстве случаев грубейшее нарушение одного из основополагающих принципов ОРД – конспирации [9, с. 56]. Применения каких-либо специальных мер в отношении конфиденентов, оказывающих содействие субъектам ОРД, действующим законодательством до настоящего времени не предусмотрено.

Часть 4 ст. 18 Закона об ОРД закрепляет положение об освобождении от уголовного ответственности некоторых участников преступных групп, которые были завербованы оперативно-разыскными подразделениями в период их нахождения в составе этих групп [10, с. 138-139]. Данная норма, по нашему мнению, носит сугубо декларативный

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 272.

² Там же. С. 273.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2014 № 80-АПГ14-8 // СПС «КонсультантПлюс».

характер, хотя бы потому, что вопросы привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее решаются на основании Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а не иных федеральных законов, «без каких-либо отступлений по нереабилитирующим основаниям»¹. Среди оснований освобождения от уголовной ответственности гл. 11 УК РФ перечисляет: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба, назначение судебного штрафа и истечение сроков давности [11, с. 81]. Соответственно, в УК РФ необходимо внести дополнения, которые бы позволили освобождать от уголовной ответственности за совершение ненасильственных преступлений небольшой и средней тяжести лицо, являющееся участником организованной группы, преступной организации, преступного сообщества, либо внедренное в такую группу, организацию, сообщество, оказывающее либо оказавшее оперативно-разыскным органам содействие на контрактной основе, результатом которого стало разоблачение организованной группы, преступной организации, преступного сообщества либо привлечение ее участников к установленной законодательством Российской Федерации ответственности.

Аналогичная ситуация имеет место и в вопросах пенсионного обеспечения лица, осуществлявшего конфиденциальное содействие по контракту. Согласно ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД лица, сотрудничающие по контракту с оперативно-разыскными подразделениями, имеют право на пенсионное обеспечение [12, с. 63]. Однако законодательством установлены ограничения. В частности, право на получение пенсии возникает в тех случаях, когда конфиденциальное сотрудничество с оперативными подразделениями имело место в качестве основного рода занятий лица и при условии, что им самостоятельно выплачивались страховые взносы в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». И это – не единственное требование. Вместе с тем далеко не каждое лицо, осуществляющее конфиденциальное содействие оперативным подразделениям, осведомлено о такой возможности в силу различных причин объективного и субъективного характера [13, с. 11].

Отметим также, что затруднена и реализация положений ч. 8 и ч. 9 ст. 18 Закона об ОРД, касающихся предоставления компенсационных выплат. Для получения материальной компенсации в случае наступления негативных последствий для лица, осуществляющего или осуществлявшего конфиденциальное содействие оперативно-разыскному органу, должно закрепить указанные правоотношения в письменной форме (с помощью

контракта) [14, с. 71; 15, с. 182]. Исходя из содержания комментария к данным нормам², в случае отсутствия у лица закрепленных с оперативно-разыскным органом в письменной форме правоотношений негласного сотрудничества (в виде контракта) содействующее лицо либо его близкие родственники при наступлении негативных для него последствий не могут претендовать на материальную помощь со стороны государственных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие пробелы и недостатки Закона об ОРД не позволяют в полной мере использовать возможности содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. А ведь важность такой работы бесспорна, поскольку информация, получаемая от граждан в результате оказания ими помощи, позволяет выявлять, раскрывать, расследовать преступления, восстанавливать социальную справедливость, предупреждать совершение новых преступлений.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что УК РФ требует доработки в части освобождения от уголовной ответственности за совершение ненасильственных преступлений небольшой и средней тяжести лиц, являющихся участниками организованной группы, преступной организации, преступного сообщества, либо внедренных в такую группу, организацию, сообщество, оказывающих либо оказавших оперативно-разыскным органам содействие на контрактной основе, результатом которого стало разоблачение организованной группы, преступной организации, преступного сообщества либо привлечение ее участников к установленной законодательством Российской Федерации ответственности.

В Закон об ОРД необходимо включить посредством его дополнения: определения понятий «содействие» и «сотрудничество»; положения, устанавливающие способы предоставления гарантий социальной и правовой защиты лицам, осуществляющим содействие оперативно-разыскным органам без контракта; нормы, закрепляющие механизм реализации мер государственной защиты и пенсионного обеспечения лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям по контракту; правила предоставления компенсационных выплат содействующему лицу либо его близким родственникам при наступлении негативных для него последствий.

Конкретные варианты решения выявленных нами проблем могут быть предложены в рамках дальнейших исследований и научно-правовых дискуссий. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Симоненко Д.А. Факторы, влияющие на активность конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 254-261.

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Под ред. проф. А.Е. Чечёткина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 275.

² Там же. С. 278-279.

2. Владимиров С.И. К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 195-201.
3. Лахтиков Д.Н. Конфиденциальное содействие лиц в оперативно-розыскной деятельности: перспективы совершенствования правового регулирования // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1 (2). С. 46-49.
4. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование вопросов содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1 (1). С. 68-76.
5. Шахматов А.В. Содействие граждан оперативным подразделениям правоохранительных органов в борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения - 2018: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 мая 2018 г. Т. 1. Гатчина, 2018. С. 427-433.
6. Шахматов А.В. Современное состояние и проблемы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Оперативно-розыскное противодействие преступлениям экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 г. СПб: СПбУ МВД России, 2020. С. 214-220.
7. Рудой А.В. Содействие граждан оперативным подразделениям как основа оперативно-розыскной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 217-221.
8. Шумилов А.Ю. Вводим в научный оборот новые термины и определения современной оперативно-розыскной науки // Оперативник (сыщик). 2016. № 1 (46). С. 20-27.
9. Тихомиров А.И. Проблемы государственной защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 12 (223). С. 53-63.
10. Железняк Н.С., Калугин А.Г. Освобождение от уголовной ответственности конфиденцента – миф или реальность? // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 137-145.
11. Лебедев Н.Ю. Конфликты уголовного судопроизводства, обусловленные несовершенством практики реализации норм оперативно-розыскного права, и пути их разрешения // Закон и право. 2016. № 6. С. 79-86.
12. Тихомиров А.И. Пенсионное обеспечение граждан, оказывавших конфиденциальное содействие оперативным подразделениям учреждений и органов УИС // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4 (45). С. 58-64.
13. Абрамов И.А. Проблемные вопросы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3 (48). С. 7-13.
14. Араев О.Н. Оперативно-розыскная характеристика содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Современная наука. 2021. № 4. С. 69-75.
15. Хазов Е.Н., Богданов А.В. Анонимное содействие граждан в решении задач ОРД (проблемы, суждения, пути решения) // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 180-183.

REFERENCES

1. Simonenko D.A. Faktory, vliyayushchiye na aktivnost' konfidentsial'nogo sodeystviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2023. № 4 (97). S. 254-261.
2. Vladimirov S.I. K voprosu o definitsii «sodeystviye grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del» // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2017. № 6 (79). S. 195-201.
3. Lakhtikov D.N. Konfidentsial'noye sodeystviye lits v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: perspektivy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya // Operativno-rozysknoye pravo. 2020. № 1 (2). S. 46-49.
4. Fedorov A.V., Shakhmatov A.V. Pravovoye regulirovaniye voprosov sodeystviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 1999. № 1 (1). S. 68-76.
5. Shakhmatov A.V. Sodeystviye grazhdan operativnym podrazdeleniyam pravookhranitel'nykh organov v bor'be s terrorizmom // Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki: Gatchinskiye chteniya - 2018: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Gatchina, 25 maya 2018 g. T. 1. Gatchina, 2018. S. 427-433.
6. Shakhmatov A.V. Sovremennoye sostoyaniye i problemy konfidentsial'nogo sodeystviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Operativno-rozysknoye protivodeystviye prestupleniyam ekonomicheskoy napravlenosti i korruptsii: peredovoy opyt, problemy i puti ikh resheniya: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 29 maya 2020 g. SPb: SPbU MVD Rossii, 2020. S. 214-220.
7. Rudoy A.V. Sodeystviye grazhdan operativnym podrazdeleniyam kak osnova operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 4. S. 217-221.
8. Shumilov A.YU. Vvodim v nauchnyy oborot novyye terminy i opredeleniya sovremennoy operativno-rozysknoy nauki // Operativnik (syshchik). 2016. № 1 (46). S. 20-27.

9. Tikhomirov A.I. Problemy gosudarstvennoy zashchity lits, okazyvayushchikh sodeystviye operativnym podrazdeleniyam Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noy sistemy. 2020. № 12 (223). S. 53-63.

10. Zheleznyak N.S., Kalugin A.G. Osvobozhdeniye ot ugovovnoy otvetstvennosti konfidenta – mif ili real'nost'? // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2022. № 1 (50). S. 137-145.

11. Lebedev N.YU. Konflikty ugovovnogo sudoproizvodstva, obuslovlennyye nesovershenstvom praktiki realizatsii norm operativno-rozysknogo prava, i puti ikh razresheniya // Zakon i pravo. 2016. № 6. S. 79-86.

12. Tikhomirov A.I. Pensionnoye obespecheniye grazhdan, okazyvavshikh konfidentsial'noye sodeystviye operativnym podrazdeleniyam uchrezhdeniy i organov UIS // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 4 (45). S. 58-64.

13. Abramov I.A. Problemnyye voprosy konfidentsial'nogo sodeystviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam uchrezhdeniy ugovovno-ispolnitel'noy sistemy // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2018. № 3 (48). S. 7-13.

14. Arayev O.N. Operativno-razysknaya kharakteristika sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-razysknuyu deyatel'nost' // Sovremennaya nauka. 2021. № 4. S. 69-75.

15. Khazov Ye.N., Bogdanov A.V. Anonimnoye sodeystviye grazhdan v reshenii zadach ORD (problemy, suzhdeniya, puti resheniya) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 5. S. 180-183.

© Попов С.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В. Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 96-102.

Алексей Павлович АНИСИМОВ,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0003-3988-2066
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
anisimovap@mail.ru

Александр Владимирович ЧИЧКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
Оренбургский государственный аграрный университет (г. Оренбург)
заведующий кафедрой юриспруденции
chichkin-ogau@yandex.ru

Научная статья
УДК 349.6

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВООРЯДКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Экологический правопорядок, закон, суд, орган власти, социология, термин, мнение, общественность, наука, проблема, метод.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В действующих российских экологических законах урегулированы различные аспекты взаимодействия природы и общества, включая нормирование негативного воздействия на окружающую среду, экономическое регулирование охраны окружающей среды, вопросы ответственности за экологические правонарушения и т.д. Анализируя данные нормы, представители эколого-правовой науки России исследуют пробелы и коллизии законодательства, выявляют тенденции и перспективы судебной практики по конкретным категориям дел, рассматривают полномочия федеральных органов власти, органов экологического управления субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Однако данный подход оставляет без ответа ряд важных вопросов, в частности, о том, с помощью каких средств следует определять степень эффективности правовой охраны окружающей среды, об отношении населения и представителей органов публичной власти к качеству правовых норм об охране природы. В статье предпринимается попытка ответить на эти и другие подобные вопросы путем исследования правопорядка. **Методы.** При написании статьи были использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа, опрос в форме анкетирования. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы авторов, изучающих проблемы обеспечения экологического правопорядка в Российской Федерации. **Результаты.** Обоснована структура экологического правопорядка, виды и формы его проявления, место в системе эколого-правовых категорий. Необходимость использования данной правовой конструкции заключается в том, что она показывает степень эффективности экологического законодательства, позволяет оценить деятельность органов исполнительной и судебной власти. Аргументируется вывод о том, что наряду с количественными (статистическими) методами оценки эффективности необходимо применять и социологические методы – в диапазоне от опроса экспертов в области охраны окружающей среды до выяснения мнения населения городов и деревень по актуальным экологическим вопросам. Это позволит улучшить обратную связь между органами власти и гражданами, сделать оценку работы органов власти более объективной.

ВВЕДЕНИЕ

В действующих российских экологических законах урегулированы различные аспекты взаимодействия природы и общества, включая нормирование негативного воздействия на окружающую среду, экономическое регулирование охраны окружающей среды, вопросы ответственности за экологические правонаруше-

ния и т.д. Анализируя данные нормы, представители эколого-правовой науки России исследуют пробелы и коллизии законодательства, выявляют тенденции и перспективы судебной практики по конкретным категориям дел, рассматривают полномочия федеральных органов власти, органов экологического управления субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Alexey P. ANISIMOV,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0003-3988-2066
Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines
anisimovap@mail.ru

Alexander V. CHICHKIN,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Orenburg State Agrarian University (Orenburg, Russia)
Head of the Department of Jurisprudence
chichkin-ogau@yandex.ru

THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL LAW AND ORDER: ISSUES OF THEORY

KEYWORDS. Environmental law and order, law, court, authority, sociology, termin, opinion, public, science, problem, method.

ANNOTATION. Introduction. The current Russian environmental laws regulate various aspects of the interaction between nature and society, including the prevention of negative environmental impacts, economic regulation of environmental protection, issues of responsibility for environmental offenses, etc. Analyzing these norms, representatives of the ecological and legal science of Russia explore gaps and conflicts of legislation, identify trends and prospects of judicial practice in specific categories of cases, consider the powers of federal authorities, environmental management bodies of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies. However, this approach leaves unanswered a number of important questions about the means by which to determine the degree of effectiveness of legal environmental protection, the attitude of the population and representatives of public authorities to the quality of legal norms on environmental protection. The article attempts to answer this and other similar questions by researching the rule of law. **Methods.** When writing the article, various methods of cognition were used: dialectical, statistical, analytical method, survey in the form of a questionnaire. The research material was normative legal acts, statistical information, as well as scientific works by authors studying the problems of ensuring environmental law and order in the Russian Federation. **Results.** The structure of environmental law and order, types and forms of its manifestation, and its place in the system of ecological and legal categories are substantiated. The necessity of using this legal structure lies in the fact that it shows the degree of effectiveness of environmental legislation, makes it possible to evaluate the activities of executive and judicial authorities. The conclusion is documented that along with quantitative (statistical) methods of evaluating effectiveness, it is necessary to apply sociological methods, ranging from interviewing experts in the field of environmental protection to elucidating the opinions of the population of towns and villages on topical environmental issues. This will improve the feedback between authorities and citizens, and make the assessment of the work of authorities more objective.

Полностью поддерживая необходимость проведения таких исследований, все же заметим, что данный подход оставляет без ответа ряд важных вопросов. С помощью каких средств следует определять степень эффективности правовой охраны окружающей среды? Каково отношение населения и представителей органов публичной власти к качеству правовых норм об охране природы? Как оценить работу специализированных природоохранных органов? Какова востребованность норм действующих федеральных природоохранных законов и есть ли у них недостатки? Как они применяются российской судебной властью? Перечень вопросов можно продолжить.

На наш взгляд, для улучшения обратной связи между органами публичной власти и гражданским обществом, налаживания механизма их взаимодействия необходима новая доктринальная категория, которая позволит комплексно оценить экологическое законодательство, управление в сфере охраны окружающей среды и эффективность судебного разрешения экологических споров, поможет рассмотреть данные вопросы не просто в статике и по состоянию на текущий момент времени (как это делается в правовой науке сейчас), а в динамике (что даст возможность делать более точные прогнозы развития экологической ситуации в стране, улучшит показатели

участия общественности в принятии экологических значимых решений).

Такая категория есть в российской правовой науке – она называется «экологический правопорядок». В настоящий момент уже появились ее первые исследования, однако главный акцент в них делается на терминологических или юрико-технических аспектах, без учета возможности использования методологии других общественных наук (социологии, политологии), а также без четкой проработки практической ценности данной доктринальной категории.

Рассматриваемый нами научный термин «экологический правопорядок» не имеет прямых аналогов в европейских, азиатских, американских или иных юрисдикциях в том смысле, который придается ему в российской эколого-правовой науке. Современные эколого-правовые научные школы многих развитых стран мира обычно акцентируют внимание либо на защите экологических прав человека, либо (как и российские) на отдельных экономических, политических, финансовых и иных гарантиях обеспечения экологической безопасности в отдельных сферах деятельности человека (транспорт, энергетика и т.д.).

При всей важности такого подхода следует заметить, что подобные акценты позволяют отследить современные экологические проблемы

лишь в статике – в конкретное время, от определенного источника (нескольких источников) вредного воздействия и т.д. Более того, для России и ряда республик бывшего СССР характерен узкий нормативистский подход, когда современные и актуальные проблемы охраны окружающей среды рассматриваются через призму действующего законодательства для выявления его пробелов и коллизий. Предлагаемый нами подход носит принципиально иной характер. Благодаря использованию не только юридической, но и социологической методологии мы предлагаем комплексный взгляд на исследование современных экологических проблем, выявление их динамики в контексте развития более глобальных социальных процессов, идущих как в России, так и в мире в целом.

МЕТОДЫ

При написании статьи были использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа, опрос в форме анкетирования. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы авторов, изучающих проблемы обеспечения экологического правопорядка в Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Термин «правопорядок» иногда упоминается в российском законодательстве (гражданском и конституционном), а наибольшее доктринальное развитие концепция правового порядка получила в рамках теории государства и права. Г.С. Працко понимает под порядком общества объективную реальность, являющуюся результатом взаимодействия юридических институтов с реальными общественными отношениями, правовой культурой и правосознанием¹. Содержательной части правопорядка посвящены работы А.Г. Баласаняна, отмечающего, что правопорядок является реальным результатом и следствием осуществления требований законности, он характеризует состояние упорядоченности общественных отношений, урегулированных нормами права². В работах других авторов исследован механизм экономических, политических и иных гарантий правопорядка, много внимания уделяется функции государства по охране правопорядка и т.д. С.В. Клевцов указывает на то, что содержание идеи правопорядка представляет собой сплав юридического, политиче-

ского и морального понимания сущности и задач права, обращает внимание на ценностный аспект проблемы, а также на роль правопорядка в оценке эффективности законодательства³. П.А. Кунаков исследует проблему участия субъектов гражданского общества в обеспечении правопорядка⁴; П.С. Назаров рассматривает правопорядок и как цель, и как итог правового регулирования⁵; М.Л. Репкин выделяет государственный и местный правопорядок⁶; О.П. Сауляк предлагает различать идеальный и реальный правопорядок (последний включает поведенческие акты как правомерного, так и противоправного характера)⁷. В.В. Борисов в ходе исследования соотношения правоотношений и правопорядка отмечает, что в рамках последнего на первый план выходит не совокупность норм и их реализация, а упорядоченность в регулировании общественных отношений, основанная на юридических предписаниях (социальный результат правового воздействия, а не сам процесс реализации права) [1, с. 37].

Хорошо исследованы в правовой науке отдельные виды правопорядка: международный правопорядок [2]; воинский правопорядок [3]; энергетический правопорядок [4]; национальный правопорядок [5]; миграционный правопорядок [6] и т.д.

Некоторые авторы предлагают рассматривать проблемы правопорядка на уровне отдельных отраслей права. Так, С.В. Андреев обосновал категорию «земельный правопорядок», под которым он понимает совокупность правовых отношений, и исследовал его в контексте градостроительного законодательства⁸. Большое внимание категории «правопорядок» уделяется в гражданском праве – в диапазоне от исследования недействительности сделок, противоречащих основам правопорядка, до обоснования цивилистического правопорядка [7]. Категория «правопорядок» часто исследуется в рамках трудового права, административного права, конституционного права [8], а также ряда иных отраслей правовой науки.

Данный научный обзор может быть продолжен. Обобщая все существующие позиции, М.А. Григорьева отмечает, что в состав элементов правопорядка попали почти все правовые явления: позитивное право, субъекты права, объекты права, правовые свойства субъектов, правоотношения, юридические факты, правосознание,

¹ Працко Г.С. Порядок общества: теоретико-правовой и институциональный анализ: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 18.

² Баласанян А.Г. Соотношение законности и правопорядка и проблемы их обеспечения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2012. 31 с.

³ Клевцов С.В. Идея правопорядка в юридической теории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

⁴ Кунаков П.А. Участие субъектов гражданского общества в обеспечении правопорядка как форма проявления социально-правовой активности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 33 с.

⁵ Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 28 с.

⁶ Репкин М.Л. Правовые и организационные вопросы деятельности муниципальных образований по обеспечению местного правопорядка (на примере Волгоградской области): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 30 с.

⁷ Сауляк О.П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

⁸ Андреев С.В. Земельный правопорядок в области градостроительства (с использованием законодательства города Москвы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

правомерное поведение. В результате вырисовывается некий конгломерат, в котором соединены и реальные объекты действительности, и правовые абстракции [9, с. 172]. Между тем, на наш взгляд, используемые в науке термины должны отображать разные социально-правовые явления, поскольку нет смысла предлагать два разных термина для описания одного и того же правового вопроса или процесса. Другими словами, правовой порядок не может быть отождествлен, например, с правоотношениями (или их совокупностью), поскольку в этом случае он утрачивает самостоятельность.

Вместе с тем к числу безусловных достоинств названных выше научных работ следует отнести их вклад в общую теорию правового порядка и тщательную проработку отдельных элементов или процедур обеспечения правового порядка в рамках российской правовой системы. Отдельно стоит выделить осуществленный авторами подробный анализ терминологии (международный, национальный, миграционный, трудовой, энергетический, земельный, гражданский правовой порядок и т.д.).

ОБСУЖДЕНИЕ

Намного меньшее развитие в правовой науке получила категория «экологический правовой порядок». Тем не менее следует отметить работы Э.Ф. Пушкаревой¹, исследовавшей взаимосвязь экологических прав человека, международного экологического правового порядка и устойчивого развития; А.И. Мирошниченко, проанализировавшего соотношение категорий «экологический правовой порядок» и «экологический интерес»²; Т.А. Давыдовой, полагающей, что экологический правовой порядок представляет собой систему экологических правоотношений по реализации экологических требований природоохранного законодательства, а также указывающей на то, что составной частью экологического правового порядка является экологическая безопасность³. Ряд представителей науки уголовного права выделяют «экологический правовой порядок» в качестве объекта экологических преступлений, хотя у такого подхода есть и противники⁴. Ш.Х. Файзиев вводит в научный оборот категорию «законы экологического правового порядка»⁵. О.В. Устьянцева рассматривает проблемы экологического образования как важного элемента экологического правового порядка [10]. Не менее интересные соображения были высказаны и другими учеными. Так, И.А. Игнатьева считает создание и сохранение правового порядка в сфере экологических отношений целью экологического

законодательства [11, с. 81]. По мнению А.Т. Озенбаевой, экологический правовой порядок необходимо рассматривать как институт экологического права [12, с. 39]. Достойную пристальную внимания мысль высказывает Е.А. Белокрылова, размышляя о внешних угрозах экологическому правопорядку, включая контрабанду природных ресурсов, трансграничные аварии и катастрофы и др. [13]. Е.В. Чуличкова считает, что экологический правовой порядок характеризуется наличием субъективных прав, главным из которых является конституционное право на благоприятную окружающую среду [14]. А.С. Галанов представляет экологический правовой порядок как элемент правовой культуры [15].

Данный перечень мнений представителей научного сообщества может быть продолжен, однако заметим, что наиболее последовательно теоретические вопросы обеспечения экологического правового порядка были исследованы в трудах Н.А. Духно, рассмотревшего понятие, классификацию, структуру и управление экологическим правовым порядком, причем как на национальном, так и на международном уровне. Весьма ценным итогом проведенных им исследований является проработка общей теории экологического правового порядка, его отдельных структурных элементов, рассмотрение его места среди родственных правовых категорий. Н.А. Духно считает, что экологический правовой порядок – это система правовых отношений, характеризующая благоприятный уровень состояния окружающей среды, сложившаяся в результате реализации конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов, исполняющих и соблюдающих возложенные на них юридические обязанности в границах, регулируемых экологическим правом. При этом он предлагает рассматривать экологический правовой порядок как составную часть структуры экологического права, его самостоятельный правовой институт⁶.

При всей ценности последней концепции она имеет ряд дискуссионных аспектов. Во-первых, если экологический правовой порядок характеризует благоприятное состояние окружающей среды, то не совсем понятно, чем данная правовая конструкция отличается от «экологических прав человека» и «экологической безопасности», посвященных тому же вопросу. Во-вторых, кроме соблюдения и исполнения, в российской теории государства и права выделяются и другие формы реализации права – использование и применение, которые в данном случае не названы как средства обеспечения экологического правового порядка. В-третьих,

¹ Пушкарева Э.Ф. Международный экологический правовой порядок и экологические права человека: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 57 с.

² Мирошниченко А.И. Правовой механизм защиты экологического интереса: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 28 с.

³ Давыдова Т.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 67.

⁴ Голубев С.И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов): Дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2022. С. 132-134.

⁵ Файзиев Ш.Х. Теоретические проблемы правового обеспечения экологической политики Республики Узбекистан: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ташкент, 2004. 52 с.

⁶ Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правового порядка: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Уфа, 2000. 55 с.

экологический правопорядок не может быть правовым институтом, так как это чисто доктринальная категория, которая не отражена в законодательстве.

Представляется, что необходимо четко различать экологическое право как науку и как отрасль права. Экологический правопорядок – это важнейшая научная категория, позволяющая понять сущность и механизм реализации эколого-правовых предписаний, однако он нормативно не закреплен в каком-либо законе. Другими словами, мы выделяем, например, институт ответственности в экологическом праве потому, что объективно существуют нормы экологического и иных отраслей права, в совокупности образующие данный комплексный (межотраслевой) институт. Говорить же о появлении такого нового правового института, как «экологический правопорядок», можно будет только тогда, когда он получит свое отражение в нормах экологического права России.

Не менее интересные соображения высказывает Л.В. Ращупкина, полагаящая, что экологический правопорядок – это вид правового порядка, сложившийся в сфере взаимодействия общества и природы по поводу природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, ориентированный на создание благоприятной окружающей среды, основанный на праве и законности, складывающийся в результате правомерной деятельности субъектов права и обеспечивающийся государственными органами и иными субъектами¹. При всей значимости данного подхода заметим, что он носит несколько формальный характер, не позволяя выделить специфические особенности экологического правопорядка и механизм его обеспечения.

А.И. Мирошниченко рассматривает экологический правопорядок как систему закрепленных в законодательстве правовых способов реализации установок государственной экологической политики по регулированию отношений человека и природы. Автор выделяет элементы экологического правопорядка: собственность на природные ресурсы, природопользование, контроль в сфере использования и охраны природы, ответственность за причинение вреда природной среде². Такая позиция представляется весьма привлекательной, но все же заметим, что в число элементов экологического правопорядка названный автор включает лишь некоторые институты экологического права (контроль, ответственность), оставляя за скобками все остальные (нормирование, экономическое регулирование, лицензирование), что говорит об отсутствии системного подхода.

Довольно интересную классификацию законов Республики Узбекистан предлагает Ш.Х. Файзиев, выделяя в ней «законы экологического правопо-

рядка»: к числу таковых он относит кодифицированные нормативно-правовые акты, целью которых является обеспечение соблюдения экологических прав и обязанностей, предупреждение и предотвращение экологических правонарушений, установление санкций за противоправные действия или бездействие (Грудовой кодекс, Уголовный кодекс, Гражданский кодекс и др.)³. Впрочем, данный подход имеет и дискуссионный аспект, поскольку на достижение указанных целей направлены не только кодифицированные законы, но и все остальные. Кроме того, экологический правопорядок нельзя отождествлять с законом.

Вызывающее внимание определение предлагает А.М. Намчук: экологический правопорядок – это должным образом организованный режим эксплуатации и защиты природных богатств, то есть отношения природопользования, юридически закрепленные в правилах, инструкциях, приказах. Исходя из этого, он предлагает подразделить все экологические преступления на две группы: преступления, посягающие на экологический правопорядок (природоресурсные и браконьерские), и преступления, посягающие на экологическую безопасность (природоохранные)⁴. Однако данная позиция также является уязвимой для критики, так как «природоресурсные» преступления будут посягать на «природоресурсный правопорядок», а не на экологический. К тому же «браконьерские» преступления посягают на природный ресурс (животный мир), поэтому с предложенной названным автором классификацией трудно согласиться.

Из проведенного выше обзора можно сделать несколько промежуточных выводов. Категория «экологический правопорядок» не закреплена в законе, а значит, она является не нормативной, а доктринальной. По этой причине ее нельзя отождествлять с отраслью экологического права, эколого-правовыми институтами и нормами. Не является она синонимом или составной частью других правовых категорий – правоотношение, правосознание, правовая культура и т.д., хотя и находится с ними в различных правовых взаимосвязях.

Правопорядок не может быть целью экологического законодательства или объектом преступного посягательства, поскольку это пока еще довольно аморфная доктринальная категория, не имеющая четкого содержания. Однако есть ли возможность сформулировать его непротиворечивую концепцию?

Наши конструктивные предложения по этому вопросу состоят в следующем. У большинства приведенных выше доктринальных соображений имеется одна общая черта: их авторы считают, что категория правопорядок означает упорядочен-

¹ Ращупкина Л.В. Экологический правопорядок (общетеоретический анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.

² Мирошниченко А.И. Правовой механизм защиты экологического интереса: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 20-21.

³ Файзиев Ш.Х. Теоретические проблемы правового обеспечения экологической политики Республики Узбекистан: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ташкент, 2004. 52 с.

⁴ Намчук А.В. Загрязнение атмосферы. Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 24 с.

ность общественных отношений, приведение их в некую систему. С таким подходом мы в целом согласны, однако возникает вопрос практического свойства: как определить степень упорядоченности экологических или иных общественных отношений правовыми средствами? Можем ли мы в данный момент времени утверждать, что цели экологического правопорядка достигнуты?

Процитированные выше авторы не ставят такого вопроса и не предлагают ответов на него. На наш взгляд, невозможно вывести математическую формулу экологического правопорядка (позволяющую дать его оценку – высокую, среднюю или низкую). Даже если такую формулу и получится обосновать, каково будет ее юридическое значение? В связи с этим представляется, что рассмотрение экологического правопорядка с чисто нормативистских позиций как «совокупности правовых норм, регулирующих тот или иной вид общественных отношений» или воспринимających экологический правопорядок как эколого-правовой институт, неизбежно создает неразрешимую проблему дублирования смысла и содержания сразу нескольких эколого-правовых категорий, главным образом по линии «субъект (объект, содержание) экологического правопорядка» – «субъект (объект, содержание) экологического правоотношения».

Если мы будем рассматривать категорию «экологический правопорядок» через призму его цели, то неизбежно получим дублирование по линии обеспечения «экологического правопорядка» и «экологической безопасности».

Думается, что категория «экологический правопорядок» имеет ценность только в контексте практики реализации норм экологического права, если она показывает эффективность природоохранной деятельности публичных и частных субъектов экологического права, отражает состояние окружающей среды и степень реализации экологических прав человека. Только в этом случае данная категория получает практический смысл, а также единицы измерения.

Представляется, что степень упорядоченности экологических отношений может быть показана количественными методами: статистикой раскрытых экологических правонарушений, решений судов, принятых законов и т.д. Такой подход и правда несколько приближает нас к ответу на поставленные выше вопросы, однако оставляет без внимания качественную сторону проблемы. Являются ли принятые законы эффективными? Каков уровень латентности экологических преступлений, сколько из них не вошло в статистику? Скольким гражданам было отказано в регистрации их заявлений об экологических преступлениях? Для ответа на эти вопросы представляется необходимым сформулировать как наше авторское определение экологического правопорядка, так и его основные структурные элементы, виды и формы проявления и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, экологический правопорядок – это такое состояние регулируемых правом общественных отношений, при котором законо-

дательно решены все ключевые проблемы в сфере взаимодействия природы и общества, создана многоуровневая система органов экологического управления, а также обеспечена эффективная судебная защита экологических прав и свобод.

Данное определение требует ряда уточнений. Экологический правопорядок представляет собой доктринальную категорию, а следовательно, никакого единого мнения о его содержании и свойствах не может быть в принципе. Как и в отношении любых других доктринальных правовых категорий (правоотношение, правосознание и т.д.), могут и должны существовать разные точки зрения. Экологическое право как совокупность правовых норм отражает статику правового регулирования. Категория экологический правопорядок дает динамичную оценку нормам права, деятельности органов экологического управления и качеству правоприменительной деятельности судов.

Необходимо различать идеальный и реальный экологический правопорядок, при этом любые криминальные формы упорядочения общественных отношений (даже если они по-своему эффективны) нельзя обозначать данным термином (для их описания следует использовать иную терминологию).

Необходимо различать экологический правопорядок как систему оценки действующего правового регулирования и систему гарантий, обеспечивающих эффективность реализации эколого-правовых норм. К числу таких гарантий следует отнести общесоциальные условия реализации норм экологического права: экономические (создание налоговых или иных экономических стимулов для природопользователей или экологических предпринимателей); политические (поддержка государством общественных экологических объединений); духовные (развитие экологического правосознания и правовой культуры).

Поскольку экологический правопорядок отражает реальную картину правовой жизни общества (степень достижения предусмотренного правом идеала), для его исследования, наряду с количественными методами, должны быть использованы социологические методы оценки экологической ситуации. Последние могут применяться как для выявления мнения экспертов, так и для выяснения мнения общественности (по вопросу обращения с отходами и др.).

Структура экологического правопорядка совпадает с системой экологического права, поскольку исследование реального состояния экологических отношений возможно только в рамках действующего экологического права, регулирующего три базовые сферы общественных отношений: закрепляющие экологические требования к отдельным видам деятельности (в энергетике, на транспорте, в промышленности и т.д.); определяющие особенности охраны отдельных природных ресурсов (вод, земель, недр, лесов и т.д.); устанавливающие специфику правового режима особо охраняемых природных территорий (национальные парки и др.). Соответственно, можно говорить об обеспечении экологического правопорядка

в целом либо в рамках отдельных направлений охраны окружающей среды (например в сфере обращения с отходами).

В результате с помощью категории «экологический правопорядок» мы можем оценить современное правовое состояние экологических общественных отношений в стране или регионе (и сделать прогноз на будущее), выявить степень достаточности эколого-правовых норм, эффективность реализации экологических прав и ис-

полнения экологических обязанностей граждан, юридических лиц и органов власти, состояние их судебной защиты, проанализировать механизм функционирования экологических общесоциальных гарантий.

Таким образом, экологический правопорядок не является чисто юридической категорией. Это комплексное понятие, обеспечивающее оценку эффективности права и правоприменения, взаимосвязи граждан и государства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисов В.В. О связи правопорядка и правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. Межвузовский научный сборник. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. С. 36-42.
2. Каламкрян Р.А. Роль Международного суда ООН в деле поддержания международного правопорядка // Международное право и международные организации. 2013. № 1. С. 92-103.
3. Шестак В.А. О некоторых характеристиках правопорядка и его составной части – воинского правопорядка // Военно-юридический журнал. 2016. № 2. С.10-14.
4. Романова В.В. Энергетический правопорядок: современное состояние и задачи. М.: Юрист, 2016. 254 с.
5. Соловьев П.В. Наднациональные правовые акты и национальный правопорядок Республики Беларусь // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Минск, 2016. С. 78-79.
6. Степанов А.В. Миграционный правопорядок: обоснованность существования, характеристика основных элементов структуры // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 30-34.
7. Рыженков А.Я. О понятии и содержании новой правовой категории «цивилистический правопорядок» // Власть закона. 2017. № 3. С. 32-44.
8. Безруков А.В. Роль Конституционного Суда России в обеспечении конституционного правопорядка // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 22-28.
9. Григорьева М.А. К вопросу о составе системы гражданского правопорядка // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 1. С. 168-176.
10. Устьянцева О.В. Экологическое образование в системе экологического правопорядка // Гражданин и право. 2010. № 9. С. 42-47.
11. Игнатьева И.А. Цели и задачи экологического законодательства // Государство и право. 2002. № 7. С. 71-81.
12. Озенбаева А.Т. Актуальные теоретические вопросы экологического правопорядка в Республике Казахстан // Материалы международной научно-практической конференции «Экологический кодекс Республики Казахстан и проблемы его применения на практике» (Казахский национальный университет имени аль-Фараби, 27 октября 2022 г.). Алматы, 2022. С. 35-40.
13. Белокрылова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 445 с.
14. Чуличкова Е.В. Право человека на благоприятную окружающую среду в структуре экологического правопорядка // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 20. С. 64-71.
15. Галанов А.С. Экологический правопорядок как элемент культуры // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 535-538.

REFERENCES

1. Borisov V.V. O svyazi pravoporyadka i pravovyh otnoshenij // Voprosy teorii gosudarstva i prava. Aktual'nye problemy teorii socialisticheskogo gosudarstva i prava. Mezhvuzovskij nauchnyj sbornik. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1983. S. 36-42.
2. Kalamkaryan R.A. Rol' Mezhdunarodnogo suda OON v dele podderzhaniya mezhdunarodnogo pravoporyadka // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2013. № 1. S. 92-103.
3. Shestak V.A. O nekotoryh harakteristikah pravoporyadka i ego sostavnoj chasti – voinskogo pravoporyadka // Voенno-yuridicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 10-14.
4. Romanova V.V. Energeticheskij pravoporyadok: sovremennoe sostoyanie i zadachi. M.: Yurist, 2016. 254 s.
5. Solov'ev P.V. Nadnacional'nye pravovye akty i nacional'nyj pravoporyadok Respubliki Belarus' // Problemy pravoponimaniya i pravoprимeneniya v proshlom, nastoyashchem i budushchem civilizacii. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h chastyah. Minsk, 2016. S. 78-79.
6. Stepanov A.V. Migracionnyj pravoporyadok: obosnovannost' sushche-stvovaniya, harakteristika osnovnyh elementov struktury // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 5. S. 30-34.
7. Ryzhenkov A.Ya. O ponyatii i sodержanii novej pravovoj kategorii «civilisticheskij pravoporyadok» // Vlast' zakona. 2017. № 3. S. 32-44.
8. Bezrukov A.V. Rol' Konstitucionnogo Suda Rossii v obespechenii konstitucionnogo pravoporyadka // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 4. S. 22-28.

9. Grigor'eva M.A. K voprosu o sostave sistemy grazhdanskogo pravo-poryadka // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2010. № 1. S. 168-176.
10. Ust'yanceva O.V. Ekologicheskoe obrazovanie v sisteme ekologicheskogo pravoporyadka // Grazhdanin i pravo. 2010. № 9. S. 42-47.
11. Ignat'eva I.A. Celi i zadachi ekologicheskogo zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 7. S. 71-81.
12. Ozenbaeva A.T. Aktual'nye teoreticheskie voprosy ekologicheskogo pravoporyadka v Respublike Kazahstan // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ekologicheskij kodeks Respubliki Kazahstan i problemy ego primeneniya na praktike» (Kazahskij nacional'nyj universitet imeni al'-Farabi, 27 oktyabrya 2022 g.). Almaty, 2022. S. 35-40.
13. Belokrylova E.A. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti. Rostov-na-Donu: Feniks, 2014. 445 s.
14. Chulichkova E.V. Pravo cheloveka na blagopriyatnyuyu okruzhayushchuyu sredyu v strukture ekologicheskogo pravoporyadka // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2014. № 20. S. 64-71.
15. Galanov A.S. Ekologicheskij pravoporyadok kak element kul'tury // Yuridicheskaya tekhnika. 2016. № 10. S. 535-538.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Анисимов А.П., Чичкин А.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимов А.П., Чичкин А.В. Понятие экологического правопорядка: вопросы теории // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 103-110.

Светлана Витальевна ИВАНОВА,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-9723-0990
Оренбургский государственный университет
Бузулукский гуманитарно-технологический
институт (филиал) (Оренбургская область, г. Бузулук)
профессор кафедры юриспруденции
servis-05@list.ru

Юлия Львовна УНГУРЯН,

ORCID 0000-0001-9543-9144
Оренбургский государственный университет
Бузулукский гуманитарно-технологический
институт (филиал) (Оренбургская область, г. Бузулук)
старший преподаватель кафедры юриспруденции
y.l.shumskih@mail.ru

Научная статья
УДК 342

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОНИТОРИНГ, УЧЁТ И КАДАСТР ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Информационная функция, мониторинг, объекты животного мира, кадастр, среда обитания, охотничьи угодья.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Информационное обеспечение сферы использования и охраны объектов животного мира относится к числу теоретико-правовых проблем, мало изученных в российской юридической науке. Разнообразие точек зрения ученых по вопросу об источниках информационной функции государства свидетельствует об отсутствии в доктрине экологического права единого подхода к основным теоретическим и практическим вопросам кадастровой учетной функции экологического управления. **Методы.** Методологическая основа результатов исследования, изложенных в статье, представлена совокупностью философских, общенаучных и частнонаучных (анализ, синтез, конкретно-исторический, логический и др.) методов познания. **Результаты.** Основным результатом исследования является разработка методик учета животных, виды которых не отнесены к числу объектов охоты и рыболовства, принимающей во внимание их специфику и роль в обеспечении баланса в природе. Предлагается усовершенствовать методику учета объектов животного мира на основе географической информационной системы; усовершенствовать систему учета количества диких животных различных видов на закрепленных охотничьих угодьях. Авторами проанализированы особенности ведения государственного мониторинга, учета и кадастра объектов животного мира, определены проблемы правового регулирования, предложены пути их решения. В целях повышения эффективности осуществления информационной функции предлагается использовать положительный опыт других стран, входящих в Содружество Независимых Государств.

ВВЕДЕНИЕ

Информационное обеспечение сферы использования и охраны объектов животного мира относится к числу теоретико-правовых проблем, мало изученных в российской юридической науке. Разнообразие точек зрения ученых по вопросу об источниках информационной функции государства свидетельствует об отсутствии в доктрине экологического права единого подхода к основным теоретическим и практическим вопросам кадастровой учетной функции экологического управления.

Обеспечение устойчивого использования объектов животного мира осуществляется на основе количественных данных о популяциях диких

животных и сведениях о состоянии их среды обитания, о критериях функционирования естественных экологических систем. Поэтому очевидно, что эффективность использования объектов животного мира достигается, кроме прочего, посредством информационной деятельности. Именно государственный мониторинг, учет и кадастр объединяют в себе информационное содержание рассматриваемой функции государства. Информационную составляющую имеют сбор сведений об объектах животного мира, обработка этих сведений, анализ полученных результатов. Правовой основой государственного мониторинга является Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире».

Svetlana V. IVANOVA,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0002-9723-0990

Orenburg State University

Buzuluk Humanitarian and Technological Institute (branch)

(Orenburg region, Buzuluk, Russia)

Professor of the Department of Jurisprudence

servis-05@list.ru

Yulia L. UNGURYAN,

ORCID 0000-0001-9543-9144

Orenburg State University

Buzuluk Humanitarian and Technological Institute (branch)

(Orenburg region, Buzuluk, Russia)

Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence

y.l.shumskih@mail.ru

STATE MONITORING, ACCOUNTING AND CADASTRE OF WILDLIFE OBJECTS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Keywords. Information function, monitoring, wildlife objects, cadastre, habitat, hunting grounds.

ANNOTATION. Introduction. Information support of the sphere of use and protection of wildlife objects belongs to the number of theoretical and legal problems, little studied in the Russian legal science. The diversity of scientists' points of view on the issue of sources of information function indicates the absence in the doctrine of environmental law of a unified approach to the main theoretical and practical issues of cadastral accounting function of environmental management. **Methods.** In the article the methodological basis is represented by a set of philosophical, general scientific and particular scientific (analysis, synthesis, concrete-historical, logical method, etc.) methods of cognition. **Results.** The main results of the study are the development of the methodology of accounting of animal species not referred to the objects of hunting and fishing, taking into account their specificity and role in ensuring the balance in nature. It is proposed to improve the methodology of accounting of wildlife objects on the basis of geographical information system; to improve the system of accounting of the number of wildlife species in the assigned hunting grounds. The author in the article analyzes the peculiarities of the state monitoring, accounting and cadastre of fauna objects, determines the problems of legal regulation and at the same time offers their solutions. In order to increase the efficiency of the information function, it is proposed to use the positive experience of other countries that are members of the Commonwealth of Independent States.

МЕТОДЫ

Методологическую основу представленных в статье результатов нашего исследования составила совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов познания. Исследование было построено с учетом приоритета таких философско-мировоззренческих идеалов и ценностей, как правовое государство, обеспечение реализации правовых мер в целях достижения баланса интересов. Избранная авторами методология опиралась на изучение генезиса и состояния разработанности темы, и, как следствие, использование метода догматической обработки и толкования действующего законодательства в области охраны и использования объектов животного мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В доктрине экологического права отмечается, что посредством учетной функции происходит реализация на практике сведений информационного характера. Подобные сведения аккумулируются органами государственной власти [1, с. 58]. При этом в состав информационной функции государственного экологического управления включается функция кадастра, учета природных ресурсов [2, с. 102]. По мнению Н.В. Талапиной, источником экологической информации являются государственный кадастр ресурсов природы, государственный статистический учет и отчет-

ность, а также регистр опасных химических и биологических веществ [3, с. 23]. Напротив, Н.Н. Федосеева отграничивает информационное обеспечение от ведения государственного учета в области охраны объектов природы. Многообразие точек зрения ученых по вопросу об источниках информационной функции свидетельствует об отсутствии в доктрине экологического права единого мнения о сущности и содержании теоретических и практических аспектов учетной функции экологического управления [4, с. 18].

Действующее законодательство о животном мире закрепляет многообразие источников информационной функции применительно к отдельным видам объектов животного мира. В частности, нормы закона о животном мире закрепляют условия осуществления государственного учета, кадастра диких животных. В отношении ресурсов охоты государственный кадастр ведется в форме охотхозяйственного реестра. Государственный кадастр редких видов диких животных ведется в форме Красной книги Российской Федерации и красных книг субъектов Российской Федерации. В соответствии с нормами Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» государственный рыбохозяйственный реестр осуществляется посредством систематизированного свода документированной инфор-

мации об использовании и сохранении водных биологических ресурсов.

В области охраны и использования диких животных в качестве информационного источника особую роль выполняют отчеты. Их значение обусловлено тем, что отчеты содержат сведения статистического характера. К примеру, все хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность в области использования животного мира, обязаны представлять отчеты по утвержденной органами государственной власти форме [5, с. 85]. Указанные субъекты представляют отчеты в органы Федерального агентства по рыболовству, включая сведения о водных биоресурсах и объектах товарной аквакультуры¹. Государственный учет диких животных основан на наблюдении за состоянием объектов животного мира и среды их обитания. Это сложная система мероприятий, включающая сбор и анализ сведений о численности и видовом многообразии диких животных, их распространении на той или иной определенной территории, о постоянной среде их обитания. Термин «учет» имеет несколько значений: «принятие во внимание; установление наличия посредством подсчета; регистрация с включением в специальные списки» [6, с. 19]. М.М. Бринчук считает, что в доктрине экологического права данный термин используется во всех перечисленных значениях. Государственный учет диких животных осуществляется органами государственной власти, их деятельность заключается в формировании учетных данных на основе сведений, предоставляемых из разных источников [7, с. 45].

Представляемые сведения о численности и видах объектов животного мира, имеющихся на определенной территории, позволяют организовать эффективное государственное управление в этой сфере. Правовая основа ведения государственного учета, кадастра, мониторинга объектов животного мира утверждена Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 963². Действие установленных этим приказом норм направлено на обеспечение информационной функции государства в области сохранения и устойчивого использования диких животных.

Особенности осуществления учета охотничьих ресурсов определены нормами Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данные особенности обусловлены видами охотничьих угодий. Одной из них, к примеру, является проведение учета диких

животных на общедоступных охотничьих угодьях сотрудниками органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации³.

Основные требования к ведению мониторинга объектов животного мира, являющихся ресурсами охоты, и среды их обитания утверждены Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Государственный мониторинг проводится методом зимнего маршрутного учета. Данные методологические требования применяются органами государственной власти Российской Федерации, осуществляющими учет на общедоступных охотничьих угодьях. Однако в нормативном правовом акте отсутствует информация о методах и способах учета охотничьих ресурсов на закрепленных охотничьих угодьях. Таким образом, охотпользователь не обладает четким представлением о методах учета диких животных на закрепленных охотничьих угодьях. Поскольку иных методов законодатель не предусмотрел, следует предположить, что охотпользователи должны использовать метод зимнего маршрутного учета.

В обязанности охотпользователей входит осуществление ежегодного учета охотничьих ресурсов и предоставление информации об объемах их изъятия. Учетные сведения необходимо предоставлять в уполномоченный государственный орган по охране, федеральному государственному надзору и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания. Этот орган анализирует предоставленные сведения и организует публикацию материалов кадастра и учета в ежегодном государственном докладе о состоянии охраны природной среды в Российской Федерации.

Верховный Суд Российской Федерации указал на правомерность выполнения охотпользователями обязанности по предоставлению в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации сведений о численности объектов животного мира, являющихся ресурсами охоты, и о ее изменениях на закрепленных охотничьих угодьях в субъектах Российской Федерации. Подобное требование закрепляется в охотхозяйственном соглашении и в полной мере согласуется с нормами статей Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире». Исходя из норм действующего законодательства о животном мире, следует говорить о том, что охотпользователи обязаны выполнять оценку состояния среды обитания диких животных без определения критериев данной оценки. При этом Верховный Суд установил, что охотпользователи не обязаны предоставлять сведения по учету данных по ви-

¹ Приказ Росстата от 25.04.2017 № 291 «Об утверждении статистического инструментария для организации Федеральным агентством по рыболовству федерального статистического наблюдения за уловом рыбы, добычей других водных биоресурсов и изъятием объектов товарной аквакультуры (товарного рыбоводства)» // СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22.12.2011 № 963 «Об утверждении порядка ведения государственного учета, кадастра и государственного мониторинга объектов животного мира» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 19.

³ См., например: Положение о Министерстве лесного и охотничьего хозяйства Оренбургской области. Утв. указом Губернатора Оренбургской области от 19.01.2011 № 16-ук // Оренбуржье. 08.02.2011. № 18.

дам, категориям и площади территории обитания диких животных¹.

Основной целью государственного мониторинга является получение сведений о численном составе охотничьих ресурсов. Эти сведения являются основой для формирования нормативов изъятия ресурсов охоты. То есть лимиты на добычу диких животных напрямую зависят от результата учетной деятельности. Поэтому нередко случается, что в целях получения более высоких квот на добычу диких животных того или иного конкретного вида пользователями закрепленных угодий завышается численность представителей этого вида на территориях данных угодий. На подобные факты указывают специалисты, отмечая, что в процессе осуществления учета возникает много ошибок со стороны охотпользователей. Эти ошибки создают условия для преднамеренного завышения численности объектов животного мира, что зачастую обусловлено желанием приобрести завышенные квоты.

Таким образом, очевидно, что предоставляемые охотпользователями недостоверные сведения о численности диких животных, относящихся к категории охотничьих ресурсов, позволяют им приобрести большее количество разрешений на добычу диких животных соответствующего вида. При этом осуществить проверку предоставленных охотпользователями данных о численном составе объектов животного мира невозможно. Это связано с особенностями методики зимнего маршрутного учета и ведения учета. Подчеркнем, что существующая методика ведения учета ресурсов охоты на территории закрепленных охотничьих угодий не позволяет получать полностью достоверные сведения о численности диких животных, их видовом разнообразии и распространении. Поэтому считаем целесообразным внести изменения в порядок ведения учета диких животных на территории субъектов Российской Федерации. В частности, необходимо передать полномочия по его ведению на закрепленных охотничьих угодьях инспекторам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Во-первых, это позволит аккумулировать сведения о численном составе объектов животного мира в целом по региону (мигрирующее из одного охотничьего угодья в другое дикое животное может быть учтено несколько раз разными охотпользователями, а единый учет, осуществляемый одновременно на территории нескольких охотничьих угодий, позволит предотвратить подобные случаи). Во-вторых, ведение учета государственными инспекторами обеспечит получение более точной и достоверной информации о видовом многообразии и количественном составе диких животных. При этом очень важно иметь в виду, что государственные инспекторы не заинтересованы в завышении количества объектов животного мира.

Мониторинг редких, находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных осуществляется на основании Приказа Министерства природных ресурсов Российской Федерации от

6 апреля 2004 г. № 323 «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов». Такой мониторинг предусматривает систему сбора и учета данных о диких животных и среде их обитания. Требования по ведению специального мониторинга «краснокнижных» видов диких животных Федеральным законом «О животном мире» не предусмотрено. Поэтому в отношении них применяются общие правила, установленные для ведения мониторинга всех видов диких животных. Эти общие правила установлены Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 963. Таким образом, можно констатировать, что в отечественном законодательстве нет нормативного правового акта, который регламентировал бы особенности организации и ведения мониторинга редких видов диких животных.

Согласно действующему законодательству государственный мониторинг диких животных, не относящихся к категории ресурсов охоты и рыболовства, предусматривает получение и обработку информации о количественной динамике данных видов и состоянии среды их обитания. При этом остается неурегулированным вопрос о методике их учета. Поскольку методика учета рассматриваемых видов диких животных не разработана, то такой учет осуществляется в соответствии с существующими научными подходами для видов или групп видов объектов животного мира. Данное обстоятельство закреплено в действующем законодательстве, однако при этом не раскрываются понятие и сущность научных подходов. Непонятно также, кто должен разрабатывать и утверждать эти подходы. В то же время следует отметить, что нет методических указаний по ведению учета диких животных, не относящихся к категории охотничьих ресурсов и водных биологических ресурсов, сотрудниками органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Осуществление государственного учета и мониторинга диких животных приводит к выявлению происходящих изменений, на основе чего проводится оценка состояния объектов животного мира и среды их обитания, а также прогнозирование динамики учитываемых показателей. Как показывает практика, одной из наиболее серьезных проблем функционирования системы учета и мониторинга рассматриваемого нами вида является отсутствие современных подходов к организационным и методическим аспектам их проведения.

В юридической литературе отмечается, что в ряде научных учреждений проходят научно-методические изыскания в направлении решения этой проблемы. Однако подобные разработки не находят дальнейшего развития по причине отсутствия государственного финансирования [8, с. 10]. Следствием указанного обстоятельства оказывается низкий технологический уровень организации учета и мониторинга, не отвечающий современным требованиям развития технологий. Сбор, анализ первичной информации

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2011 № ГКПИ11-415 // СПС «Консультант Плюс. Судебная практика».

о количестве объектов животного мира и состоянии среды их обитания, прогнозирование динамики соответствующих показателей необходимо осуществлять на основе современных подходов, включая использование дистанционных методов и ГИС-технологий¹. Подобные средства должны заменить существующие в настоящее время устаревшие методы сбора данных об объектах животного мира. Повсеместное внедрение современных технологий учета и мониторинга диких животных следует считать приоритетной задачей в деятельности по оценке и инвентаризации мест обитания объектов животного мира.

Все сведения государственного учета и мониторинга отражаются в государственном кадастре. Кадастр следует рассматривать как единый свод информации, который составляется периодически или посредством постоянных наблюдений [9, с. 31]. Государственный кадастр диких животных относится к числу форм учетной документации. В соответствии с действующим законодательством о животном мире государственный кадастр диких животных представляет собой систему сведений о географическом распространении и численности объектов животного мира, состоянии среды их обитания и об их хозяйственном использовании [8, с. 8].

Для каждого вида диких животных законодатель предлагает определенную форму ведения кадастра. К примеру, кадастр охотничьих ресурсов ведется органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в форме охотхозяйственного реестра. Государственный кадастр редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных реализуется в форме Красной книги Российской Федерации и красных книг субъектов Российской Федерации. Данная форма кадастра объединяет информацию о группах статуса редкости, о мерах охраны [10, с. 17], о количественном и качественном состоянии и распространении на территории Российской Федерации, включая континентальный шельф и исключительную экономическую зону Российской Федерации. Формирование Красной книги Российской Федерации относится к ведению Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Кадастр водных биоресурсов реализуется в форме рыбохозяйственного реестра. Данная форма надзора направлена на аккумуляцию сведений о количественных и качественных показателях водных биологических ресурсов и среде их обитания [11, с. 56]. Рыбохозяйственный реестр находится в федеральном ведении, его ведет Федеральное агентство по рыболовству.

В отношении диких животных, не отнесенных к категории объектов охоты и рыболовства, действующим законодательством о животном мире установлена отдельная самостоятельная форма кадастра. Предусмотрено составление перечня указанных видов диких животных, имеющих на территории субъектов Российской Федера-

ции [12, с. 140]. Данный перечень включает сведения о количественном и качественном состоянии объектов животного мира и среде их обитания.

Таким образом, в настоящее время государственный кадастр диких животных включает в себя сведения информационного характера по каждому виду объектов животного мира. Эта информация собирается, анализируется, обобщается органами государственной власти и охотпользователями. В итоге единой базы сведений государственного кадастра объектов животного мира до сих пор не сформировано.

Приоритетной задачей осуществления государственного кадастра является обеспечение условий исследования объектов животного мира и контроля за изменениями количественных и качественных показателей, имеющих отношение к диким животным [13, с. 3]. Решение данной задачи возможно, по нашему мнению, с помощью создания единой информационной базы, включающей сведения об объектах животного мира всех видов.

Считаем, что целесообразно использовать в России положительный опыт ведения кадастра объектов животного мира, накопленный в Республике Беларусь. Ведение кадастра там осуществляется на комплексной основе. В частности, объединены данные, касающиеся охотхозяйственных ресурсов, водных биологических ресурсов, видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, и всего генетического фонда диких животных [14, с. 53]. Ведение кадастра объектов животного мира осуществляется Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, что позволяет проводить одним государственным органом полный свод информации, характеризующей состояние объектов животного мира и среды их обитания.

Комплексный характер информации, содержащейся в кадастре объектов животного мира, позволяет интерпретировать и систематизировать ее оперативно и на современном уровне. Анализ опыта ведения кадастра диких животных в Республике Беларусь позволяет сделать вывод об эффективности создания единой базы кадастра, объединяющей в себе сведения обо всех видах диких животных [15, с. 30]. Подобную практику необходимо использовать и в Российской Федерации, что способствует обеспечению сохранности популяций диких животных и их устойчивое рациональное использование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению основных результатов нашего исследования, считаем важным обратить внимание на то, что для повышения эффективности организации и ведения государственного кадастра объектов животного мира необходимо, как представляется, предпринять следующие меры:

1) для комплексного учета сведений о численности диких животных, не отнесенных к катего-

¹ ГИС – географические информационные системы. Эти компьютерные технологии применяют для создания карт и оценки фактически существующих объектов, а также происшествий. Такие системы собирают, хранят и анализируют информацию, а также обеспечивают ее графическую интерпретацию (инф. с сайта «РБК Тренды» // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61f8fb399a7947618807cc41>).

рии объектов охоты и рыболовства, разработать методику учета данных видов животных, принимающую во внимание их специфику и роль в обеспечении баланса в природе, дополняющую применяемые ныне научные подходы;

2) с целью повышения эффективности организации государственного мониторинга охотничьих ресурсов, во-первых, передать полномочия по осуществлению количественного учета видов диких животных на закрепленных охотничьих угодьях от охотпользователей органам государственной

власти субъектов Российской Федерации; во-вторых, увеличить охват территорий, в границах которых осуществляется учет, что позволит максимально точно учитывать количественный состав мигрирующих охотничьих ресурсов;

3) усовершенствовать методику учета объектов животного мира на основе внедрения ГИС-технологий, что позволит на комплексной основе оценивать качественные и количественные показатели, характеризующие объекты животного мира и среду их обитания. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федосеева Н.Н. Информационная функция современного государства // Юрист. 2007. № 6. С. 58-62.
2. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 101-107.
3. Талапина Э.В. К вопросу об информационной функции государства // Информационное общество. 2002. № 1. С. 20-28.
4. Федосеева Н.Н. Информационная функция в системе функций государства // Информационное право. 2008. № 4. С. 17-21.
5. Мисник Г.А. Право на доступ к экологической информации // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 83-92.
6. Нестеров А.В. О праве на доступ к информации о деятельности государственных органов // Информационное право. 2007. № 2. С. 16-21.
7. Бринчук М.М. Правовой механизм подготовки и принятия экологически значимых решений // Государство и право. 2000. № 9. С. 38-52.
8. Кривенко В.Г., Мирутенко М.В., Равкин Е.С., Кузякин В.А., Виноградов В.Г. Кадастр животного мира - история становления и современное состояние // Аграрная Россия. 2005. № 6. С. 3-12.
9. Просвирнин Ю.Г. Информационная функция государства // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 29-35.
10. Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики. М.: Юрист, 2003. 321 с.
11. Петрова Т.В. Правовые проблемы экономического механизма охраны окружающей среды. М.: Зерцало, 2000. 185 с.
12. Боголюбов С.А., Мухина Э.Н. Гражданско-правовые подходы к природопользованию. Аналитический обзор // Аграрное и земельное право. 2009. № 9. С. 139-147.
13. Азизов Р.Ф. Правовая информация: теоретические аспекты понимания и особенности законодательного закрепления // История государства и права. 2007. № 4. С. 3-5.
14. Бачило И.Л., Литопольский А.А., Белов Г.В. и др. Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 7. С. 53-62.
15. Зверева Е.А. Информация как объект неимущественных гражданских прав // Право и экономика. 2003. № 9. С. 28-33.

REFERENCES

1. Fedoseeva N.N. Information function of the modern state // Jurist. 2007. № 6. С. 58-62.
2. Morozova L.A. Influence of globalization on the functions of the state // State and Law. 2006. № 6. С. 101-107.
3. Talapina E.V. Toward the question of the information function of the state // Information Society. 2002. № 1. С. 20-28.
4. Fedoseeva N.N. Information function in the system of functions of the state // Information law. 2008. № 4. С. 17-21.
5. Misnik G.A. The right of access to environmental information // Journal of Russian law. 2007. № 2. С. 83-92.
6. Nesterov A.V. About the right of access to information about the activity of state bodies // Information law. 2007. № 2. С. 16-21.
7. Brinchuk M.M. Legal mechanism of preparation and adoption of ecologically significant decisions // State and Law. 2000. № 9. С. 38-52.
8. Krivenko V.G., Mirutenko M.V., Ravkin E.S., Kuzyakin V.A., Vinogradov V.G. Wildlife Cadastre - history of formation and current state // Agrarian Russia. 2005. № 6. С. 3-12.
9. Prosvirnin Y.G. Information function of the state // Journal of the Russian law. 2002. № 3. С. 29-35.
10. Kopylov V.A. Information Law: Issues of Theory and Practice. Moscow: Yurist, 2003. 321 с.
11. Petrova T.B. Legal problems of the economic mechanism of environmental protection. M.: Zertsalo, 2000. 185s.

12. Bogolyubov S.A., Mukhina E.N. Civil-legal approaches to nature management. Analytical review // *Agrarnoe i zemlennoe pravo*. 2009. № 9. С. 139-147.
13. Azizov R.F. Legal information: theoretical aspects of understanding and peculiarities of legislative fixation // *History of State and Law*. 2007. № 4. С. 3-5.
14. Bachilo I.L., Litopolsky A.A., Belov G.V. et al. Concept of development of information legislation in the Russian Federation // *State and Law*. 2005. № 7. С. 53-62.
15. Zvereva E.A. Information as an object of non-property civil rights // *Law and Economics*. 2003. № 9. С. 28-33.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Иванова С.В., Унгурян Ю.Л., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванова С.В., Унгурян Ю.Л. Государственный мониторинг, учёт и кадастр объектов животного мира: проблемы реализации // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 1 (75). С. 111-117.

Ашхен Сергеевна ГЕВОРГЯН,

кандидат политических наук, ORCID 0000-0003-0644-5126
Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)
доцент кафедры политологии и этнополитики
ashkhen-aroyan@yandex.ru

Анна Александровна КРИЦКАЯ,

кандидат политических наук, ORCID 0000-0001-5890-0528
Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)
доцент кафедры политологии и этнополитики
enigmaann@bk.ru

Научная статья
УДК 323:504.06

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Безопасность, экологическая безопасность, государство, политика, государственная политика, стратегия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Исследование, проведенное авторами статьи, посвящено разработке рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности. В настоящее время забота об экологической безопасности является неотъемлемой частью политики любого развитого государства, обеспеченного экологической обстановкой в стране, а также качеством жизни и здоровьем своих граждан и будущих поколений. Проблемы качества состояния окружающей среды, активная производственно-хозяйственная деятельность и другие формы антропогенного воздействия на окружающую среду оказывают прямое влияние на уровень экологической безопасности. Для того чтобы взять под контроль решение существующих проблем и предотвратить возникновение новых, необходимо проведение грамотной государственной экологической политики.

Методы. В ходе исследования были использованы следующие методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, классификация, исторический анализ, моделирование, методы системного и статистического анализа, анализ нормативно-правовых документов, метод сравнения. **Результаты.** Разработанные авторами статьи предложения по совершенствованию механизмов обеспечения экологической безопасности в силу своей универсальности могут быть использованы в разных регионах Российской Федерации. В этих целях требуется выработать и планомерно воплощать в жизнь единую политику государства в сфере экологической безопасности и сохранения природных ресурсов, нацеленную на сбережение окружающей среды, оправданное и рациональное применение и добычу природных возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. При этом приоритетной задачей должно стать сбережение и восстановление природных систем.

ВВЕДЕНИЕ

Экологические проблемы не только связаны с нанесением вреда природе, здоровью населения, но и приводят к значительным экономическим потерям. Масштабы загрязнения окружающей среды возросли настолько, что на ликвидацию их последствий ежегодно затрачивается около 1% от бюджета России, а это порядка 75 миллиардов рублей. Причем, по мнению экологов, этого недостаточно, чтобы содержать в чистоте шестую часть суши Земли. В 2018 году Россия в рейтинге наиболее экологически чистых стран

мира, составляемом Центром экологической политики и права при Йельском университете, находилась только на 52 месте. По мнению ряда официальных представителей Всемирной Организации Здравоохранения, народ Российской Федерации находится на грани вырождения. Такой вывод они делают на основании следующих данных: средняя продолжительность жизни у мужчин составляет 68,5 лет, у женщин – 78,5; по статистике каждый десятый ребенок в России рождается с умственными или физическими отклонениями на генном уровне; в городах с крупными промышленными

Ashkhen S. GEVORGYAN,

Cand. Sci. (Politics), ORCID 0000-0003-0644-5126

South Russian Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Rostov-on-Don, Russia)
Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics
ashkhen-aroyan@yandex.ru

Anna A. KRITSKAYA,

Cand. Sci. (Politics), ORCID 0000-0001-5890-0528

South Russian Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Rostov-on-Don, Russia)
Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics
enigmaann@bk.ru

STATE POLICY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY

KEYWORDS. Safety, environmental safety, state, politics, public policy, strategy.

ANNOTATION. Introduction. The article is devoted to the development of recommendations for improving state policy in the field of environmental safety. Currently, environmental safety is an integral part of the policy of any developed state concerned about the environmental situation in the country, as well as the quality of life and health of its citizens and future generations. The problems of the quality of the environment, active industrial and economic activities and other forms of anthropogenic impact on the environment have a direct impact on the level of environmental safety. In order to take control of existing problems and prevent the emergence of new ones, it is necessary to conduct a competent state environmental policy. **Methods.** The following methods of scientific cognition are used in the work: analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, classification, historical analysis, modeling, methods of systematic and statistical analysis, analysis of normative legal documents, the method of comparison. **Results.** The developed proposals for improving environmental safety mechanisms, due to their versatility, can be used in other regions of the Russian Federation. To this end, it is necessary to create and systematically implement a unified state policy in the field of environmental safety and conservation of natural resources aimed at preserving the environment, justifiable and rational use and extraction of natural renewable and non-renewable resources. At the same time, conservation and restoration of natural systems should be a priority.

предприятиями люди страдают от иммунологической недостаточности; только 15-20% населения России дышат воздухом, соответствующим нормам качества. Перечень экологических проблем довольно широк и постоянно пополняется, но и представленная выше картина ярко иллюстрирует масштабность, серьезность, а главное актуальность рассматриваемых вопросов [1].

В системе государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности имеются проблемы, которые являются причинами не только стагнации в деятельности по улучшению состояния экологической обстановки, но и появления и развития различных экологических угроз, влияющих на здоровье людей и безопасность окружающей их среды. Современные направления деятельности и тенденции развития проблем указывают на невысокий уровень эффективности действующей системы управления, который во многом является следствием несовершенства экологического законодательства. Описываемые проблемы ведут к ухудшению экологической ситуации в России, что является прямой угрозой национальной безопасности страны.

По нашему мнению, в настоящее время не уделяется достаточного внимания созданию системного комплекса методов регулирования экологического законодательства. Существующий законодательно закрепленный подход направлен преимущественно на регулирование сфер, свя-

занных с проблемами в наименьшей степени, что ведет к деградации общей экологической ситуации. Из поля зрения законодательства выпадают вопросы, нерешенность которых может обернуться возникновением серьезных экологических проблем, затрагивающих безопасность и здоровье всего населения.

В последние годы наблюдаются попытки совершенствования экологического законодательства на федеральном уровне. Кроме того, проявила себя тенденция к внедрению и развитию экологического образования и экологической культуры у населения.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, были использованы следующие методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, классификация, исторический анализ, моделирование, методы системного и статистического анализа, анализ нормативно-правовых документов, метод сравнения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вопросы обеспечения экологической безопасности с управленческой точки зрения рассмотрены в научных работах не в полной мере. Так, например, недостаточно изучено влияние чрезвычайных ситуаций на экономическую и социальную сферы, а также влияние экологического состояния региона на здоровье его населения.

Особое внимание реализации национального проекта «Экология» уделяется в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. В рамках этого проекта в нашей стране должна сформироваться полноценная система экологического мониторинга, крупнейшие промышленные предприятия должны осуществить переход на наилучшие доступные технологии для снижения вредного воздействия на окружающую среду, завершить внедрение системы раздельного сбора отходов в стране [2, с. 90].

Понимая важность экологической безопасности Российской Федерации, руководство нашего государства регулярно подчеркивает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в этой сфере. 19 апреля 2017 года Президент России В.В. Путин подписал Указ № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». В этом указе устанавливаются генеральные направления и задачи общегосударственной политики в области обеспечения экологической безопасности [3].

Экологическая безопасность – это состояние защищенности жизненно важных экологических интересов человека, прежде всего его прав на чистую, здоровую, благоприятную для жизни окружающую природную среду, которое возникает по достижении сбалансированности между существованием внешней среды и хозяйственной деятельностью людей при условии, что уровень нагрузок на внешнюю среду будет ниже, чем способность среды к самостоятельному восстановлению.

В качестве объектов экологической безопасности выступают геосоциоэкосистемы разных уровней (глобальный, национальный, региональный, местный, отдельная организация или человек), которые могут быть подвержены экологическим угрозам – прогнозируемым последствиям либо потенциальным вариантам развития катастрофических случаев, вызванным изменениями в состоянии природной среды, способными причинить вред личности, обществу, государству.

Экологическая безопасность предполагает, в частности:

- устойчивую и структурно-функциональную организацию природных экосистем;
- сохранность биологического разнообразия экосистем.

Обеспечение безопасности в области экологии является частью государственной политики и функцией государства, элементом системы национальной безопасности. Здесь необходимо заметить, что среди составляющих национальной безопасности именно вопросы экологической безопасности разработаны в наибольшем объеме.

Термин «государственная экологическая политика» довольно широко используется в различных нормативных правовых актах, официальных концептуальных, доктринальных и программных документах, а также в специальной и научной литературе, хотя на законодательном уровне его определение не закреплено, что значительно затрудняет понимание сущности рассматриваемого понятия. Так, например, В.В. Круглов и В.В. Варак-

син считают, что под «экологической политикой» необходимо понимать целенаправленную и систематическую деятельность государственных органов власти, нацеленную на оздоровление и охрану окружающей природы, возобновление, а также рациональное использование ресурсов природы возобновляемого типа, на охрану и экологическое развитие социальной среды, которая смогла бы обеспечить экологическую безопасность и нормальную человеческую жизнедеятельность» [4, с. 26].

По мнению О.С. Сергеевой, государственная экологическая политика представляет собой различные меры, реализуемые государством в связи с тем, что оно «возлагает на себя ответственность за актуальное и перспективное состояние окружающей среды, осуществляя функции по экологической безопасности граждан государства» [5, с. 65].

Е.А. Дюсенов отмечает, что государственная политика в сфере экологии включает в себя задачи программы и планирования сохранения ресурсного потенциала в целях развития человеческого капитала, что делает актуальным решение проблем рационального и необходимого влияния на окружающую среду, а также проблем экологического просвещения и воспитания, приобщения граждан к эколого-рациональному поведению [6].

С.В. Брусницына и О.В. Кузнецова указывают на то, что «публичная власть, имеющая конституционную ответственность за сохранение окружающей природы, должна принимать соответствующие меры, нацеленные на сохранение природы от загрязнения, а также на минимизацию и раннее предупреждение экологических катастроф и рисков» [7, с. 29].

В основном исследователями внимание акцентируется на таких аспектах, как «деятельность государственных органов», «решения и действия органов государственной власти», «способы и средства государства». На наш взгляд, очевидным является тот факт, что экологическую политику государства нельзя представить в виде идей или концепций, так как каждая концепция требует воплощения на практике, что не представляется возможным без осуществления определенной деятельности.

Кроме того, считаем нецелесообразным ограничение государственной экологической политики различными средствами и мерами, которые государство использует в процессе ее реализации, так как, несмотря на их важность, по своему существу они являются только инструментарием, необходимым для достижения конкретной цели и решения соответствующих задач. В связи с этим государственную экологическую политику следует рассматривать в более широком смысле, включая в ее содержание идеи, концепции, принципы, представления о цели и задачах государственной деятельности в сфере экологии и охраны окружающей среды, а также правовые и иные способы и средства наряду с фактической деятельностью государства в экологической сфере. Соответственно, принципиально важным является вопрос о целях и задачах государственной политики в сфере экологии.

Под экологической политикой понимают деятельность государственного аппарата Российской Федерации, общественных (коммерческих и некоммерческих) организаций, физических и юридических лиц, а также общества, основанную на законодательстве Российской Федерации, главной целью которой является устойчивое поддержание и развитие жизнедеятельности системы.

В центре внимания экологической политики находятся следующие задачи:

- повышение качества использования природных ресурсов, предотвращение их потерь, оказание содействия по их возобновлению;

- снижение негативного воздействия на окружающую среду в результате предотвращения загрязнения и деятельности по организации хранения отходов.

Региональная экологическая политика представляет собой комплекс управленческих мер, которые предпринимаются на уровнях отдельных субъектов федерации (территорий) с учетом имеющиеся природных, географических, социальных, политических и экономических особенностей.

Обязанности по принятию решений в вопросах экологии и по контролю за экологической ситуацией в регионах по большей части возложены на государственные органы. Эти органы не в состоянии в полной мере исполнять данные обязанности [8, с. 69].

В соответствии с приведенными выше определениями исполнения стратегических планов относительно политики государства в области экологии, которая сейчас является прерогативой уполномоченных органов законодательной и исполнительной власти, должно проводиться с учетом особенностей природной среды. При этом необходимо осуществлять деятельность по организации развития региональных природоохранных систем, выполнять соответствующие социально-экономические функции, способствовать рациональному использованию ресурсов внешней среды.

Основами государственной политики экологического развития на период до 2030 года зафиксировано, что под стратегической целью экологической государственной политики понимается разрешение социально-экономических задач, которые обеспечивают рост экономики согласно экологическим требованиям, сбережение благоприятной и чистой окружающей природы, наличие растительного и животного разнообразия, природных ресурсов для полноценной жизнедеятельности граждан в настоящее время и в будущем, реализации прав человека и гражданина на благоприятную среду для жизнедеятельности, а также укрепление и организацию правового порядка в сфере охраны окружающей среды и поддержания экологической безопасности.

Вполне обоснованным является вопрос о том, могут ли стратегическую цель экологической политики государства составлять решения социально-экономических задач, учитывая даже необходимость обеспечения экологически ориентированного экономического роста. Природа,

способная удовлетворять различные потребности человека, представляет собой основу его жизни, существования и деятельности. Экономическим потенциалом природных ресурсов предопределяется их значимость для социального и экономического общественного развития. Именно поэтому акцентирование внимания на социально-экономическом развитии в документах, определяющих цели и задачи государственной экологической политики, является научно обоснованным и объективным [8].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, государственная экологическая политика включает в свое содержание идеи, концепции, принципы, представления о цели и задачах государственной деятельности в сфере экологии и охраны окружающей среды, а также правовые и иные способы и средства наряду с фактической деятельностью государства в экологической сфере. Универсальную стратегическую цель государственной экологической политики можно выразить как сохранение и восстановление благоприятного состояния окружающей среды, объективно обусловленные необходимостью решения соответствующих задач как экологического, так и экономического характера. Наряду с этим для сохранности и восстановления благоприятного состояния окружающей среды требуется модернизация экономики Российской Федерации в целом, включая природо- и ресурсосберегающие, малоотходные, безотходные и другие современные технологии.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов относятся вопросы и проблемы в области природоохраны и природопользования, обеспечения безопасности окружающей экологической среды. Вместе с тем очевидно, что эффективность экологической политики зависит от рационального распределения полномочий в сфере окружающей среды между федеральными и региональными органами исполнительной власти. На федеральном уровне вопросами организации охраны окружающей среды и управления этой деятельностью занимаются органы Министерства природных ресурсов и экологии (Минприроды России) [10], Министерства сельского хозяйства (Минсельхоз России) [11], а также подведомственное ему Федеральное агентство по рыболовству [12]. Обычно выработка государственной политики министерствами производится посредством нормативно-правового регулирования в области сохранения и охраны окружающей природы.

Немаловажная роль в данной сфере отведена и органам регионального уровня, так как у них имеется практическая полнота полномочий в сфере лесных, водных ресурсов, ведения охотничьей деятельности граждан. На региональном уровне, в частности, осуществляется управление участками недр местного значения, формируются и оберегаются особо охраняемые территории и природные заповедники.

На федеральном уровне Минприроды России производятся анализ, планирование и перспектив-

ная разработка политики государства в сфере охраны природы, ее нормативно-правовое регулирование, функциональное распределение обязанностей и полномочий между органами власти, ответственными за природоохранную деятельность, обеспечивается выполнение данных полномочий субъектами Российской Федерации [13]. Кроме того, на федеральном уровне происходит нормирование воздействия, производится администрирование платы за результаты негативного воздействия объектов предпринимательской и добывающей деятельности на окружающую природу, ведется мониторинг состояния природной среды, уровня ее загрязнения, в том числе проводится активная государственная политика по информированию граждан и органов власти об организуемых и проводимых мероприятиях [14]. Федеральными государственными органами совместно с органами власти субъектов Российской Федерации реализуются проекты, направленные на ликвидацию экологического ущерба, накопленного в связи с хозяйственной деятельностью в прошлом.

В России на региональном и федеральном уровнях регулярно проводятся контрольные и надзорные мероприятия, осуществляются мониторинговые функции по соблюдению требований законодательства в сфере природоохраны, ведется государственная экспертиза природной среды, формируются и сохраняются природные территории, требующие особой защиты, ведется изыскание причиненного окружающей среде ущерба. Разделение полномочий по охране природной среды между Российской Федерацией и ее субъектами производится на основании принципа разделения объектов, в отношении которых осуществляются федеральные или региональные полномочия органов власти.

Согласно перечню объектов государственного экологического контроля, утверждаемого Мин-

природы России, по отдельным субъектам федерации происходит разделение на региональный и федеральный экологический надзор. В перечень входят хозяйственные объекты, находящиеся в ведении Российской Федерации, и объекты, которыми производится негативное воздействие на природу [15]. Объекты для включения в перечень определяются на основании показателей и основных критериев негативного воздействия на природу. Не входят в этот перечень хозяйственные объекты, которые находятся в ведении экологического контроля регионального уровня. Результатом надзорной деятельности региональных органов власти становится наложение взысканий на ответственных лиц за причинение ущерба природной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологическая доктрина Российской Федерации является документом, который фиксирует основы государственной политики Российской Федерации в области экологии. Доктрина устанавливает, что устойчивое и динамичное развитие государства, поддержание высокого уровня жизни и здоровьесбережение населения, в том числе всеобщая национальная безопасность, должны обеспечиваться исключительно при условии сбережения всех систем природы и окружающей среды, а также поддержания высокого качества окружающей природы и пространства для жизнедеятельности граждан. С этой целью требуется разрабатывать и планомерно воплощать в жизнь единую политику государства в сфере экологической безопасности и сохранения природных ресурсов, нацеленную на сбережение окружающей среды, оправданное и рациональное использование природных возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. При этом приоритетной задачей должно быть сбережение и восстановление природных систем. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аббасов П.Р., Васильев В.А. Формирование эколого-правовой культуры работников и работодателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 49-53.
2. Быковский В.К. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 2 (7). С. 90-99.
3. Глинский В.В., Серга Л.К., Хван М.С. Об оценке уровня экологической безопасности территорий // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 159-165.
4. Круглов В.В., Вараксин В.В. О государственной экологической политике в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 26-31.
5. Сергеева О.С. Государственная политика в сфере обеспечения экологической безопасности граждан // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 65-71.
6. Дюсенов Е.А. Актуальные вопросы экологизации законодательства // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61). С. 58-66.
7. Брусницына С.В., Кузнецова О.В. Органы государственной власти, обеспечивающие охрану права на благоприятную окружающую среду // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 3. С. 28-44.
8. Гиззатуллин Р.Х. Рациональное природопользование и его соотношение с охраной окружающей среды // Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход. Тезисы докладов международной научно-практической конференции (Москва, 11 апреля 2014 г.). М.: Инфра-М, 2015. С. 69-73.
9. Ерохина Е.В., Летута Т.В., Шагивалеева И.З. Право на экологическую безопасность несовершеннолетних. Вопросы защиты и профилактики нарушений // Закон и право. 2020. № 3. С. 23-28.

10. Иваненко И.И., Лапатина Е.Я., Красавина Т.А. Исследования удаления нефтесодержащих загрязнений микроорганизмами // Вода и экология: проблемы и решения. 2019. № 4 (80). С. 30-36.
11. Каранда А.В. Экологическая политика: понятие, виды, принципы // Молодой учёный. 2020. № 3 (293). С. 352-345.
12. Колбасов О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) // Советское государство и право. 1988. № 12. С. 47-55.
13. Короткоручко Д.Ю., Орехова В.И., Алиев М.А.О., Римарев М.А. Современные методы защиты и очистки вод от загрязнения нефтепродуктами // Научные исследования. 2018. № 6 (26). С. 10-16.
14. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 165-175.
15. Пакалов Д.С. Актуальные проблемы обеспечения экологической безопасности России // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 276-283.

REFERENCES

1. Abbasov P.R., Vasil'yev V.A. Formirovaniye ekologo-pravovoy kul'tury rabotnikov i rabotodateley // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1. S. 49-53.
2. Bykovskiy V.K. Ekologicheskaya bezopasnost' v sisteme natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo yevraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2016. № 2 (7). S. 90-99.
3. Glinskiy V.V., Serga L.K., Khvan M.S. Ob otsenke urovnya ekologicheskoy bezopasnosti territoriy // Statistika i ekonomika. 2017. № 6. S. 159-165.
4. Kruglov V.V., Varaksin V.V. O gosudarstvennoy ekologicheskoy politike v Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2015. № 1. S. 26-31.
5. Sergeyeva O.S. Gosudarstvennaya politika v sfere obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti grazhdan // Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta. 2019. № 1 (82). S. 65-71.
6. Dyusenov Ye.A. Aktual'nyye voprosy ekologizatsii zakonodatel'stva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. 2020. № 3 (61). S. 58-66.
7. Brusnitsyna S.V., Kuznetsova O.V. Organy gosudarstvennoy vlasti, obespechivayushchiye okhranu prava na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2020. № 3. S. 28-44.
8. Gizzatullin R.Kh. Ratsional'noye prirodopol'zovaniye i yego sootnosheniye s okhranoy okruzhayushchey sredy // Pravovoye regulirovaniye ispol'zovaniya prirodnykh resursov: kompleksnyy podkhod. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 11 aprelya 2014 g.). M.: Infra-M, 2015. S. 69-73.
9. Yerokhina Ye.V., Letuta T.V., Shagivaleyeva I.Z. Pravo na ekologicheskuyu bezopasnost' nesovershennoletnikh. Voprosy zashchity i profilaktiki narusheniy // Zakon i pravo. 2020. № 3. S. 23-28.
10. Ivanenko I.I., Lapatina Ye.YA., Krasavina T.A. Issledovaniya udaleniya neftesoderzhashchikh zagryazneniy mikroorganizmami // Voda i ekologiya: problemy i resheniya. 2019. № 4 (80). S. 30-36.
11. Karanda A.V. Ekologicheskaya politika: ponyatiye, vidy, printsipy // Molodoy uchonyy. 2020. № 3 (293). S. 352-345.
12. Kolbasov O.S. Kontseptsiya ekologicheskoy bezopasnosti (yuridicheskiy aspekt) // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1988. № 12. S. 47-55.
13. Kороткоручко D.YU., Orekhova V.I., Aliyev M.A.O., Rimarev M.A. Sovremennyye metody zashchity i oчитki vod ot zagryazneniya nefteproduktami // Nauchnyye issledovaniya. 2018. № 6 (26). S. 10-16.
14. Krasnova I.O. Pravo na blagopriyatnuyu okruzhayushchuyu sredu kak konstitutsionnoye i ekologicheskoye pravo // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 8 (105). S. 165-175.
15. Pakalov D.S. Aktual'nyye problemy obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2022. № 3. S. 276-283.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Гевогрян А.С., Крицкая А.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гевогрян А.С., Крицкая А.А. Государственная политика в сфере обеспечения экологической безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 118-123.

Олеся Ивановна ДЕРЮШЕВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-0724-6148
Санкт-Петербургский университет Федеральной службы
исполнения наказаний (Санкт-Петербург, г. Пушкин)
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин юридического факультета
olesya_deryushev@mail.ru

Научная статья
УДК 347.961:343.81

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НОТАРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Нотариальное обеспечение, гражданско-правовое регулирование, места лишения свободы, осужденный, сделка, нотариальные правоотношения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается гражданско-правовое регулирование нотариального обеспечения применительно к специализированным субъектам в рамках функционирования уголовно-исполнительной системы. Исследование вопросов совершения нотариальных действий как гарантии обеспечения осужденных лиц на свободное волеизъявление в разных видах правоотношений имеет большое научное и практическое значение. Актуальность темы исследования обусловлена, в частности, недостатками в практической реализации нотариального обеспечения в местах лишения свободы. **Методы.** В ходе исследования применялись: диалектический метод, сравнительно-правовой метод, специально-юридический метод, метод экспертных оценок, формально-юридический метод, а также другие методы и приемы обобщения научного материала и практического опыта. **Результаты.** Лица, находящиеся в местах лишения свободы, являются полноправными участниками частноправовых отношений, включая гражданско-правовые отношения. Наряду с другими гражданами осужденные вправе заключать различные сделки и должны отвечать по обязательствам, что часто оказывается причиной участия таких лиц в нотариальных правоотношениях, несмотря на их нахождение в изоляции от общества. Обязательства государства по совершению нотариальных действий, реализуемые администрациями пенитенциарных учреждений и представителями нотариата в отношении осужденных лиц, находящихся в местах лишения свободы, ориентированы на защиту имущественных и неимущественных прав осужденных.

ВВЕДЕНИЕ

Важность конституционного принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина, а также необходимость его неукоснительного соблюдения обуславливают большое внимание к вопросу об обеспечении нотариальных действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Изучение института нотариального обеспечения применительно к специализированным субъектам в рамках функционирования уголовно-исполнительной системы представляет интерес не только для науки, но и для правоприменения. Актуальность темы нашего исследования связана с отсутствием комплексного анализа нормативной регламентации правового механизма совершения нотариальных действий в местах лишения свободы с участием должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы и представителей нотариата. Вместе с тем очевидна потребность в устранении недостатков практической реализации нотариального обеспе-

чения в местах лишения свободы. Рассматриваемые нами нотариальные правоотношения призваны обеспечить законность гражданского оборота, его стабильность, права и обязанности участников как гражданско-правовых, так и иных общественных отношений.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-юридический, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и статистический. Диалектический метод позволяет проанализировать объект исследования в его развитии, противоречиях и единстве. Формально-юридический метод способствует определению исследуемых юридических понятий, выявлению их существенных (отличительных) признаков, формально-логических связей, их классификации и систематизации. При помощи этого метода происходит анализ норм отечественного гражданского и уголовно-исполнительного законодательства, судебного правоприменения. Структурно-

Olesya I. DERYUSHEVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-0724-6148
Saint-Petersburg University of the Federal
Penitentiary Service (Saint-Petersburg, Pushkin, Russia)
Associate Professor of the Department of
Civil Law Disciplines of the Faculty of Law
olesya_deryushev@mail.ru

CIVIL LEGAL REGULATION OF NOTARIAL SUPPORT FOR PERSONS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

KEYWORDS. Notarial support, civil law regulation, convicts,
transactions, places of deprivation of liberty, notarial legal relations.

ANNOTATION. Introduction. The article studies the civil law regulation of notarial support in relation to specialized entities within the framework of the functioning of the penal system. The study of issues of performing notarial acts as a guarantee of ensuring convicted persons free expression of will in various types of legal relations is of important scientific and practical importance. The research topic is characterized from the standpoint of its insufficient practical implementation in places of deprivation of liberty. **Methods.** The basis of the research was the dialectical method, comparative legal method, special legal method, method of expert assessments, formal legal method, as well as other methods of generalizing scientific material and practical experience. **Results.** Persons in prison are full participants in private law relations, including civil law ones. Along with other citizens, convicts have the right to enter into various transactions and must answer for obligations, which is often the reason for participating in notarial legal relations, despite their isolation from society. The obligations of the state, represented by the administration of penitentiary institutions and the notary institution, to perform notarial acts in relation to convicted persons in prison are obligations aimed at protecting the property and non-property rights of convicted persons.

функциональный метод содействует выяснению устройства (структуры) изучаемого явления, его составных частей (элементов), функционального назначения и взаимосвязей. Сравнительно-правовой метод - один из основных методов исследования, связанных со сравнительным использованием аналогичных (однопорядковых) правовых явлений, понятий, процессов в других сферах и регионах. Статистический метод - это совокупность способов и приемов выявления необходимых научно-теоретических результатов на основе сбора, обработки и обобщения статистических данных о тех или иных правовых явлениях, имеющих количественные показатели.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Лица, находящиеся в местах лишения свободы, являются полноправными участниками частно-правовых отношений, включая и гражданско-правовые отношения. Наряду с другими гражданами осужденные вправе заключать различные сделки и должны отвечать по обязательствам, что нередко становится причиной участия в нотариальных правоотношениях, несмотря на их нахождение в изоляции от общества. Такое правовое положение осужденных в процессе исполнения обязательств обеспечивает принцип единого правового пространства Российской Федерации. Одновременно речь идет о том, что участие в качестве стороны гражданско-правовых отношений способствует исправлению лица, ускоряет его адаптацию после отбытия наказания.

Осужденные к лишению свободы лица ограничены в реализации определенных прав, в том числе гражданско-правовых. Их участие в нотариальных правоотношениях можно классифициро-

вать по основаниям возникновения: обязательные и добровольные. Обязательное участие лица осуществляется в силу прямого указания закона, если сделка требует нотариального удостоверения и (или) лицо обязано совершить действия, которые требуют нотариального удостоверения. Участие является добровольным, если лицо, находящееся в местах лишения свободы, вправе вступать в такое нотариальное отношение, но это не обязанность осужденного, а потому участие полностью зависит от его волеизъявления (например удостоверение доверенности). В обоих случаях ключевым фактором является то, что свобода лица ограничена в силу закона. Такое положение лица создает ряд практических трудностей в реализации как права, так и обязанности на совершение указанных выше действий и на участие в нотариальных правоотношениях.

Нотариальное правоотношение является двусторонним. Субъектами правоотношения выступают, с одной стороны, лицо, находящееся в местах лишения свободы, а с другой - лицо, совершающее нотариальные действия. При этом нотариальное правоотношение представляет собой составную часть единого комплексного правоотношения, имеющего многосубъектный состав, в который входят участники той или иной конкретной определенной сделки. На возможность существования таких комплексных правоотношений и их правовую природу обращают внимание все больше специалистов, например А.Е. Самсонова [1], И.В. Грачева¹, Н.А. Чечина [2].

Сложное правоотношение, частью которого является простое нотариальное правоотношение с участием осужденных, обладает рядом признаков.

¹ Грачева И.В. Государственная гарантия: финансово-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 24 с.

Это правоотношение динамическое, развивающееся. То есть оно не исчерпывается простой связью двух субъектов, а имеет определенный вектор развития, которое происходит поэтапно в рамках последовательности осуществления действий. И эта последовательность действий – не просто реализация содержания правоотношения, а своего рода связь между несколькими простыми правоотношениями. Кроме того, сложное правоотношение характеризуется множественностью участников. В рамках нашего исследования речь идет об участниках основной сделки, для совершения которой требуется нотариальное действие¹.

Сложное правоотношение отличается еще и тем, что участия субъектов простого правоотношения недостаточно для достижения основного результата. Например, лицо, находящееся в местах лишения свободы, продает часть общедолевой собственности в доме. Для совершения сделки (купля-продажа недвижимости) ему необходимо не только вступить в нотариальное правоотношение по удостоверению данной сделки, но и, возможно, потребуются вступить в нотариальное правоотношение по выдаче своему представителю доверенности на ее совершение [3, с. 106]. Вместе с тем следует иметь в виду, что сложное правоотношение по купле-продаже недвижимости может включать в себя еще несколько простых правоотношений, которые связаны с некими обстоятельствами жизни, например – участие банка в оплате покупателем осужденному стоимости недвижимости (кредитный договор) и т.д.

Чаще всего сложные правоотношения одновременно являются и комплексными по своей правовой природе. Они включают в себя простые правоотношения, относящиеся к разным отраслям права. Нотариальное правоотношение, в которое вступают осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, является простым отношением, входящим в состав сложного правоотношения, направленного на достижение конкретной цели [4, с. 33]. Оно характеризуется наличием специфического субъектного состава, собственного объекта и особенностями содержания.

Субъектами такого правоотношения выступают: 1) осужденный, находящийся в местах лишения свободы; 2) лицо, совершающее нотариальное действие (нотариус или иное лицо, которое в силу закона вправе его совершить)². Лицо, относящееся к первой из этих двух групп, должно обладать правоспособностью и дееспособностью. Осужденные ограничены в свободе и, как следствие, в реализации субъективных прав. При этом лишение свободы не означает, в соответствии с гражданским законодательством, изменения их

правосубъектности. Однако ограничение свободы не может не сказываться на объеме их прав.

Нотариат благодаря своей юридической природе является институтом правового государства, призванным обеспечить юридическую безопасность людей, в том числе и лиц, находящихся в местах лишения свободы [5, с. 23]. Одновременно он обеспечивает и интересы лиц, вступающих в правоотношения с заключенными. Возникающее при этом нотариальное правоотношение имеет комплексную и дуалистическую природу, совмещающую частные и публичные начала³.

Речь идет о следующих действиях (согласно ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате⁴): участие в удостоверении нотариусом сделки; получение свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов; удостоверение копии документов, а также выписок из документов, подлинности подлинности на них; удостоверение верности перевода документов на иностранный язык или в родной язык; удостоверение факта нахождения в живых, а также факта нахождения в определенном месте, удостоверение тождества с изображенным на фотографии лицом; передача заявления и (или) других документов юридическим и физическим лицам; передача на хранение нотариусам документов; обращение к нотариусу за обеспечением доказательств; удостоверение нотариусом времени предъявления документа; выдача дубликатов документов, нотариальное удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе; получение у нотариуса свидетельства о праве на наследство, удостоверение у нотариуса факта возникновения права собственности на объекты недвижимости; а также о ряде иных нотариальных действий.

У лица, находящегося в местах лишения свободы, может возникнуть необходимость как в силу закона, так и по личной инициативе совершить то или иное из вышеперечисленных нотариальных действий. Одни из них более распространены, в частности – получение у нотариуса свидетельства о праве на наследство или нотариальное удостоверение доверенности. Другие нотариальные действия совершаются значительно реже, однако это не лишает осужденного права на участие в них (например передача на хранение нотариусам документов). В своем исследовании мы уделили внимание в основном тем нотариальным действиям, которые производятся чаще и по которым имеется сложившаяся практика правоприменения⁵.

Рассмотрение нотариального обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы, требует обращения к вопросу об объектах гражданских

¹ Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие. М.: Статут, 2016. 456 с.

² Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. М., Юстицинформ, 2016. 480 с.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.1998 № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 5.

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 13.03.1993. № 49.

⁵ См, например: Нуриев А.Г. Гражданско-правовые нормы в нотариальном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 170 с.

прав. Объектами гражданских прав осужденных, могут быть вещи, включая деньги и ценные бумаги, а также иное имущество, в том числе даже предприятия как имущественные комплексы и другая недвижимость [6].

Наказание не прекращает права собственности, исключение составляет имущество, конфискованное по приговору суда. Нахождение в местах лишения свободы не лишает осужденного возможности стать собственником и вновь приобретенного имущества. Однако такая сделка, по общему правилу, может быть совершена только через представителя или в результате вступления в наследство [7, с. 42].

В связи с названными ограничениями осужденного в части реализации прав владения, пользования и распоряжения имуществом большое значение приобретает представительство его интересов. Оно, как правило, осуществляется на основании доверенности. Такая доверенность подлежит нотариальному удостоверению. Эти отношения (с учетом их юридической природы) наиболее часто являются отношениями представительства, несколько реже – агентскими отношениями. Поэтому они могут основываться на двух правовых конструкциях: 1) доверенность; 2) договор.

Мотивацией к участию в таких отношениях становится, прежде всего, беспокойство за сохранность оставшегося на свободе имущества. Одновременно это может быть и обеспокоенность судьбой оставшихся на свободе родных, близких, друзей, даже животных. Через представителя у осужденного есть возможность решить многие вопросы, осуществить различные действия, не запрещенные законом, направленные на реализацию его прав. Исключение здесь составляют обязанности, которые могут быть исполнены только лично в силу прямого указания закона [8].

Собственник имущества, который отбывает наказание в местах лишения свободы, заинтересован в сохранении своего имущества. Как длительный срок наказания, так и даже кратковременное лишение свободы собственника имущества может привести к порче, гибели или невозвратным потерям движимых и недвижимых вещей. За имуществом нужен контроль, чтобы оно не было украдено, утрачено, изношено, поломано. В этом состоит интерес самого собственника-осужденного. Необходимо иметь в виду, что такому интересу противостоит законный и обоснованный интерес всех третьих лиц, заинтересованных в том, чтобы то или иное имущество (например источник повышенной опасности) не причинило вред окружающим людям и их имуществу. Поэтому всем этим третьим лицам должно быть понятно, кто реализует права владения и пользования имуществом осужденного, находящегося в местах лишения свободы.

Конституция Российской Федерации закрепляет в качестве высшей ценности права и свободы человека и гражданина. Гражданин, находясь на свободе, при необходимости может непосредственно воспользоваться правом на обращение к нотариусу для совершения нотариальных действий, например подготовки доверенности, заве-

рения копий документов, подготовки завещания. Но если он находится в изоляции от общества, данное его право может быть реализовано иными способами [9, с. 31]. Осужденный обладает выше-названным конституционным правом, но субъективное право при его непосредственной реализации имеет определенные ограничения, связанные со статусом лица, лишённого свободы. Во-первых, осужденный может пригласить нотариуса непосредственно в пенитенциарное учреждение. Во-вторых, лицо имеет возможность обращения к иным лицам, которым позволено совершать нотариальные действия в силу прямого указания закона. К числу таких иных лиц закон относит администрацию пенитенциарного учреждения, его начальника.

Впрочем, это лицо имеет право совершать не все нотариальные действия, а лишь некоторые из них. Так, согласно ст. 185.1. и ст. 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации начальники пенитенциарных учреждений могут удостоверить завещания и доверенности. Данные нормы получили развитие на уровне ведомственных нормативных актов. Так, например, до 2020 г. применялась инструкция Минюста СССР о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы (от 14 марта 1974 г. № К-15/184). Этот ведомственный акт предусматривал, что завещание должно быть подписано осужденным (выступающим в роли завещателя), но только в присутствии свидетеля. В противном случае такое завещание должно было признаваться ничтожным [10, с. 9].

Для начальников пенитенциарных учреждений удостоверение завещаний и доверенностей весьма ограниченная функция, в силу чего некоторые права осужденных фактически оказываются нарушенными. В частности, ни в гражданском законодательстве, ни в ведомственной инструкции нет упоминания о возможности удостоверения начальником пенитенциарного учреждения подписи осужденного на заявлении о принятии наследства. Поэтому для принятия наследства необходимо приглашать нотариуса, который работает только на платной основе, а у осужденного денежных средств может и не быть [11, с. 39].

Кроме того, существенной проблемой является вопрос о нотариальной тайне и ее обеспечении. Здесь имеется в виду тайна завещания. В случае с нотариусом, который составляет завещание и его удостоверяет, хранить эту тайну он обязан. Более того, при возникновении ущерба для завещателя при ее разглашении третьим лицам нотариус обязан возместить данный ущерб за счет страховки. В случае же удостоверения завещания начальником пенитенциарного учреждения он не несет никакой ответственности как за разглашение информации о содержании завещания, так и за причинение вреда [12, с. 105].

Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что после вынесения обвинительного приговора в отношении гражданина его паспорт временно изымается и приобщается к личному делу осужденного. В связи с этим возникает вопрос: каким образом формально должна удостоверяться

личность лица при совершении нотариальных действий в пенитенциарном учреждении? Представляется, что ответ может быть только один: паспорт требуется предоставить из личного дела, и удостоверение личности следует проводить на основании паспорта. Не секрет, что в практике имеются случаи, когда в личном деле паспорта нет (утрачен, испорчен и т.д.), имеется, например, только его копия [13, с. 116]. Соответственно, для совершения нотариального действия необходимо паспорт восстановить, что является обязанностью сотрудников пенитенциарного учреждения [14, с. 44].

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным на федеральном уровне внести изменения в Правила внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений. Во-первых, в части, касающейся предоставления дополнительных услуг, проводимого по инициативе осужденных лиц, необходимо предусмотреть конкретный порядок оказания нотариальных услуг с перечислением действий администрации и сотрудников пенитенциарного учреждения. Во-вторых, следует регламентировать обязанности должностных лиц пенитенциарного учреждения, напрямую связанные с желанием осужденных воспользоваться правом на предоставление им нотариальных услуг.

Кроме того, по нашему мнению, следует поддержать предложения о проведении в рамках совершенствования уголовно-исполнительного права анализа нормативных правовых актов Минюста России и ФСИН России для выявления положений, не соответствующих законодательству Российской Федерации [15, с. 257]. Лишь благодаря комплексному, системному исследованию деятельности пенитенциарных учреждений возможно создание благоприятных условий для выявления и устранения пробелов в нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность таких учреждений. В свою очередь, переработка действующих нормативных правовых актов позволит учесть неоднократные изменения, вносившиеся в них, а также опыт судебной практики, связанные с разрешением вопросов оказания осужденным

нотариальных услуг. Это обеспечит оптимизацию положений уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего производство нотариальных действий в пенитенциарных учреждениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами рассмотрены общественные отношения, возникающие в сфере реализации механизма нотариального обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы, с участием должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы и представителей нотариата. Перед исследованием ставилась цель комплексного изучения вопросов нормативного регулирования нотариального обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы, и отношений, возникающих с участием должностных лиц уголовно-исполнительной системы и представителей нотариата.

Рассматриваемые нотариальные правоотношения призваны обеспечить законность гражданского оборота, его стабильность, права и обязанности участников как гражданско-правовых, так и иных общественных отношений. Участие в отношениях такого рода лиц, находящихся в местах лишения свободы, затрудняет обеспечение законности их прав. Во всех случаях, когда речь идет о гражданско-правовом регулировании отношений, необходимо обращать внимание на то, что основные варианты данных отношений подробно урегулированы нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и иными федеральными законами. Постепенные социальные преобразования, научно-технический прогресс, изменение условий жизни, а также политической и экономической ситуации приводят к изменению различных норм права, в том числе и норм, закрепленных Гражданским кодексом Российской Федерации. Вопросы участия осужденных в нотариальных правоотношениях в целом, а также вопросы участия этих лиц в наследственных, договорных, обязательственных правоотношениях в условиях изоляции от общества имеют возрастающее научное и практическое значение, и потому их исследование весьма актуально. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Самсонова А.Е. Сложные и комплексные правоотношения в финансовом праве // Финансовое право. 2010. № 6. С. 13-17.
2. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. 68 с.
3. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
4. Жуйков В.М. Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. 2008. № 6-7. С. 33-37.
5. Игнатов А.И. Правовой статус осужденного к лишению свободы. М., 1992. 150 с.
6. Иоффе О.С. Гражданско-правовое положение заключенных в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1959. 331 с.
7. Ладжун А.И. Материальное обеспечение жизнедеятельности осужденных. Рязань, 1998. 147 с.
8. Кушхова Б.З. Публичная власть: субъектный состав и структура // KANT. 2020. № 1. С. 84-88.
9. Кашурин И.Н., Кашурина В.Г. Осуществление нотариатом отдельных функций государства // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 30-35.
10. Левушкин А.Н. Новые нотариальные действия: современные реалии, оценка законодательных изменений и перспектив их применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 8-12.
11. Дерюга Н.Н. Гражданские права и обязанности осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых колониях. Хабаровск, 1992. 80 с.

12. Гришин И.П. Гражданско-правовое положение лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1987. 271 с.
13. Берглезов А.Н. Совершение нотариальных действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Символ науки. 2015. № 10. С. 116-118.
14. Минеев И. Участие осужденных в гражданско-правовых сделках // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 42-49.
15. Аксенова А.В. Совершение нотариальных действий в местах лишения свободы: проблемы и пути их решения // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 256-258.

REFERENCES

1. Samsonova A.Ye. Slozhnyye i kompleksnyye pravootnosheniya v finansovom prave // Finansovoye pravo. 2010. № 6. S. 13-17.
2. Chechina N.A. Grazhdanskiye protsessual'nyye otnosheniya. L., 1962. 68 s.
3. Khalfina R.O. Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii. M.: Yuridicheskaya literatura, 1974. 351 s.
4. Zhuykov V.M. Notariat kak institut preventivnogo pravosudiya: obshchiye tseli, printsipy i polnomochiya // Rossiyskaya yustitsiya. 2008. № 6-7. S. 33-37.
5. Ignatov A.I. Pravovoy status osuzhdennoy k lisheniyu svobody. M., 1992. 150 s.
6. Ioffe O.S. Grazhdansko-pravovoye polozheniye zaklyuchennykh v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh. M., 1959. 331 s.
7. Ladzhun A.I. Material'noye obespecheniye zhiznedeyatel'nosti osuzhdennykh. Ryazan', 1998. 147 s.
8. Kushkhova B.Z. Publichnaya vlast': sub'yektnyy sostav i struktura // KANT. 2020. № 1. S. 84-88.
9. Kashurin I.N., Kashurina V.G. Osushchestvleniye notariatom otdel'nykh funktsiy gosudarstva // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2020. № 1. S. 30-35.
10. Levushkin A.N. Novyye notarial'nyye deystviya: sovremennyye realii, otsenka zakonodatel'nykh izmeneniy i perspektiv ikh primeneniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2021. № 3. S. 8-12.
11. Deryuga N.N. Grazhdanskiye prava i obyazannosti osuzhdennykh, sodержashchikhsya v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh. Khabarovsk, 1992. 80 s.
12. Grishin I.P. Grazhdansko-pravovoye polozheniye lits, otbyvayushchikh nakazaniye v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh. M., 1987. 271 s.
13. Berglezov A.N. Soversheniye notarial'nykh deystviy v uchrezhdeniyakh ugodovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii // Simvol nauki. 2015. № 10. S. 116-118.
14. Mineyev I. Uchastiye osuzhdennykh v grazhdansko-pravovykh sdelkakh // Rossiyskaya yustitsiya. 1999. № 9. S. 42-49.
15. Aksenova A.V. Soversheniye notarial'nykh deystviy v mestakh lisheniya svobody: problemy i puti ikh resheniya // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2018. № 2. S. 256-258.

© Дерюшева О.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дерюшева О.И. Гражданско-правовое регулирование нотариального обеспечения лиц, находящихся в местах лишения свободы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 124-129.

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0003-1120-8344
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
maximova@mail.ru

Светлана Николаевна АНДРЕЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-2089-941X
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий (Ленинградская обл., г. Гатчина)
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
sweta-rus@mail.ru

Научная статья
УДК 347.93

ТИПЫ И ВИДЫ МЕДИАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Виды медиации, типы медиации, альтернативные способы разрешения споров, суд, принципы медиации, гражданский процесс, нарративная медиация, гуманистическая медиация, трансформативная медиация, стимулятивная медиация, оценочная медиация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Особенности решения спора с помощью медиации в условиях разных стран могут отличаться, что обусловлено факторами не только правового, но и исторического, культурного, социального характера. Поэтому в юридической литературе такие критерии, как принципы участия сторон в процедуре медиации, пределы вмешательства медиатора в процесс переговоров, круг связанных со спором вопросов, подлежащих обсуждению сторонами, используются для осуществления разделения медиации на разные типы и виды. Такое разделение имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку способствует всестороннему исследованию правовой природы медиации, ее характерных признаков, ее потенциальной эффективности для определенных категорий споров. **Методы.** Авторами использовались как общенаучные (метод диалектического материализма, анализ, синтез и др.), так и специально-юридические методы. **Результаты.** Исследованы два основных типа медиации, на которые она разделяется в зависимости от пределов вмешательства медиатора в процесс переговоров: стимулятивной и оценочной. Авторы аргументируют свою точку зрения и делают выводы с учетом анализа мнений различных иностранных ученых-цивилистов, выделяя позитивные и негативные качества каждого из названных типов. Продемонстрированы два вида медиации, на которые она делится в зависимости от основной цели участия сторон в ней: медиация, основанная на интересах, и трансформативная медиация. Отмечается существование таких отдельных видов медиации, как нарративная медиация и гуманистическая медиация. Результаты исследования могут способствовать справедливому разрешению юридических споров при условии обеспечения баланса интересов участников конфликта. **Выводы.** Авторами статьи выделены и описаны типы (стимулятивная и оценочная) и виды (медиация, основанная на интересах, трансформативная медиация, нарративная, гуманистическая) медиации.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности решения спора с помощью медиации в разных странах могут значительно различаться, что обусловлено факторами не только правового, но и исторического, культурного, социального характера. Поэтому в юридической литературе такие критерии, как принципы участия сторон в процедуре медиации, пределы вмешательства медиатора в процесс переговоров, круг связанных со спором вопросов, подлежащих обсуждению сторонами, используются для осуществления разделения медиации на типы и виды [1]. Такое разделение имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку способствует всестороннему исследованию правовой природы медиации, ее характерных призна-

ков, потенциальной ее эффективности для тех или иных категорий споров. Выделение различных типов и видов медиации помогает сторонам найти наиболее выгодную форму данной процедуры разрешения спора, которая будет максимально согласовываться с их интересами, а также соответствовать степени сложности их спора, характеру взаимоотношений между ними, ожиданиям относительно дальнейшего сотрудничества и другим особенностям конфликтной ситуации [2].

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, использовались общенаучные (метод диалектического материализма, анализ, синтез и др.) и специально-юридические методы.

Vitaly A. MAXIMOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0003-1120-8344
Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Public
Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
maximovva@mail.ru

Svetlana N. ANDREEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0004-2089-941X
State Institute of Economics, Finance, Law and
Technology (Gatchina, Leningrad region, Russia)
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
sweta-rus@mail.ru

TYPES AND KINDS OF MEDIATION

KEYWORDS. Types of mediation, types of mediation, alternative dispute resolution, court, principles of mediation, civil procedure, narrative mediation, humanistic mediation, transformative mediation, incentive mediation, evaluation mediation.

ANNOTATION. Introduction. The peculiarities of dispute resolution through mediation within individual countries may differ due to factors of not only legal, but also historical, cultural and social nature. Therefore, in the legal literature such criteria as the principles of the parties' participation in the mediation procedure, the limits of the mediator's intervention in the negotiation process, the range of dispute-related issues to be discussed by the parties are used to divide mediation into different types and kinds. Such division is of great theoretical and practical importance, as it facilitates a comprehensive study of the legal nature of mediation, its characteristic features, and its potential effectiveness for certain categories of disputes. **Methods.** Authors used both general scientific (method of dialectical materialism, analysis, synthesis, etc.) and special legal methods. **Results.** Two main types of mediation depending on the limits of mediator's intervention in the negotiation process are studied: stimulative and evaluative. Authors argue their point of view and draw conclusions by analysing the opinions of various foreign legal scholars, highlighting the positive and negative qualities of each type. The study separately demonstrates two kinds of mediation depending on the main purpose of the parties' participation in mediation: interest-based mediation and transformative mediation. Within the framework of the work, the authors point out the existence of such separate kinds of mediation as narrative mediation, highlighting its stages, and humanistic mediation. The results of the study can contribute to the fair resolution of legal disputes, provided that the interests of the parties to the conflict are balanced. **Conclusions.** Types (stimulative and evaluative) and kinds (interest-based mediation, transformative mediation, narrative mediation, humanistic mediation) of mediation are identified and described.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В зависимости от пределов вмешательства медиатора в процесс переговоров в юридической литературе принято выделять два основных типа медиации: стимулятивную (facilitative mediation) и оценочную (evaluative mediation). В настоящее время такое деление тесно связано с дискуссией о роли медиатора [3, с. 35-36]. В частности, сторонники стимулятивного подхода считают, что при выполнении своих функций медиатор должен ограничиваться лишь помощью сторонам спора в поисках компромисса путем стимулирования процесса переговоров. Другая группа ученых и практиков высказывают аргументы в пользу оценочной медиации. С их точки зрения, целесообразным является предоставление медиатору более широких полномочий, возможности высказывать мнение относительно правовой позиции сторон, предлагать сторонам собственные варианты решения спора и т.п.

Одним из первых на дискуссионные вопросы участия посредника в процедуре медиации обратил внимание известный исследователь Л. Рискин. В своей статье, посвященной техникам и стратегии медиации, он обосновал целесообразность вы-

деления двух типов этой процедуры. Первый тип, как было отмечено выше, называется стимулятивной (или классической) медиацией. Особенность такой медиации заключается в том, что посредник содействует сторонам в достижении соглашения, используя только те варианты решения спора, которые предлагают сами же стороны. Для выполнения этого задания медиатор прежде всего должен поощрять стороны к тому, чтобы они лично участвовали в переговорах и максимально открыто делились информацией об обстоятельствах дела, собственных интересах и видением возможных путей выхода из конфликтной ситуации. Кроме того, медиатор при необходимости помогает сторонам четко и корректно сформулировать свои предложения относительно вариантов разрешения спора, а также оценить соответствующие предложения с учетом интересов каждой из них [4, с. 32-33]. Вместе с тем посредник не уполномочен предлагать собственные варианты разрешения спора, а также давать оценку фактическим и правовым обстоятельствам дела.

Медиация другого типа – оценочная – характеризуется тем, что функции посредника не сводятся к контролю за процессом разрешения спора.

Медиатор может осуществлять оценку правовой позиции каждой из сторон, а также указывать на преимущества и недостатки их положения в деле. Таким образом, он должен владеть не только техниками, которые применяются при альтернативном разрешении споров (далее – АРС), но и соответствующими знаниями в правовой и других (в зависимости от категории спора) сферах. К тому же в ходе оценочной медиации посредник, как правило, предлагает возможные варианты решения спора и разъясняет, каким образом и в пользу какой из сторон спор может быть решен в судебном порядке (если процедура медиации окажется неэффективной) [5, с. 178].

По мнению Л. Рискина, классическая медиация может осуществляться с использованием элементов медиации оценочного типа, когда посредник дает оценку правовому положению сторон и рекомендует возможные пути решения спора. Л. Рискин указывает и на то, что каждый из описанных типов медиации имеет свои преимущества и недостатки, а основной целью предложенного им деления на типы является лишь выявление того, как медиация может применяться на практике в различных формах, что в значительной степени обусловлено стилем и техникой ведения этой процедуры [3].

Несмотря на это, в юридической литературе разделение медиации на стимулятивный и оценочный типы стало предметом многих дискуссий. В частности, критика оценочной медиации иногда приобретает весьма радикальный характер. Некоторые авторы научных работ убеждены в том, что осуществление медиатором оценки правового положения сторон и предложение им рекомендаций по вариантам разрешения спора в какой бы то ни было форме противоречит сущности медиации. В классическом понимании этой процедуры любое давление на стороны и непосредственное влияние на результат их переговоров не допускается, поскольку это не будет способствовать автономии сторон, а также обеспечению атмосферы сотрудничества и взаимопонимания между ними [6, с. 31-32]. Вместе с тем, критикуя основы осуществления оценочной медиации, ряд ученых признают целесообразность получения сторонами информации об их собственном правовом положении, необходимой для того, чтобы их решение о способе выхода из конфликтной ситуации было сознательным и взвешенным, но при условии предоставления данной информации юристами, представляющими стороны [7, с. 260-261].

Впрочем, позиция сторонников медиации оценочного типа выглядит серьезно аргументированной. Например, Г. Моберлай указывает на то, что при условии соблюдения требований (в частности этических), с учетом которых должна осуществляться процедура медиации, а также при осторожном использовании медиатором техники оценочной медиации принципы добровольности и беспристрастности посредника вряд ли будут нарушены. Кроме того, осуществление медиации оценочного типа может способствовать улучшению осведомленности сторон относительно возможностей разрешения спора, а следовательно,

вероятность завершения переговоров заключением соглашения значительно возрастает [8, с. 671-672]. Неоднозначное отношение к оценочной медиации проявляют Е. Джелтон и Дж. Стэмпл [9, с. 954]. По мнению этих ученых, споры прежде всего следует решать с помощью стимулятивной (классической) медиации с использованием различных традиционных способов поощрения сторон к заключению сделки. Однако в том случае, когда медиации такого типа оказывается неэффективной, а сторонам не удается найти общего языка, целесообразным может быть переход к медиации оценочного типа. При этом посредник должен убедиться в том, что стороны добровольно и сознательно соглашаются на проведение процедуры такого типа и осознают возможные последствия своего решения [10, с. 8].

По мнению многих профессиональных медиаторов, юристов и судей, дискуссия относительно типов медиации имеет чисто академический характер. Но с учетом того, что применение оценочной медиации (узкого типа) может ставить под угрозу соблюдение принципов добровольности использования медиации и автономии сторон, в некоторых странах (например в США) было решено урегулировать этот вопрос на законодательном уровне. В результате в различных штатах, а также различными организациями были разработаны и утверждены кодексы этики медиаторов, закреплены другие нормы, определяющие особенности применения в медиации техник оценочного типа и пределы их допустимости [5, с. 179].

Далее уделим внимание другой классификации медиации. В зависимости от основной цели участия сторон в данной процедуре разрешения споров можно выделить два вида медиации: основанную на интересах сторон (*interestbased or problemsolving mediation*) и трансформативную медиацию (*transformative mediation*).

Применение основанной на интересах сторон стратегии, которую в литературе также называют стратегией «win-win», способствует налаживанию сотрудничества между сторонами с целью заключения соглашения о разрешении спора. При переговорах, которые базируются на интересах сторон, должны соблюдаться следующие основные правила:

- абстрагирование от проблемы;
- концентрация на интересах, а не на позициях сторон;
- генерирование различных вариантов решения спора.

В медиации, основанной на интересах сторон, конфликт определяется как проблема, требующая решения. Ключевыми понятиями, связанными с переговорами, основанными на интересах сторон, являются: позиция стороны (то, что сторона спора хочет получить по результатам процедуры медиации) и интересы стороны (потребность или цель, которая служит мотивом для соответствующей позиции стороны). Одной из важнейших задач переговоров такого формата представляется переход от позиции сторон к их интересам. Своеобразная смена формулировки позиций сторон таким образом, чтобы внимание сосредоточилось

на интересах каждой из них, способствует выявлению сути проблемы и определению вопросов, которые должны быть обсуждены. Переговоры в рамках медиации, основанной на интересах сторон, ведутся с единственной общей целью – найти компромисс, то есть такое решение спора, которым были бы довольны обе стороны. При этом поиск компромисса осуществляется при активном участии посредника, который контролирует процесс переговоров, очерчивает рамки данных переговоров, оценивает перспективность обсуждения тех или иных аспектов спора с целью сосредоточить внимание на вопросах, в отношении которых стороны могут прийти к согласию, и избежать дискуссий по вопросам, которые не могут быть решены [5, с. 181].

Доктринальное определение трансформативной медиации впервые было сформулировано американскими учеными Р. Бушем и Дж. Фолджером. Они указали на то, что в противовес медиации, основанной на интересах сторон, целью трансформативной медиации является прежде всего налаживание отношений между сторонами и изменение их подхода к конфликтной ситуации. Основными принципами медиации такого вида является «укрепление» сторон (empowerment) и взаимное «признание» (recognition). Укрепление в этом контексте означает восстановление уверенности сторон в том, что их собственные проблемы могут быть решены, и они имеют возможность самостоятельно этому способствовать. Таким образом, стороны начинают лучше понимать цель своего участия в процедуре разрешения спора, объективно оценивать свои возможности и потребности, значения предмета спора и т.п. Взаимное признание заключается в понимании каждой из сторон своего правового и фактического положения. Осознание положения в конфликтной ситуации необходимо для того, чтобы стороны в меньшей степени сосредоточивали свое внимание на собственном, узком толковании конфликта, что делает более вероятным успешное завершение процедуры медиации. Медиатор при ведении трансформативной медиации играет второстепенную роль, поощряя стороны к тому, чтобы именно они определяли направление, основы и цель переговоров [7].

Некоторыми авторами научных работ высказывается мнение о том, что трансформативная медиация никоим образом не противоречит медиации, основанной на интересах сторон, а разрешение спора может предусматривать и налаживание отношений между сторонами, а также изменение их отношения к конфликтной ситуации и дальнейшим перспективам сотрудничества. Задачи двух названных видов медиации и техники, применяемые в их рамках, довольно схожи. Кроме того, как свидетельствует практика, во время участия в медиации стороны одинаково заинтересованы как в разрешении спора, так и в возможности изменить характер взаимоотношений [11, с. 3]. Таким образом, целесообразность выделения трансформативной медиации как самостоятельного вида этой процедуры, характер которого якобы принципиально отличается от медиации, основанной на

интересах сторон, можно подвергнуть сомнению. Оба вида медиации часто сочетаются в единой процедуре разрешения спора, что является даже желательным, поскольку в таком случае медиация становится намного эффективнее.

Еще одним видом медиации в юридической литературе признается нарративная (narrative) медиация, авторами концепции которой стали Д. Винслейд и Г. Монк. Основным отличительным признаком медиации этого вида является специфический подход к конфликту. Он заключается в том, что важнейшей частью процедуры разрешения спора становится предоставление сторонами информации о различных событиях и обстоятельствах, то есть «рассказ собственных историй». Во время процедуры нарративной медиации такие рассказы приобретают большее значение, чем факты и причины тех или иных событий [12, с. 57]. Теоретической основой для нарративной медиации служат теория социального конструктивизма и философия постмодернизма, согласно которой истории сторон нельзя толковать однозначно. Такие истории прежде всего отражают личное восприятие человека, а соответствие действительности каждой отдельной истории не является предметом для дискуссии в рамках процедуры разрешения спора [13, с. 157].

Цель нарративной медиации заключается в том, чтобы абстрагироваться от событий, описанных самими сторонами, и создать новый вариант истории конфликта между ними, который будет способствовать налаживанию взаимоотношений, облегчит процесс переговоров, откроет различные возможности для мирного разрешения спора. Соответственно, помощь в создании более позитивного варианта истории конфликта является основной задачей медиатора. Стратегия, которую использует посредник, должна обеспечивать снижение интенсивности конфликта настолько, чтобы появилась возможность рассмотреть новые, альтернативные истории. Как отмечают Д. Винслейд и Г. Монк, во время сотрудничества посредника со сторонами спора он должен руководствоваться правилами этики и уважения к клиенту, а не использовать свой статус эксперта [12, с. 34].

С учетом цели нарративной медиации выделяются три основные этапа данной процедуры:

- рассказ сторонами собственных вариантов истории конфликта;
- деконструкция истории конфликта;
- разработка новой – альтернативной – истории конфликта.

На каждом из этих этапов важную роль играет медиатор, который задает сторонам вопросы о влиянии конфликта на их потребности и интересы, пытается убедить их в том, что проблема является внешним элементом, делая это с той целью, чтобы ни одна из сторон не идентифицировала конфликт с лицом, представляющим другую сторону спора, и, наконец, поощряет стороны выйти за пределы истории конфликта и вспомнить его причины [12, с. 58].

Отметим, что некоторые категории споров, в частности те, для которых характерны особое влияние эмоций и сложность личных взаимоотно-

шений сторон, требуют не только заключения сторонами соглашения. Если стороны спора находятся под воздействием сильных негативных эмоций, то без озвучивания и последующего анализа таких эмоций отношения между сторонами вряд ли будут налажены. Озвучивание собственных эмоций сторонами и осуществление попыток взаимного понимания предопределяет необходимость выхода за пределы классических техник активного слушания, то есть обуславливает предоставление информации, подведение итогов [14, с. 203]. Процедура медиации, с помощью которой могут быть решены такие специфические конфликты, называется гуманистической (humanistic) медиацией. Она чаще всего применяется в трудовых спорах и спорах, возникающих между жертвой правонарушения и нарушителем. В основе такой медиации лежит гуманистическая модель психотерапии, в которой подчеркивается важность отношений между психологом и клиентом, основанных на доверии, а также убеждения в том, что каждое лицо имеет возможность изменить свое отношение к различным событиям и обстоятельствам. В то же время следует помнить о том, что одна из основных задач гуманистической медиации, которая заключается в налаживании взаимоотношений между сторонами, не может служить основанием для отождествления этой процедуры с психотерапией [15, с. 33-34].

Как правило, во время процедуры гуманистической медиации посредник в первую очередь общается с каждой из сторон отдельно, в рамках личных встреч. Благодаря проведению таких встреч появляется возможность создать комфортную и безопасную атмосферу, а также начать дискуссию по спору. Таким образом, к числу основных признаков гуманистической медиации можно отнести:

1) особый характер взаимодействия медиатора и сторон спора, когда медиатор играет роль эмоционально независимого эксперта, а перед первой совместной дискуссией налаживает контакт с каждой из сторон;

2) проведение посредником личных встреч, что способствует не только сбору информации, но и прежде всего установлению доверительных отношений между ним и сторонами, благодаря чему вероятность эффективного диалога на последующих этапах процедуры медиации возрастает;

3) непринужденный стиль поведения медиатора, создание атмосферы безопасности и понимания [5, с. 189].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ типов и видов медиации, необходимо подчеркнуть, что исследуемая нами процедура разрешения споров является весьма многообразной, поэтому описать общую, типичную медиацию довольно сложно. В зависимости от потребностей сторон, характера и особенностей спора медиация может приобретать различные формы. Безусловно, соблюдение основополагающих принципов, на которых базируется медиация, является обязательным в любых обстоятельствах. Вместе с тем интерпретация таких принципов в разных ситуациях может быть разной. Возможность использования преимуществ того или иного вида или типа медиации должна быть учтена прежде всего медиатором, который, оценивая специфику спора, может применять различные стратегии и техники. Таким образом, в рамках одной процедуры разрешения спора могут быть использованы элементы, свойственные разным видам и типам медиации, когда их совмещение способствует обеспечению ее максимальной эффективности в том или ином конкретном деле. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон в Концепции единого ГПК РФ: модель института // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 126-139.
2. Аболонин В.О. Судебная медиация: теория – практика – перспективы / 6-е изд. М., 2014. 408 с.
3. Riskin L. Mediation and lawyers // Ohio State Law Journal. 1982. Vol. 43. Pp. 29-60.
4. Riskin L. Understanding mediator's orientations, strategies and techniques: a grid for the perplexed // Harvard negotiation law review. 1996. Vol. 1. Pp. 7-51.
5. Mediacje. Teoria i praktyka / Pod red. E. Gmurzynska, R. Morek. Warszawa: Wolters Kluwer, 2014. 492 s.
6. Kovach K., Love L.P. «Evaluative» mediation is an oxymoron // Alternatives to the high cost of litigation. 1996. Vol. 14. No 3. Pp. 31-48.
7. Baruch Bush R.A. Efficiency and protection, or empowerment and recognition, the mediator role and ethical standard of mediation // Florida law review. 1989. Vol. 41. Pp. 253-276.
8. Moberly R. Mediator gag rules: is it ethical for mediators to evaluate or advise // South Texas law review. 1997. Vol. 38. Pp. 669-677.
9. Stempel J. Beyond formalism and false dichotomies: the need for institutionalizing a flexible concept of the mediator's role // Florida State University Law Review. 1997. Vol. 24. Pp. 949-984.
10. Galton E. Representing clients in mediation. Dallas: American Lawyer Media, 1994. 268 p.
11. Hoffman D.A. Confessions of a problem-solving mediator // Society of professional in dispute resolution news. 1999. Vol. 23. No 3. Pp. 1-4.
12. Winslade J., Monk G. Narrative mediation: a new approach to conflict resolution. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2000. 256 p.
13. Wylie H., Pare D. Whose story is it anyway? An interdisciplinary approach to postmodernism, narrative, and therapy // Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2001. Vol. 34. Pp. 153-172.
14. Umbreit M.S. Humanistic mediation: a transformative journey of peacemaking // Mediation quarterly. 1997. Vol. 14. Pp. 201-213.

15. Kelly J.B. Mediation and psychotherapy, distinguishing the difference // Mediation quarterly. 1983. No 1. Pp. 33-44.

REFERENCES

1. Kuzbagarov A.N. Primireniye storon v Kontseptsii yedinogo GPK RF: model' instituta // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2015. № 2. S. 126-139.
2. Abolonin V.O. Sudebnaya mediatsiya: teoriya – praktika – perspektivy / 6-ye izd. M., 2014. 408 s.
3. Riskin L. Mediation and lawyers // Ohio State Law Journal. 1982. Vol. 43. Pp. 29-60.
4. Riskin L. Understanding mediator's orientations, strategies and techniques: a grid for the perplexed // Harvard negotiation law review. 1996. Vol. 1. Pp. 7-51.
5. Mediacje. Teoria i praktyka / Pod red. E. Gmurzynska, R. Morek. Warszawa: Wolters Kluwer, 2014. 492 s.
6. Kovach K., Love L.P. «Evaluative» mediation is an oxymoron // Alternatives to the high cost of litigation. 1996. Vol. 14. No 3. Pp. 31-48.
7. Baruch Bush R.A. Efficiency and protection, or empowerment and recognition, the mediator role and ethical standard of mediation // Florida law review. 1989. Vol. 41. Pp. 253-276.
8. Moberly R. Mediator gag rules: is it ethical for mediators to evaluate or advise // South Texas law review. 1997. Vol. 38. Pp. 669-677.
9. Stempel J. Beyond formalism and false dichotomies: the need for institutionalizing a flexible concept of the mediator's role // Florida State University Law Review. 1997. Vol. 24. Pp. 949-984.
10. Galton E. Representing clients in mediation. Dallas: American Lawyer Media, 1994. 268 p.
11. Hoffman D.A. Confessions of a problem-solving mediator // Society of professional in dispute resolution news. 1999. Vol. 23. No 3. Pp. 1-4.
12. Winslade J., Monk G. Narrative mediation: a new approach to conflict resolution. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2000. 256 p.
13. Wylie H., Pare D. Whose story is it anyway? An interdisciplinary approach to postmodernism, narrative, and therapy // Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2001. Vol. 34. Pp. 153-172.
14. Umbreit M.S. Humanistic mediation: a transformative journey of peacemaking // Mediation quarterly. 1997. Vol. 14. Pp. 201-213.
15. Kelly J.B. Mediation and psychotherapy, distinguishing the difference // Mediation quarterly. 1983. No 1. Pp. 33-44.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Максимов В.А., Андреева С.Н., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Максимов В.А., Андреева С.Н. Типы и виды медиации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 130-135.

Михаил Юрьевич ПОПОВ,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры конституционного и административного права
mik-yurevich1960@yandex.ru

Научная статья
УДК 342.41

ГРАЖДАНСКОЕ ЕДИНСТВО КАК ГАРАНТИЯ РОССИЙСКОГО НАРОДОВЛАСТИЯ И РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Народ, население, конституция, идеология, правосознание, гражданское единство, народовластие, российская государственность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Взгляд на современное состояние правовой идеологии в области государственного строительства позволил выявить актуальные пути совершенствования этого института в сферах науки и образования. *Методы.* В качестве методологической основы исследования были использованы система, схемы и понятия классической немецкой философии (диалектического материализма), теории естественного отбора, английской политэкономии, межотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук. *Результаты.* В статье автор рассматривает внутреннее состояние российского общества сквозь призму исторических фактов и современной реальности и приходит к выводу о необходимости переосмысления места и роли государства и гражданина в культурно-историческом пространстве российской жизни. Автор настаивает на точке зрения, что закрепленный в Конституции Российской Федерации отказ от официальной общегосударственной объединяющей идеи и идеологии (позитивного социопрограммирования) является корневым препятствием в консолидации российского общества перед лицом глобальной угрозы, нависшей над российской цивилизацией. В статье убедительно доказывается необходимость принятия мер по преодолению проблемы разобщенности российского общества в рамках действующего законодательства (включая Конституцию Российской Федерации), для чего предлагается принять Программу приведения правоприменительной практики и существующих нормативно-правовых актов в соответствие с ценностями, закрепленными Преамбулой Конституции и Стратегией национальной безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мы видим, как Россия вошла в острую фазу комплексного противостояния с объединенной либеральной элитой западной цивилизации, что не является чем-то новым в истории российского государства. Западная цивилизация много раз пыталась разрушить российскую государственность (период правления Ивана IV Грозного и последующее Смутное время, нашествие Наполеона, Крымская война середины XIX в., интервенция во время Гражданской войны 1918-1922 гг., Великая Отечественная война 1941-1945 гг., холодная война) и поставить под вопрос существование многонационального народа России [1].

Далее последовали перестройка середины 80-х годов XX столетия, заключение ряда международных договоров в русле всеобщей разрядки напряженности между СССР и Западом, а потом и добровольное «самоуничтожение» СССР. Тогда практически всем в нашей стране казалось, что вместе с СССР ушла и сама основа для международной конфронтации. СССР добровольно

взял на себя роль проигравших, Запад присвоил себе лавры победителя в военно-политическом противостоянии. Россия такое положение вещей не оспаривала, поскольку вливалась, как нам хотелось думать, в новый глобализирующийся мир. Для этого политическое руководство страны выполняло советы и рекомендации лидеров Запада, Международного валютного фонда и других международных организаций, находящихся на содержании Государственного департамента США. Проводились глубокие либерально-демократические реформы, была принята одна из самых последовательно либеральных Конституций, которая при всех своих недостатках и противоречивости сыграла и продолжает играть стабилизирующе-позитивную роль Основного Закона [2].

Вместе с финансово-экономическими и гуманитарными процессами с начала 1990-х годов шли глубинные социально-политические сдвиги тектонического характера. В то время по итогам первой Иракской компании (войны в Персидском заливе) и последующих событий на Северном Кавказе и на Балканах Конгресс США, окончательно отбро-

Mikhail Y. POPOV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law
mik-yurevich1960@yandex.ru

CIVIL UNITY AS A GUARANTEE OF RUSSIAN DEMOCRACY AND RUSSIAN STATEHOOD

KEYWORDS. People, population, constitution, ideology,
sense of justice, civil unity, democracy, Russian statehood.

ANNOTATION. Introduction. A look at the current state of legal ideology in the field of state building made it possible to identify current ways to improve this institution in the fields of science and education. **Methods.** The system, schemes and concepts of classical German philosophy (dialectical materialism), the theory of natural selection, English political economy, interdisciplinary and interscientific connections of the natural and human sciences were used as the methodological basis of the study. **Results.** In the article, the author examines the internal state of Russian society through the prism of historical facts and modern reality and comes to the conclusion that it is necessary to rethink the place and role of the state and citizen in the cultural and historical space of Russian life. The author insists on the point of view that the rejection of the official national unifying idea and ideology (positive socio-programming) enshrined in the Constitution of the Russian Federation is the root obstacle in the consolidation of Russian society in the face of the global threat hanging over Russian civilization. The article convincingly proves the need to take measures to overcome the problem of disunity in Russian society within the framework of the current legislation (including the Constitution of the Russian Federation), for which it is proposed to adopt a Program for bringing law enforcement practice and existing regulations in accordance with the values enshrined in the Preamble of the Constitution and the National Security Strategy.

сив всякие приличия, принял резолюцию о вхождении Кавказа в зону жизненно важных интересов Соединенных Штатов¹. Результаты этого решения автор ощутил на себе, приняв участие в поддержании конституционного порядка на территории Нагорного Карабаха.

Параллельно этим событиям внутри российского общества шли специфические процессы социально-экономического и социально-культурного характера. На данный период пришелся демонтаж такой культурно-исторической общности, как советский народ² или нация [3]. И все это наложило на установление новых государственных границ, процессы оптации в новообразованных государствах (включая и Российскую Федерацию), высокую динамику миграционных процессов при массовом обнищании и социальной маргинализации значительной части бывших советских граждан.

К концу XX в. Россия стала стремительно обретать черты «государства без народа». Поскольку советский народ был демонтирован, а новый – российский народ – еще не сформировался. Внешним признаком такого положения вещей следует считать, в частности, категории обобщения, к которым прибегали политики той эпохи. К примеру, в средствах массовой информации, на иных общественных площадках в то время крайне редко использовались такие слова, как народ и

граждане. Чаще звучали другие слова: электорат, население, человек, индивидуум, избиратель [4].

В России этот период стал точкой бифуркации³. Возникла угроза существованию российской государственности в ее естественно-исторических границах. Объединенный Запад, наш геополитический противник, после победы в холодной войне, учитывая опасность радикального слома сложившейся системы сдержек и противовесов, не рискнул сильно дробить российскую цивилизацию. В тех условиях население и правящие элиты Российской Федерации нашли опору для возврата себе субъектного состояния во внутренних государственно-правовых и в международно-правовых отношениях, что стало началом «нового народа» в исторической перспективе.

МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования были использованы система, схемы и понятия классической немецкой философии (диалектического материализма), теории естественного отбора, английской политэкономии, межотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Конкретное событие, которое стало толчком для формирования нового качества российского народа как реального субъекта государственно-правового и исторического процессов, назвать

¹ Место Кавказа в геополитике США // Геополитика. Аналитическое агентство «АРИС» // URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/12/mesto-kavkaza-v-geopolitike-ssha/> (дата обращения: 23.10.2023).

² XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1971. С. 123.

³ Точка бифуркации – критическая черта (рубеж), после перехода которой становится невозможно вернуться к исходному состоянию.

сложно. Кто-то точкой отсчета называет начало Второй Чеченской кампании, кто-то – знаменитую «Мюнхенскую речь» В.В. Путина, для кого-то ею является «Русская весна» на Востоке и Юго-Востоке частях Украины, которая была поддержана практически всей многонациональной Россией. С чередой этих событий начался процесс преобразования социально-политических отношений внутри российского общества. Российский народ, словно человек, долгое время находившийся в состоянии социальной фрустрации, обрел неожиданно для себя внутреннюю уверенность и самодостаточность, почувствовал собственную правоту и надежду на лучшее будущее.

Российское государство стало вновь обретать собственную социальную базу, как во времена Смуты или Гражданской войны начала XX века. Процесс этот не был одномоментным и имеет ярко выраженный кумулятивный характер.

Формально народ в СССР выступал в качестве субъекта государственно-правовых отношений с момента образования этого государства. Изначально эта субъектность была крепко замешана на классовых различиях в условиях диктатуры пролетариата, поэтому значительная часть населения СССР просто выбраковывалась от участия в социальной и политической жизни. Этот перекосяк был устранен принятием Конституции СССР 1936 года, которая декларировала новую государственно-правовую общность – государство трудящихся. Был ликвидирован институт «лишенцев». Все граждане, независимо от происхождения и социального положения (в том числе и выходцы из так называемых эксплуататорских классов), получили формально равные права и обязанности.

Законодательно уже достаточно давно была закреплена такая государственно-правовая категория, как советский народ. Но был ли в тот период советский народ государственно-правовой реальностью по своей социальной структуре и внутренним качествам, по отношению к государственной власти и доле участия в ней? Дальнейшие исторические события показали, что являлся, но не в полной мере.

Советский народ, на наш взгляд, в тот период был категорией декларируемой, но не реальной. В реального государственно-правового субъекта советский народ превратился в ходе Великой Отечественной войны. По всем внешним расчетам, СССР должен был проиграть объединенной в Третий Рейх Европе. Германский фашизм в ту эпоху строил свои планы на уверенности в том, что силы российской цивилизации не сопоставимы с возможностями Европы, находившейся тогда на пике военного могущества и боевой слаженности, ни по объемам производства, ни по качеству продукции, технологий и рабочей силы. Несмотря на авантюризм идей Гитлера, их исполнители – офицеры германского Генерального штаба – были профессионалами высокого уровня,

достаточно далекими от нацистского мистицизма и мессианства, специалистами, строящими свою деятельность исключительно на холодном расчете, исходя из которого они делали вывод, что СССР должен был потерпеть поражение в войне уже к зиме 1941 года.

Вопреки этому расчету уже к декабрю 1941-го Советский Союз смог начать эффективно противостоять врагу, к ноябрю 1942-го научился побеждать его, а к лету 1943-го промышленность, эвакуированная на Урал и за него, стала давать средства ведения войны в достаточном количестве. Наше военное искусство, и наша оборонная промышленность стали расти опережающими Германию и всю Европу темпами.

Автор является коренным жителем Волгограда (Сталинграда)¹. История его семьи крепко связана с историей города. На протяжении всей жизни он видел исторические свидетельства того, что в данном месте отстояли не только город, но и страну. После отступления в полторы тысячи километров перед умелым и мотивированным врагом на оставшихся 200 метрах до уреза волжской воды, на кромке обрыва, в условиях фактической потери связи с базами снабжения, ограниченных возможностей пополнения, тактического окружения (к концу октября 1942 года в наших руках оставались только изолированные друг от друга участки городской территории) советские войска смогли упереться, и российская цивилизация не пустила экзистенциального врага дальше.

Всем недавно командующий войсковой группой специальной военной операции генерал С.В. Суровикин вынужден был отвести войска из Херсона именно потому, что возникла реальная угроза оказаться перед необходимостью оборонять этого город по сталинградскому варианту. Во время Великой Отечественной войны у нас не было возможности поступить таким образом.

Склонные к мистицизму именуют сталинградскую победу чудом. А умеющие смотреть, оценивать и делать выводы называют ее историческим и юридическим фактом рождения советского народа как субъекта государственно-правовых отношений и субъекта исторического процесса. Автор целиком согласен с мнением известного историка культуры покойного Вадима Кожина, по мнению которого именно на волжских берегах, во время Сталинградской битвы родилась такая культурно-историческая общность, как советский народ².

Именно в этот период на свободной территории СССР стало широко известно о зверствах Вермахта, СС и Гестапо на оккупированных территориях страны по отношению к советским людям. Тотальный террор, устроенный нацистами и их пособниками, убедил население СССР в единстве исторической судьбы лучше, чем вся предыдущая работа Советской власти по формированию советского гражданина и советского народа из вчерашних (по историческим меркам) подданных Российской империи. Население СССР начало

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 10.11.1961 «О переименовании Сталинградской области в Волгоградскую область и города Сталинград в город Волгоград» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. № 43. 16.11.1961. Ст. 624. С. 645.

² Кожин В.В. Россия. Век XX-й. В 2-х т. М.: Алгоритм, 2001.

превращаться в советский народ, равного которому в ту эпоху не было.

Уважение к советскому государству и народу очень наглядно демонстрируется поведением наших в то время союзников, а впоследствии – противников. В межгосударственных отношениях это была настороженная уважительность. Примерно так вынуждены они были себя вести по отношению к нашей стране вплоть до середины 1980-х.

Когда СССР прекратил свое существование, его правопреемница Россия оказалась перед необходимостью второй раз за столетие начинать государственно-правовое и социально-экономическое строительство, по сути, «с нуля», путем проб и ошибок на новом «либеральном» пути развития страны.

Автор этой статьи не ставит перед собой задачи выражения оригинального взгляда на социально-политическую сущность таких категорий, как народ или гражданин. Во-первых, вопросы юридической сущности этих субъектов конституционно-правовых отношений последовательно и, как представляется, в полной мере исследовали известные отечественные ученые-государствоведы О.Е. Кутафин [5], Ф. Кокошкин¹, В.В. Сокольский² и др. А во-вторых, сейчас автора интересует не столько юридическая, сколько культурно-историческая и нравственно-правовая составляющая рассматриваемых институтов. Поскольку именно в этом кроется их реально-последовательная субъектность.

Статья 1 Конституции Российской Федерации устанавливает для нашего государства республиканскую форму правления. Рядовой гражданин России воспринимает республику в противопоставлении монархии.

Псевдонаучный ресурс «Википедия» определяет республику как форму государственного правления, при которой все органы государственной власти избираются на определенный срок и формируются общенациональными представительными учреждениями (например парламентом), а граждане обладают гражданскими и политическими правами. Важнейшей чертой республики как формы правления называется выборность и сменяемость главы государства, в большинстве случаев исключая наследственный или иной невыборный способ передачи власти. При этом упускается из виду исконный смысл слова, поскольку «республика» изначально в переводе с латыни означает «общее дело».

Именно это – общее дело – сводит воедино таких разных по своим качествам и положению людей. Именно оно побуждает мужчин, женщин, а порой и не вступивших в возраст дееспособности детей проявлять альтруизм, принося в жертву даже свою жизнь. Основы альтруизма, как правило, закладываются в семье, где в зависимости от традиционной социальной роли четко структурированы представления о взаимных правах и обязанностях.

Представляется, что именно с семьи и начинается народ. Поскольку как субъект государ-

ственно-правовых отношений он представляет собой не совокупность граждан, находящихся в гипотетических обоюдных отношениях с конкретным государством, а вполне себе реальный дуалистический союз. Где, с одной стороны, в качестве объединяющего начала выступают язык, культура и религия (в современном обществе она есть часть основы культуры, ее краеугольный камень, даже у атеистов), а с другой стороны, народ является взаимосвязанной суммой политических свойств, прав и обязанностей, которые чаще всего имеют внеэтнические свойства (наднациональный и внерелигиозный характер)². Примерами могут служить такие многонациональные государства, как Россия, КНР или Индия [6, 7], которые, несмотря на процессы глобализации, остаются самобытными вненациональными образованиями, способными объединять большие географические регионы [8], стремясь совместить границы сферы своего политического влияния с объективно существующими цивилизационными границами, «т.е. создать новые имперские образования» [9, с. 20].

Осмыслив важную роль семьи, начинаешь еще острее понимать, почему именно внутрисемейные принципы и ценности традиционного общества в последние двадцать лет оказываются главным объектом нападков со стороны политического мейнстрима Запада и внутривосточных «креативных групп» его помощников (иностранных агентов) [10]. Задача данной деятельности – размыть в сознании инфантильных граждан наиболее фундаментальные принципы взаимоотношений традиционного общества, выступающие гарантиями самого существования народа. И превратить народ в простую сумму населения, потребителей, индивидуумов с фрагментарно-хаотичным представлением о мире и о себе с целью дальнейшей манипуляции им [11]. Результаты данной деятельности ярко продемонстрированы всему миру на примере современной Украины, где с помощью навязанной населению Западом власти удалось стремительно (по историческим меркам) превратить часть русского народа в агрессивно недружественную анти-Россию.

Нечто подобное предтечам нынешних доморощенных пропагандистов «поклонения Западу» в относительно недавнем прошлом уже удавалось и в нашей стране. Итогом стал развал СССР, названный В.В. Путиным геополитической катастрофой. Почему в то время народ и государственник не встали на защиту страны? На наш взгляд, главная причина этого заключалась в общей глубокой усталости советского общества от деградирующей экономики и бледной социально-политической жизни, дурного управления, популистских решений руководства страны.

Представляется, что полученный противниками России опыт «мягкой силы» не забыт. Повседневная благодушная расслабленность россиян делает их подобными лягушке, которую, не ошпаривая, медленно нагревают в котелке до кипения. Например, что есть российское гражданство для среднестатистического российского жителя? Не-

¹ Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву / 2-е изд. М., 1912. 432 с.

² Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса, 1890. 415 с.

кий фон, который время от времени напоминает о себе некоторыми неудобствами (налоги, служба по призыву, напоминание о выборах, которые многие граждане рассматривают как нечто, не имеющее к ним отношения) или, напротив, приносит редкие приятности в виде социальных дотаций, выплат, компенсаций, воспринимаемых гражданами не как социальное завоевание, а как нечто само собой разумеющееся (потому что «государство должно»).

Данная ситуация возникла в силу того, что государство самоустранилось от воспитания граждан, закрепив это правило в ст. 13 Конституции Российской Федерации, несмотря на то, что создание национального мировоззрения является одной из основных функций государства [12, с. 20-21]. Конечно, отказ от воспитания – это тоже воспитательный метод, однако мы в результате получили поколение, в котором значительная часть мужчин призывного возраста после объявления о частичной мобилизации ринулась штурмовать пограничные пункты, чтобы покинуть страну.

Опомнившись в начале 2010-х, наши государственные деятели попытались исправить положение, введя в системе военной службы и службы в правоохранительных органах общегосударственную подготовку (аналог забытых политезанятий в Вооруженных силах СССР). Однако после того как главный институт общеобразовательного и нравственно-политического воспитания граждан – школа – не работает в этом направлении более тридцати лет, ситуацию изменить очень трудно. Образовательный процесс в России не просто ушел от воспитания гражданственности и высоких моральных качеств, сведя себя к «оказанию образовательных услуг». Он как важнейший институт формирования личности еще в середине 1990-х одним из первых был взят под контроль недоброжелателями нашей страны (к примеру, автор был в свое время вынужден организовывать дополнительный образовательный курс в области русской истории и литературы для собственного ребенка).

Республика – это общее дело. То есть это система взаимных связей человека с другими людьми и государством (народовластие), что и составляет содержание значительной части такого института, как гражданство. И категории государство, народ и гражданство есть неразрывное целое. В случае их разрыва, провалов в системе взаимосвязей государство начинает «лихорадить». Оно становится больным. И мы могли это наблюдать воочию.

Изучение сущности народа, народовластия, гражданства неизбежно приведет исследователя не только в область общей идеологии основ государственности и народовластия, но и в ту часть сущности, которая именуется правосознанием и правовой культурой¹. Потому что воспитательный процесс в рамках мотивации к гражданской позиции и народовластию сам по себе, в отрыве от правовой идеологии и правовой психологии будет носить сугубо схоластический характер благих

пожеланий и несбыточных мечтаний (маниловщины).

К великому сожалению, наша правовая культура, а с ней и правосознание ныне находятся в таком состоянии, что и школьное, и общегосударственное воспитание. Политика правоприменения в области судебных решений, пенитенциарная практика, практика исполнения судебных решений, правоприменительная деятельность правоохранительных органов оставляют желать лучшего. Да и в целом внутренняя политика в условиях инерции 1990-х годов побуждают граждан не только к отчуждению от государства и общего дела, но и к взаимному отчуждению. Автору представляется, что это является следствием отсутствия у части национальной экономической «элиты» комплексного понимания стратегических перспектив жизни и роста российского государства.

Понимание государственного выживания в изменившихся внешнеполитических условиях на ближайшую перспективу есть, однако в долгосрочной перспективе гражданин проживает в условиях его фактического устранения от «общего дела». С одной стороны, постоянный прессинг и мелочная опека там, где российский гражданин традиционно привык быть автономным (например в отношениях с собственными несовершеннолетними детьми). С другой стороны, непонятно, на каком основании на территории России так широко благоденствуют микрофинансовые организации и иные виды бизнесов, построенных на злоупотреблении правом и доверчивостью россиян. Видимо, вскоре это станет таким же поводом для очередного недоуменного вопроса в Совете Федерации, как вопрос о гвоздях². В свою очередь, проблемы правоприменения в следственной и судебной практике, связанные с такими институтами права и способами выражения гражданской позиции, как необходимая оборона и крайняя необходимость, давно являются темой для резонансных общественных разбирательств. До недавнего времени уголовно-правовой оценки не имели факты невыполнения заказа предприятиями военно-промышленного комплекса в условиях ведения специальной военной операции.

Представляется, что весь этот негатив есть прямое следствие замены пошлой материальной мотивацией нравственно-правовых ориентиров, которые сумму индивидуумов превращают в народ, которые в прошлом удержали нашу страну на краю распада и небытия, которые позволяли, позволяют и будут позволять решать совместно самые сложные, самые невероятные задачи. Надо только проявить политико-юридическую волю и настойчивость в воссоздании разрушенного ранее комплекса нравственно-правовых императивов, яснее формировать единое представление о собственном прошлом, настоящем и будущем. И сейчас это особенно важно, потому что все страны мира находятся в фазе общеисторического формационного перехода. Мы вступаем в его самую опасную, острую часть. Выживет и победит

¹ Алексеев С.С. Государство и право: Учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 161-168.

² Литвинов Д. В России обнаружена гвоздезависимость // Парламентская газета. 24.04.2022 // URL: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 27.11. 2023).

тот, кто будет иметь внутреннее единство, четкое представление об общих для всех целях и задачах, сбалансированное представление о реальном соотношении прав и обязанностей различных членов общества, чувство сопричастности к своей стране – своей Родине [13, с. 7]. Остальные уйдут в небытие.

Без единой идеологии как инструмента, обеспечивающего совместное существование, государственное и цивилизационное выживание в стремительно изменяющемся мире представляется невозможным. Оппоненты справедливо возразят, указав на неизменность 13-й статьи Конституции Российской Федерации. Но какое положение Конституции запрещает делать широкие выводы о содержании и смысле Преамбулы Конституции, реализации в ней общеправовых принципов? [14, 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, когда Россия добьется выполнения поставленных перед специальной воен-

ной операцией целей, настанет пора принимать следующую Конституцию. В настоящее же время жизненно необходимо принять Программу приведения правоприменительной практики и существующих нормативно-правовых актов в соответствие с ценностями, закрепленными Преамбулой Конституции и Стратегией обеспечения национальной безопасности, что приведет к самоочищению в области культуры, управления, образования, искусства, науки и т.д.

Без комплекса идеологием, спланированных население в народ, без гражданского единства как условия сплочения, существование и развитие народа и государственности невозможно. Закрепленный в Конституции Российской Федерации 1993 г. отказ от идеологии, или позитивного социопрограммирования, может привести нас в очередной раз к национальной катастрофе, что в современных условиях будет означать конец российской цивилизации. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багдасарян В.Э. Россия – Запад: цивилизационная война: Монография. М.: Форум, 2017. 410 с.
2. Багдасарян В.Э. Сравнительный конституционный анализ. Конституция РФ как конституция побежденного государства // Либеральная Конституция России 1993 года: проблема смены: материалы научно-экспертной сессии. М.: Наука и политика, 2014. С. 14-42.
3. Мелихов А.И., Харченко А.В., Андриющенко Т.И., Никитина Г.А. Нация как объект обеспечения национальной безопасности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX международной научно-теоретической конференции; Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2022 г.; в 2 ч. Ч. 1. СПб: СПбУ МВД России, 2022. С. 421-428.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 490 с.
5. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 3. Российское гражданство: Монография. М.: Проспект, 2011. 416 с.
6. Спиридонова В., Соколова Р., Шевченко В. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ // Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы. Вып. 6. Т. 252 (294). М., 2020.
7. Малков С.Ю. Россия – государство-цивилизация // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции; Великий Новгород, 19 сентября 2012 г. М.: Научный эксперт, 2013. С. 700-711.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
9. Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Legal Concept. 2012. № 2. С. 18-28.
10. Працко Г.С., Мелихов А.И., Истратенков А.Ю. Конституционно-правовые ценности как основной объект национальной безопасности // Вестник Евразийской академии административных наук. 2017. № 1 (38). С. 116-120.
11. Мелихов А.И. Носители ценностных ориентиров в праве // Право как ценность и средство государственного управления обществом: сборник научных трудов. Вып. 7. Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 59-67.
12. Грачев Н.И. Функции государства как социально-политического организма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 16-27.
13. Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Место принципов права в системе российского права // Академический юридический журнал. 2009. № 2. С. 4-10.
14. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью: Монография / 3-е изд. испр. и доп. М.: Научный эксперт, 2013. 472 с.
15. Мелихов А.И., Працко Г.С. Родина – форма коллективного выживания и актуальный объект обеспечения национальной безопасности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 5-15.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V.E. Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna: Monografiya. M.: Forum, 2017. 410 s.
2. Bagdasaryan V.E. Sravnitel'nyy konstitutsionnyy analiz. Konstitutsiya RF kak konstitutsiya pobezhdenogo gosudarstva // Liberal'naya Konstitutsiya Rossii 1993 goda: problema smeny: materialy nauchno-ekspertnoy sessii. M.: Nauka i politika, 2014. S. 14-42.

3. Melikhov A.I., Kharchenko A.V., Andryushchenko T.I., Nikitina G.A. Natsiya kak ob"yekt obespecheniya natsional'noy bezopasnosti // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii; Sankt-Peterburg, 28-29 aprelya 2022 g.; v 2 ch. CH. 1. SPb: SPbU MVD Rossii, 2022. S. 421-428.
4. Kara-Murza S. Manipulyatsiya soznaniyem. M.: Algoritm, 2000. 490 s.
5. Kutafin O.Ye. Izbrannyye trudy: v 7 t. T. 3. Rossiyskoye grazhdanstvo: Monografiya. M.: Prospekt, 2011. 416 s.
6. Spiridonova V., Sokolova R., Shevchenko V. Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: filosofsko-politicheskiy analiz // Rossiyskaya (russkaya) tsivilizatsiya: istoriya, realii, perspektivy. Vyp. 6. T. 252 (294). M., 2020.
7. Malkov S.Yu. Rossiya – gosudarstvo-tsivilizatsiya // Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskiye traditsii i vyzovy XXI veka. Materialy Vserossiyskoy nauchno-obshchestvennoy konferentsii; Velikiy Novgorod, 19 sentyabrya 2012 g. M.: Nauchnyy ekspert, 2013. S. 700-711.
8. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M.: AST, 2003.
9. Grachev N.I. Imperiya kak forma gosudarstva: ponyatiye i priznaki // Legal Concept. 2012. № 2. S. 18-28.
10. Pratsko G.S., Melikhov A.I., Istratenkov A.YU. Konstitutsionno-pravovyye tsennosti kak osnovnoy ob"yekt natsional'noy bezopasnosti // Vestnik Yevraziyskoy akademii administrativnykh nauk. 2017. № 1 (38). S. 116-120.
11. Melikhov A.I. Nositeli tsennostnykh oriyentirov v prave // Pravo kak tsennost' i sredstvo gosudarstvennogo upravleniya obshchestvom: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 7. Volgograd: VA MVD Rossii, 2010. S. 59-67.
12. Grachev N.I. Funktsii gosudarstva kak sotsial'no-politicheskogo organizma // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2017. № 1 (114). S. 16-27.
13. Tirskikh M.G., Chernyak L.Yu. Mesto printsipov prava v sisteme rossiyskogo prava // Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal. 2009. № 2. S. 4-10.
14. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Novyye tekhnologii bor'by s rossiyskoy gosudarstvennost'yu: Monografiya / 3-ye izd. ispr. i dop. M.: Nauchnyy ekspert, 2013. 472 s.
15. Melikhov A.I., Pratsko G.S. Rodina – forma kollektivnogo vyzhivaniya i aktual'nyy ob"yekt obespecheniya natsional'noy bezopasnosti // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. T. 1. № 2. S. 5-15.

© Попов М.Ю., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов М.Ю. Гражданское единство как гарантия российского народовластия и российской государственности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 136-142.

Николай Иванович КОСТЮЧЕНКО,
доктор юридических наук, доцент
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России (г. Симферополь)
профессор кафедры административного
права и административной деятельности,
заслуженный юрист Республики Крым
nikiv1948@gmail.com

Научная статья
УДК 005.1:342.5

ФЕНОМЕН «СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальное управление, государственное управление, социальная система, система управления, подсистема управления, полифония научных мнений, многозначность понятийного аппарата.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье автор рассматривает полифонию терминологии в сфере социального и государственного управления как одну из основополагающих причин проблем теории и практики управления государством и государственными органами. Рассмотрение в отечественной науке феномена социального управления с разных точек зрения политологии, социологии, менеджмента, административного права, теории организаций привело к формированию неоднозначности понятийного аппарата. Ситуация усугубилась с введением практики проверок научных работ на оригинальность с использованием системы «Антиплагиат», которая сделала «бесперспективными» научные исследования в сфере социального и государственного управления. Такое положение дел не может служить основой для научного роста ученых в этой сфере. **Методы.** В качестве методологической основы использованы система, схемы и понятия теории социальных систем и управления, межотраслевые и межнаучные связи естественных, точных, технических, социально-гуманитарных наук. **Результаты.** Для устранения причин возникновения неоднозначности понятийного аппарата в сфере государственного управления предлагается: восстановить научную специальность «Социальное и государственное управление»; рассматривать государство, государственные, негосударственные органы и их подсистемы управления как объективно существующие виды социальных систем; пересмотреть подходы к определению оригинальности научного текста; понятийный аппарат формировать на основании диалектики и теории социальных систем.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении уже многих лет в теории социального и государственного управления формируется неоднозначность понятийного аппарата относительно феномена «управление», которая привела к возникновению множества проблем в теории и практике управления.

Как свидетельствует история формирования научных знаний, связанных с феноменом социального управления, исследование проблем теории и практики социального и государственного управления происходило в разных научных сферах: политологии, социологии, психологии,

теории государства и права, теории организации, менеджмента и т.д., – предметом исследования которых феномен «социальное управление» не являлся. Эта ситуация была обусловлена тем, что научная специальность «Социальное управление» была исключена из числа юридических научных специальностей.

Как следствие – упомянутые выше и другие научные специальности не могли разрешить проблемы теории и практики управления, поскольку их возможности в исследовании феномена «управление» оказались весьма ограничены. Это привело к формированию различия взглядов на проблемы

Nikolay I. KOSTYUCHENKO,
Doctor of Law, Associate Professor
Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Interior of Russia (Simferopol, Russia)
Professor of the Department of Administrative
Law and Administrative Activities,
Honored Lawyer of the Republic of Crimea
nikiv1948@gmail.com

THE PHENOMENON OF «SOCIAL MANAGEMENT» AS A SCIENTIFIC PROBLEM

KEYWORDS. Social administration, public administration, social system, management system, management subsystem, polyphony of scientific opinions, polysemy of the conceptual apparatus.

ANNOTATION. Introduction. In the scientific article, the author examines the problem of polyphony of terminology in the field of social and public administration as one of the fundamental causes of problems in the theory and practice of managing the state and government bodies. Consideration in domestic science of the phenomenon of «social management» from different points of view of political science, sociology, management, administrative law, organization theory led to the formation of ambiguity in the conceptual apparatus. This situation was aggravated with the introduction of checks of scientific works using the «AntiPlagiat» system, which made «unpromising» scientific research in the field of social and public administration, which cannot serve as the basis for the scientific growth of authors in this area. **Methods.** The system, schemes and concepts of the theory of social systems and management, intersectoral and interscientific connections of natural, exact and technical, social and human sciences were used as a methodological basis. **Results.** To eliminate the causes of ambiguity in the conceptual apparatus in the field of public administration, he proposes: to restore the scientific specialty «Social and public administration»; to consider the state, state, non-state bodies and their management subsystems as objectively existing types of social systems; reconsider approaches to determining the originality of a text; form the conceptual apparatus on the basis of dialectics and the theory of social systems.

управления и введению в понятийный аппарат новых элементов – возникновению полифонии мнений. Однако, как показала практика управления, разрешить проблемы, существовавшие в сфере теории и практики управления государством и государственными органами, не представлялось возможным. В числе проблем управления, требующих скорейшего разрешения, необходимо назвать:

- отсутствие рассмотрения феноменов «государство», «государственные органы», «управление» с точки зрения диалектики и теории социальных систем как объективно существующих явлений – видов социальных систем;
- исключение из номенклатуры научных специальностей (из числа юридических наук) специальности «Наука управления»;
- низкая эффективность систем управления, необходимость их замены;
- отсутствие эффективного контроля, аналитического и информационного обеспечения;
- формирование и оптимизация штатной численности сотрудников;
- дублирование функций и полномочий;
- неоправданная перестройка организационных структур.

Упомянутые и многие другие проблемы управления в значительной степени обусловлены неоднозначностью понятийного аппарата в сфере социального и государственного управления, которая привела к возникновению полифонии мнений относительно одних и тех же явлений.

МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования были использованы система, схемы и понятия теории социальных систем и управления, межотраслевые и межнаучные связи естественных, точных, технических, социально-гуманитарных наук.

ОБСУЖДЕНИЕ

Часть этих проблем и возможных путей их разрешения уже рассматривалась ранее. Например, в нашей монографии «Проблемы теории и практики управления социальными системами» [1], которая стала лауреатом международного конкурса научной книги, проводившегося Академией управления МВД России в 2020 г., а также в целом ряде монографий и статей иных авторов [2, 3, 4].

Вместе с тем обозначенные выше и другие проблемы управления государством и государственными органами пока не нашли своего разрешения в практической деятельности по причине сформировавшейся полифонии научных мнений относительно феноменов «управление», «социальное и государственное управление» и терминологии, связанной с этими явлениями.

С учетом сказанного считаем, что рассмотрение основных проблем, связанных с феноменом «управление», целесообразно начать с ситуации возникновения полифонии научных мнений относительно понятийного аппарата в области теории и практики социальных и государственных систем и их подсистем управления.

При обращении к научной литературе, посвященной социальным системам, нетрудно убедиться, что в теории и практике управления государством и государственными органами нет единства научных мнений относительно определения феномена «управление», его места и роли в государстве и государственных органах.

О проблемах управления и отсутствии общепринятого понятийного аппарата в теории и практике управления социальными образованиями на протяжении долгих лет вели речь многочисленные ученые. В их числе можно назвать Ю.П. Алексеева, А.Н. Алисова [5], В.Г. Афанасьева [6], И.Л. Бачило [7], А.Г. Гладышева, В.Н. Иванова [8], К. Килена, В.И. Кнорринга, С.Н. Князева [9], Е.Б. Кубко [10], Б.П. Курашвили [11], Ф.В. Лидер, Г.В. Осовскую, А.А. Осовского, В.И. Патрушева, В.Д. Первалова, О.М. Роя, Ю.В. Синчука, В.Т. Томина [12] и многих других.

Например, Г.В. Осовская и А.А. Осовский отмечали: «Что такое управление, точно никому не известно. Судите сами: один придирчивый аспирант насчитал около трехсот высоконаучных определений управления. Все они приведены в серьезных книгах, и все совершенно разные»¹.

Ю.В. Синчук полагал, что современное государственное управление уже не может быть представлено в виде четких штампов и клише, инструкций и правил, а являет собой скорее управленческую философию, которая была актуальна и в XIX веке и которая остается актуальной и в XXI веке [13].

В.Н. Иванов, А.Г. Гладышев и В.И. Патрушев констатировали, что «часто вместо слова «управление» употребляют термины: регулирование, руководство, администрирование, менеджмент, организация и другие»². При этом они отмечали, что такая неоднозначность определения понятия «управление» создает значительные трудности для субъектов управления при выборе подхода к исследованиям в сфере социальных технологий управления.

В.Г. Афанасьев рассматривал «управление» с философских позиций: «Сущность управления состоит не только в стабилизации управляемой системы, но и в совершенствовании ее посредством перевода из одного состояния в другое»³. При этом он обращал внимание на объективный характер существования рассматриваемого феномена.

Американские ученые М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури считали, что «управление – это функция, вид деятельности по руководству людьми в самых разнообразных организациях, область человеческого знания, помогающая осуществить эту функцию» [14, с. 346].

Особый интерес представляет позиция В.И. Кнорринга: «Управление – древнейшее искусство и новейшая наука. Специалисты в области управления сходятся во мнении, что управление является частью больших политических, экономических,

технологических, социальных и этических систем и основывается на собственных концепциях, принципах и методах, то есть имеет серьезный научно-методический фундамент» [15, с. 45]. Как видно, В.И. Кнорринг отмечает, что «управление» это только «часть» различных социальных систем. С точки зрения диалектики и теории систем это означает, что «управление» как социальное явление выступает неотъемлемым элементом, «подсистемой» любой социальной системы.

Примеры неоднозначности определения феномена «управление» разными учеными можно было бы продолжить, однако даже приведенные формулировки свидетельствуют о том, что научные мнения относительно феномена «управление» имеют различия, причем в ряде случаев – довольно существенные.

В монографиях «Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы» и «Классификация социальных систем и их подсистем управления как основополагающих элементов теории и практики управления» нами были детально проанализированы мнения многих ученых. При этом неоднозначность понятийного аппарата, используемого в отношении феномена «управление», полностью подтвердилась. Управление определялось как: регулирование; руководство; организация; менеджмент; процесс перевода системы из одного состояния в другое с помощью целенаправленного воздействия; сознательное регулирование (упорядочение) общественных отношений; функция организованных систем; форма взаимосвязи элементов системы; создание структуры системы органов; наука, отражающая систему теоретических положений; закономерности, функции, принципы, методы; организационные формы управленческой деятельности и т.д.

Вместе с тем при разрешении проблемы полифонии мнений необходимо учитывать, что множественность определений феномена «управление» в некоторых случаях объективна, что обязательно следует учитывать при выявлении его места и роли в социальных системах. Например, определение данного феномена как: функции социальных систем; процесса управления системой; органа управления социальной системой и т.п. В этих случаях мы имеем дело с разным содержанием смыслового значения явлений. Так, термин «управление», по сути, может обозначать: функцию социальной системы; процесс реализации функции; систему структурных подразделений управления, которые реализуют разные функции системы управления, и т.д.

В то же время вызывает сомнения допустимость замены термина «управление» терминами «регулирование», «руководство», «организация», «менеджмент» и т.д. Подобные замены вряд ли целесообразны и не могут быть обоснованы с точки зрения философии, теории систем и теории управления. «Руководство», «регулирование» и «организация» с точки зрения диалектики и

¹ Осовская Г.В., Осовский О.А. Основы менеджмента: Учебник / 3-е изд. перераб. и доп. Киев, 2006. С. 17.

² Основы социального управления: Учебное пособие / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др.; под ред. В.Н. Иванова. М.: Высш. шк., 2001. С. 41-42.

³ Афанасьев В.Г. Управление // Философский энциклопедический словарь. М.: Политиздат, 1983. С. 704.

теории социальных систем – это прежде всего общие функции любой социальной системы. В ряду общих функций социальных систем (в том числе и системы государства) они являются вспомогательными относительно основной функции – функции управления – и по этой причине не могут «заменить» функцию управления.

Серьезные сомнения вызывает и целесообразность введения нового термина «государственный менеджмент» вместо термина «государственное управление». По своему содержанию «государственное управление» и «менеджмент» с точки зрения философии и теории социальных систем представляют собой разные виды социальных систем. Дословная интерпретация понятия «менеджмент», привнесенного из зарубежных научных источников, означает деятельность организаций, имеющих основные цели в сфере бизнеса, связанные с получением прибыли. Причем при рассмотрении феномена «менеджмент» с точки зрения теории организации можно увидеть, что при описании циклов функционирования организации ученые раскрыли и цикл прекращения существования организации. Такие ситуации объективны, поскольку в ряде случаев продукция, которую производила организация, переставала быть востребованной. В свою очередь, «государственное управление» как вид социальной системы – это одна из подсистем государства, которая должна создаваться в системе при реализации функции управления. Как подсистемное образование «государственное управление» имеет основной целью обеспечение устойчивого функционирования и эволюции государства как вида социальной системы и недопущение разрушения этой системы. Поэтому замена термина «государственное управление» на термин «государственный менеджмент» с точки зрения диалектики и теории социальных систем лишено всякого смысла.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, на основании вышесказанного можно утверждать, что в настоящее время в теории и практике управления социальными системами существует неоднозначность понятийного аппарата, используемого в отношении феномена «управление», которая привела к возникновению полифонии мнений и существенным образом повлияла на эффективность управления функционированием социальных систем.

В условиях полифонии мнений относительно феномена управления («около трехсот высоконаучных определений управления») субъекты управления вряд ли могут создавать оптимальные системы управления. Этот тезис подтверждается и практикой управления. В теории мы говорим о системах управления, а на практике мы не видим «выделения» в социальных системах подсистем управления как структурных элементов системы.

Итак, на основании сказанного можно утверждать, что полифония мнений относительно понятийного аппарата, связанного с феноменом «государственное управление», является серьезной проблемой для осуществления эффективного функционирования любых видов социальных систем.

При этом нам необходимо учитывать еще один фактор, действующий в системе государства, который усугубляет ситуацию с возникновением полифонии научных мнений относительно феномена «управление». Этим фактором является проведение проверок научных работ на наличие заимствований научных мнений и выводов с использованием компьютерной системы «Антиплагиат», которая предусматривает выявление численного показателя такого параметра, как «новизна» научной работы.

Большинство издателей на первоначальных этапах использования системы «Антиплагиат» установили минимально допустимый показатель «оригинальности» научных работ на уровне 70-80%. Однако, как показала практика, по мере «расширения» проверочной базы данных этот показатель издатели вынуждены были снижать, поскольку ранее установленные уровни оказались слишком завышенными. Причем в некоторых случаях даже обновленный «минимум оригинальности» все равно оказался недостижим.

Характерным примером, подтверждающим последний тезис, являются проверки в системе «Антиплагиат» рукописей таких видов научных и учебных работ, как монографии, учебники, учебные пособия, выпускные квалификационные работы, для которых названный выше уровень «оригинальности» вообще не может быть достигнут. Например, обязательными разделами этих работ являются, в частности, «исторический аспект», «анализ научной литературы», изложение мнений разных авторов относительно явления, процессов, понятий, определений и т.д. Эти части текста могут содержать оригинальный текст только разве что в выводах, сделанных по каждому разделу. Кроме того, в учебниках, как правило, приводятся определения и понятия, которые ранее формулировались в разных научных работах. При этом под критерий «текстовые пересечения» стали попадать: списки использованной литературы; сведения об авторах работы; аннотации; ключевые слова; обязательные атрибуты, не имеющие содержательного значения (например атрибуты подписей). В итоге издающим организациям приходилось снижать порог допустимости в отношении уровня оригинальности, причем существенным образом. Все это привело к тому, что с течением времени минимальный уровень оригинальности, допускаемый издателями, упал до 60% и даже до 50%, а авторы, в свою очередь, стали предпринимать попытки замены используемого понятийного аппарата, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, на основании сказанного можно говорить о наличии объективно существующих проблем, связанных с критериями проверки авторских работ в системе «Антиплагиат».

Безусловно, проверка научных работ на наличие плагиата должна иметь место. Однако ситуация, когда при проверке к «плагиату» причисляют цитирование разных источников и устоявшиеся научные словосочетания (использование которых не может не влиять на процент оригинальности), лишена здравого смысла. Более того, подобные «требования» оборачиваются попытками повы-

ситель оригинальность работ за счет введения новых терминов и новой интерпретации существующих. Снова вспомним здесь «придирчивого аспиранта, насчитавшего около трехсот высоконаучных определений управления» [1, с. 17].

В связи с этим напрашивается вывод, что проблема полифонии научных мнений, обусловленная, в частности, обязательностью проверки научных работ в системе «Антиплагиат», должна найти свое разрешение путем корректировки организации проверки на оригинальность текста. В подавляющем большинстве случаев *новизна связана не с необходимостью введения новых понятий, а с разрешением проблем управления за счет повышения эффективности процессов реализации функций социальных систем.*

Еще одной причиной существования полифонии мнений относительно феномена управления является отсутствие восприятия учеными и практиками управления государством и государственными органами – феноменов «государство», «государственные органы», «управление» – как объективно существующих видов социальных систем. Причина заключается в том, что эти явления не рассматриваются ими с точки зрения диалектики, теории систем и теории социального управления. При этом место и роль феномена «управление» в социальных системах остаются неисследованными.

В результате и государство, и министерства, в том числе и органы внутренних дел, учеными и практиками управления определяются *и как органы государства, и как органы управления!!!* Такой подход к определению этих феноменов ошибочен. Он нарушает объективно существующие законы функционирования социальных систем, которые предполагают, что в составе любой социальной системы есть объективно существующие элементы (цели – задачи – функции – структура). При этом в состав функций любой социальной системы и ее подсистем (как системных явлений) входят три вида функций: *конкретные, общие и обеспечивающие*. Конкретные функции служат основой для формирования основополагающих структурных элементов системы и ее подсистем. В нашем случае на их основе в государстве создаются министерства и другие структурные подразделения (в сферах экономики, здравоохранения, строительства, образования, науки и т.д.), которые одновременно являются и подсистемными образованиями государства. На основе общих функций системы государства также *должны создаваться структурные подразделения: управления и обеспечивающие*. На основе первых должны создаваться структурные подразделения управления, а на основе вторых – обеспечивающие подразделения. Например, первые должны реализовывать функции управления и тем самым обеспечивать управление процессами реализации конкретных функций системы (патрульно-постовая служба, уголовный розыск, следствие и т.д.); вторые же должны обеспечивать реализацию административно-хозяйственных функций органов внутрен-

них дел. Таким образом, орган внутренних дел – это вид социальной системы, в которой должны быть: подразделения, обеспечивающие охрану общественного порядка; подразделения, обеспечивающие управление этими подразделениями; и подразделения, осуществляющие административно-хозяйственную деятельность.

К сожалению, в настоящее время этого не происходит, что также способствует сохранению неоднозначности понятийного аппарата в сфере управления и, как следствие, существованию проблем управления как в системе государства, так и во всех государственных органах как системных образованиях.

Завершая рассмотрение вопроса о полифонии мнений относительно феномена «социальное управление», необходимо остановиться на ключевой проблеме ее возникновения и многолетнего существования. Как известно, для успешного осуществления любого вида деятельности в государстве или отдельном министерстве в системе государства должны иметься соответствующие научные специальности, которые призваны обеспечивать формирование научной базы и необходимой научной терминологии. К сожалению, в настоящее время научной специальности «Социальное и государственное управление» в номенклатуре нет.

На эту серьезнейшую проблему еще в 2001 г. обращал внимание доктор юридических наук по специальности «Управление в социальных и экономических системах», заслуженный деятель науки России, профессор В.Т. Томин. В предисловии к учебному пособию С.А. Капитонова¹, говоря о специальности «Государственное управление», он констатировал: «Незаметно исчезла она из специальности 12.00.02, в которой в 60-е годы первоначально появилась. А Приказом Министерства науки и технологий РФ от 25.01.2000 № 17/4 не предусмотрена уже и специальность 12.00.13, сменившая знаменитую 05.13.10 – управление в социальных и экономических системах (экономические, юридические и технические науки)... А ведь исследования в сфере управления в социальных и экономических системах и замыслились как средство поиска новых инструментов для оптимизации правоохранительной и правоорганизационной деятельности, как средство привлечения в этих целях достижений других, не юридических отраслей знания. Такое решение привело к тому, что научные исследования в сфере социального и государственного управления стали «бесперспективными», поскольку не могли служить основой для научного роста их авторов. Как следствие, исследовать проблемы теории и практики управления оказалось некому». Рассмотрение этих проблем с разных точек зрения политологии, социологии, менеджмента, административного права, теории организаций привело к формированию неоднозначности понятийного аппарата и появлению полифонии мнений в сфере понятийного аппарата, связанного с феноменом «управление». Эта ситуация усугубилась с введением требования

¹ Капитонов С.А. Основы управления внутренними делами: Учебное пособие / Под ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2001. С. 5-6.

об обязательности проверок научных работ с использованием системы «Антиплагиат».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению полифонии научных мнений относительно феномена «социальное управление», являющейся причиной существенных проблем в сфере социального и государственного управления, необходимо указать на возможные пути преодоления представленных в статье и ряда других проблем управления социальными и государственными системами.

Как видно, ключевой причиной их возникновения является отсутствие восприятия учеными и практиками управления феноменов «государство», «государственные органы» как объективно существующих видов социальных систем, а управления как их подсистемного образования. Другой

причиной представляется отсутствие в номенклатуре специальности «Социальное и государственное управление».

Считаем, что для устранения названных причин требуется:

- восстановить в номенклатуре научную специальность «Социальное и государственное управление»;
- рассматривать государство, государственные, негосударственные органы и их подсистемы управления прежде всего с точки зрения диалектики и теории систем как объективно существующие виды социальных систем;
- пересмотреть подходы к определению оригинальности текста;
- понятийный аппарат формировать на основании диалектики и теории социальных систем. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Костюченко Н.И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 158 с.
2. Мелихов А.И. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел как структурный элемент социальной системы «Министерство внутренних дел Российской Федерации - органы внутренних дел Российской Федерации» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 142-148.
3. Мелихов А.И. Современные проблемы формирования теории национальной безопасности и ее преподавания, обусловленные отсутствием понятия феномена «безопасность» и разделов по основам теории социальных систем и теории управления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 146-151.
4. Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность: Монография / Под ред. В.И. Попова. М.: ИНФРА-М, 2002. 97 с.
5. Алисов А.Н., Грищенко Е.Е. Управление развитием малого предпринимательства в регионах России. М.: МАКС Пресс, 2003.
6. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 432 с.
7. Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. М.: Юркомпани, 2012. 280 с.
8. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Издательство «Экономика», 2001. 327 с.
9. Князев С.Н. Управление: искусство, наука, практика. Мн.: Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2002.
10. Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / Под общ. ред. Е.Б. Кубко. К.: Юринком, 1997. 192 с.
11. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / Отв. ред. М.И. Пискотин. М.: Наука, 1987. 292 с.
12. Томин В.Т., Попов А.П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. М.: Директ-Медиа, 2015. 115 с.
13. Синчук Ю.В. Система государственного управления: теоретико-методологические основы // Сборник статей научно-практической конференции, 25 октября 2017 г. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 97-105.
14. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1998.
15. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. М.: НОРМА, 2001.

REFERENCES

1. Kostyuchenko N.I. Problemy teorii i praktiki upravleniya sotsial'nymi sistemami. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. 158 s.
2. Melikhov A.I. Informatsionnoye obespecheniye deyatel'nosti organov vnutrennikh del kak strukturnyy element sotsial'noy sistemy «Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii - organy vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii» // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 3 (54). S. 142-148.
3. Melikhov A.I. Sovremennyye problemy formirovaniya teorii natsional'noy bezopasnosti i yeye prepodavaniya, obuslovlennyye otsutstviyem ponyatiya fenomena «bezopasnost'» i razdelov po osnovam teorii sotsial'nykh sistem i teorii upravleniya // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 3 (50). S. 146-151.
4. Ovchinskiy A.S. Informatsiya i operativno-rozysknaya deyatel'nost': Monografiya / Pod red. V.I. Popova. M.: INFRA-M, 2002. 97 s.
5. Alisov A.N., Grishchenko Ye.Ye. Upravleniye razvitiyem malogo predprinimatel'stva v regionakh Rossii. M.: MAKS Press, 2003.
6. Afanas'yev V.G. Obshchestvo: sistemnost', poznaniye i upravleniye. M.: Politizdat, 1981. 432 s.

7. Bachilo I.L. Gosudarstvo i pravo XXI v. Real'noye i virtual'noye. M.: Yurkompani, 2012. 280 s.
8. Ivanov V.N., Patrushev V.I. Innovatsionnyye sotsial'nyye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. M.: Izdatel'stvo «Ekonomika», 2001. 327 s.
9. Knyazev S.N. Upravleniye: iskusstvo, nauka, praktika. Minsk: Armita-Marketing, Menedzhment, 2002.
10. Vvedeniye v teoriyu gosudarstvenno-pravovoy organizatsii sotsial'nykh sistem / Pod obshch. red. Ye.B. Kubko. K.: Yurinkom, 1997. 192 s.
11. Kurashvili B.P. Ocherk teorii gosudarstvennogo upravleniya / Otv. red. M.I. Piskotin. M.: Nauka, 1987. 292 s.
12. Tomin V.T., Popov A.P. Effektivnoye ugolovnoye sudoproizvodstvo: upravlencheskiye, sotsial'nyye i pravovyye aspekty. M.: Direkt-Media, 2015. 115 s.
13. Sinchuk YU.V. Sistema gosudarstvennogo upravleniya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy // Sbornik statey nauchno-prakticheskoy konferentsii, 25 oktyabrya 2017 g. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2018. S. 97-105.
14. Meskon M., Al'bert M., Khedouri F. Osnovy menedzhmenta. M.: Delo, 1998.
15. Knorring V.I. Teoriya, praktika i iskusstvo upravleniya. M.: NORMA, 2001.

© Костюченко Н.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Костюченко Н.И. Феномен «социальное управление» как научная проблема // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 143-149.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Светлана Викторовна КАЛАШНИКОВА,

кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0009-0006-8516-3846

Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)

доцент кафедры иностранных языков

kalash-sv@mail.ru

Научная статья

УДК 811.111:004.357+351.74

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Проектная деятельность, профессионально ориентированное обучение, междисциплинарные знания, коммуникативная компетенция, методы обучения, профессиональная деятельность, сотрудничество, иноязычная коммуникация.

АННОТАЦИЯ. Введение. Актуальность исследования связана с возросшими требованиями общества к профессиональной подготовке выпускников. Новая образовательная парадигма ориентирует преподавателя на включение новых технологий в процесс обучения иностранному языку. Цель исследования заключается в обосновании эффективности применения проектной деятельности в профессионально ориентированном обучении иностранному языку. В статье рассматриваются возможности проектной деятельности по использованию прикладных знаний специальных дисциплин и развитию коммуникативной компетенции.

Методы. В качестве основных методов были использованы теоретический анализ научной и научно-методической литературы, систематизация материалов по проблеме исследования, эмпирический метод.

Результаты. Описанная методика организации проектной деятельности иллюстрируется примером ее успешной реализации в образовательном процессе. Научная новизна работы заключается в обосновании необходимости внедрения проектной деятельности наряду с традиционными формами обучения иностранному языку. Проектная деятельность стимулирует познавательные способности обучающихся, повышает мотивацию к обучению, то есть является эффективным и целесообразным методом овладения иностранным языком. Результаты исследования доказали, что применение описанного в статье метода повышает качество знаний обучающихся с базового до средне-продвинутого уровня и может быть рекомендовано к использованию в образовательных организациях МВД России.

ВВЕДЕНИЕ

Современные требования к профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов определяют необходимость повышения качества высшего образования посредством совершенствования методов обучения. Продуктивность образовательного процесса в вузах МВД России обеспечивается использованием достижений социокультурного развития общества, традиционного и прогрессивного опыта участников педагогической деятельности. Актуальность проведенного нами исследования обусловлена потребностью активного внедрения в образовательный процесс проектной деятельно-

сти, целью которой является привлечение обучающихся к освоению профессиональных знаний, к формированию навыков решения служебных задач. Преподавание иностранного языка в ведомственных вузах МВД России направлено на развитие и совершенствование профессионально ориентированной коммуникативной компетенции сотрудников органов внутренних дел. Включение обучающихся в проектную деятельность на аудиторных занятиях и в период самостоятельной подготовки гарантирует создание иноязычной образовательной среды, инновационного восприятия особенностей профессиональной деятельности специалистов правоприменительной сферы.

Svetlana V. KALASHNIKOVA,

Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor, ORCID 0009-0006-8516-3846
Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (Barnaul, Russia)
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
kalash-sv@mail.ru

PROJECT ACTIVITY AS A METHOD OF REALIZATION PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERIOR OF RUSSIA

KEYWORDS. Project activity, professionally oriented teaching, interdisciplinary knowledge, communicative competence, methods of teaching, professional activity, cooperation, foreign language communication.

ANNOTATION. *Introduction.* The relevance of the research is related to the increased demands of society for the professional training of graduates. The new educational paradigm focuses the teacher on the inclusion of new technologies in the process of foreign language education. The aim of the study is to substantiate the effectiveness of using project activity in professionally oriented foreign language teaching. The paper discusses the possibilities of project activity for the use of applied knowledge of special disciplines and the development of communicative competence. *Methods.* The theoretical analysis of scientific and methodological literature, the systematization of materials on the research problem and the empirical method have been used as the main research methods. *Results.* The described methodological approach is illustrated by the example which was successfully realized in the educational process. Scientific novelty of the study lies in substantiation of the introduction the project activity together with traditional methods of foreign language teaching. Project activity gives an incentive to cognitive abilities of trainees', increases their motivation, i.e. it is appropriated as efficient and advisable method for improving practical mastery of foreign language. As a result it has been proved that knowledge quality of specialists' changes from Elementary level to Upper-intermediate and this method can be recommended for implementation in the system of the Interior of Russia.

Проблемы профессионально ориентированного обучения иностранному языку вызывают значительный интерес в педагогической и научно-методической литературе. Например, О.А. Артемьева [1], М.В. Ляховицкий [2], О.Г. Поляков [3] указывают на то, что изучение иностранного языка не ограничивается получением специализированных языковых знаний, а является средством повышения уровня профессиональной образованности в целом. Особенности проектной деятельности анализируются в трудах И.А. Колесниковой [4], П.И. Балабанова [5], В.С. Безруковой [6]. Исследователи отмечают, что проектная деятельность помогает эффективно интегрировать обучающихся в будущую профессию.

Обучение иностранному языку в образовательных организациях МВД России предполагает внедрение технологий, позволяющих решать специалистам правоохранительной сферы профессиональные задачи. Наше исследование ориентировано на изучение возможности использования проектной деятельности в языковой подготовке сотрудников органов внутренних дел. Для достижения поставленной цели предполагалось решить следующие задачи:

- раскрыть содержание понятия проектной деятельности и ее значение в овладении навыками иноязычной профессиональной коммуникации;
- выделить особенности профессионально ориентированного обучения иностранному языку в образовательных организациях МВД России;
- проанализировать собственный педагогический опыт применения проектной деятельности как метода профессионально ориентированного обучения иностранному языку.

МЕТОДЫ

В качестве основных методов исследования применялись: эмпирический метод, обобщение личного педагогического опыта в рассматриваемой предметной области, анализ научных публикаций по проблеме организации преподавания иностранного языка посредством традиционных и инновационных технологий. Кроме того, осуществлялись систематизация и интерпретация полученной информации.

ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе обучения иностранному языку в образовательных организациях МВД России используются педагогические технологии, ориентированные на умственное, творческое, морально-нравственное, эстетическое и этическое развитие обучающихся. Становление специалиста правоохранительной деятельности обеспечивается моделированием и реализацией образовательных программ, имеющих значение для развития субъектной позиции обучающихся, инициативности, ответственности, способности принимать нестандартные решения.

Понятие проектная деятельность по-разному интерпретируется в методической и научно-педагогической литературе. Е.С. Полат считает, что метод проектов позволяет обучающимся решать возникающую проблему в результате самостоятельных действий [7]. И.А. Зимняя и Н.Ю. Пахомова рассматривают проектировочную деятельность в качестве основы личностно ориентированного образования [8, 9]. Н.А. Бреднева определяет проектную деятельность как инструмент самореализации обучающихся [10]. А.Е. Капаева характеризует ее как особую форму организации коммуникативно-познавательной деятельности [11]. Ав-

торы метода проектов Дж. Дьюи и В.Х Килпатрик закладывали в рассматриваемое понятие обучение через активную деятельность, соотнося ее с личными потребностями обучающихся в определенной области знаний [12, 13]. Систематизируя имеющиеся в научных литературных источниках толкования, мы приходим к выводу о том, что проектная деятельность представляет собой целенаправленную работу обучающихся по приобретению профессиональной информации, ее дальнейшей обработке с целью извлечения новых знаний и предъявления в доступной форме, по демонстрации и защите полученных результатов.

Задачами проектной деятельности при обучении иностранному языку являются: включение обучающихся в индивидуальную и коллективную работу, расширение границ их автономного существования в образовательном процессе, организация гибкой системы контроля за деятельностью и стимулирование рефлексии; интегрирование междисциплинарных знаний при изучении иностранного языка; совершенствование навыков профессиональной коммуникации. К числу основных особенностей проектной деятельности относятся: непрерывная планомерная работа обучающихся, актуализация навыков речевого взаимодействия; координация информации, полученной из различных областей знаний; наличие конечного результата в виде печатного или электронного документа [14].

Успешная организация проектной деятельности зависит от педагогического мастерства преподавателя, его управленческих и новаторских способностей. Педагог должен сформировать определенный уровень профессионального общения на иностранном языке, достаточный для осуществления профессиональной деятельности, самообразования и самосовершенствования. Традиционный подход к профессионально ориентированному обучению уделяет основное внимание чтению, пониманию и переводу текстов по специальности. В настоящее же время приоритетом обучения иностранному языку стало формирование коммуникативной компетентности, предусматривающей, в частности, воспроизведение прослушанного и прочитанного как в устной, так и в письменной форме. Обучающиеся должны приобрести такой объем лингвистических знаний, который позволит им ориентироваться в информации, полученной из аутентичных источников. Образовательный процесс учитывает потребности обучающихся в познании материала, востребованного при решении служебных задач [15]. Освоение иностранного языка развивает логическое и критическое мышление, коммуникативные способности и умения, способности к интеллектуальным действиям. Сознательное отношение к иностранному языку определяет гражданскую позицию обучающихся, формирует толерантное отношение к другим народам и культурам.

Профессионально ориентированный подход к обучению иностранному языку заключается в привлечении, получении и сохранении новых знаний и умений, позволяющих установить взаимодействие в пределах иноязычной коммуни-

кации и профессиональных компетенций. Обучающиеся активно включаются в процесс восприятия и осознания требований практической деятельности. Коммуникативная направленность выражается в создании условий для участия в речевой деятельности по вопросам юридической специальности.

Основными задачами профессионально ориентированного обучения иностранному языку являются:

- формирование лингвистической, социокультурной, стратегической, дискурсивной компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности;
- совершенствование мотивированности участников образовательного процесса;
- актуализация фундаментальных знаний по специальным дисциплинам;
- внедрение инновационных технологий, развивающих познавательную активность обучающихся по овладению теоретическими и прикладными знаниями, личностно значимые качества и способствующие профессиональному и карьерному росту.

В процессе обучения иностранному языку преподаватель должен указывать на практическую значимость содержания дисциплины; предлагать задания, имеющие прикладной характер; привлекать обучающихся к исследовательской и проектной деятельности с целью формирования креативного мышления и критического сознания. Следует отметить, что являясь инновационной технологией, метод проектов обладает значительным образовательным потенциалом. Организация подобной деятельности стимулирует обучающихся к приобретению дополнительных знаний, удовлетворяет их потребности в социальной и деловой коммуникации, активизирует самостоятельную работу и совершенствует навыки командной работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях преподавания иностранного языка обучающимся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» в Барнаульском юридическом институте МВД России приоритетное значение придается использованию проектной деятельности как альтернативного метода обучения. Метод проектов реализуется в рамках образовательной программы дисциплины «Иностранный язык» в соответствии с тематическим планом. Тематический план определяет модули предметного содержания дисциплины, которые предусматривают коммуникативные ситуации, ориентированные на развитие иноязычной коммуникативной компетенции в контексте профессиональной деятельности, и учитывают фундаментальные знания, полученные при освоении специальных дисциплин.

Приведем пример учебного проекта «Система правосудия» (таблица 1), направленного на подготовку монологического высказывания, содержащего информацию о системе правосудия в Российской Федерации, Великобритании и США.

Методика реализации данного проекта предусматривала несколько стадий.

СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ

Раздел тематического плана	Примерные модули содержания проекта
Judicial system of the UK	Hierarchy of English courts is defined. Trial by jury is an ancient feature of English justice. Barristers and solicitors are 2 main groups of the legal profession.
Judicial system of the USA	Three main levels exist in the United states. The head of judicial power is the Supreme Court. Penal institutions were created for treatment or correction rather than punishment.
Judicial system of the Russian Federation	There are some types of Courts in Russia/ The judges are independent and they must obey the law. There are several kinds of punishment available to the courts.

Предварительная стадия предполагала погружение обучающихся в деятельность. Преподаватель предъявляет информацию об объеме монологического высказывания, о структуре и логике изложения, использовании выразительных средств, отвечающих за эмоциональное воздействие на адресата.

Организационная стадия предназначена для выработки определенных действий участников проекта. Обучающиеся выделяют проблему в рамках тематического модуля, определяют цель и задачи, предоставляют план работы, распределяя конкретные задания и создавая рабочие микрогруппы. Нахождение способа решения проблемы определяет цель, а сформулированные задачи связаны с достижением поставленной цели. Обучающиеся предпринимают действия по осмыслению значимости предстоящей работы и участию в познавательной деятельности, направленной на создание проекта. Например, проект может включать в себя ответы на следующие дискуссионные вопросы: «The judicial system of the USA ensures justice for everyone. What do you think?», «Judges play a crucial role in administering justice. Do you agree?», «People's trust in the judicial system affects how they view the law and justice. Is this change positive or negative?» и другие.

Ключевой для успешного осуществления проекта является исследовательская стадия. Это обусловлено тем, что на ней участники проекта проводят отбор аутентичного текстового материала по заданной проблеме. Обучающиеся знакомятся со справочной литературой на иностранном языке, используют интернет-ресурсы. Изучение зарубежных источников расширяет профессиональный кругозор, развивает когнитивные способности и самостоятельность. Для ознакомления предлагаются следующие сайты:

- судебная система Великобритании:
<https://www.supremecourt.uk/about/uk-judicial-system.html>,
<https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/our-justice-system/>;
- судебная система США:
<https://www.justice.gov/usao/justice-101/federal-courts>,

<https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/court-role-and-structure>;

- судебная система Российской Федерации:
<https://www.ksrf.ru/en/Info/Pages/default.aspx>,
<http://duma.gov.ru/en/news/28865/>,
https://vsrf.ru/en/judicial_system/overview/.

Данная стадия включает в себя также мероприятия, проводимые под руководством преподавателя:

- разработку способов достижения цели;
- установление сроков предоставления проекта для оценивания;
- определение содержания, отвечающего запросам профессиональной деятельности;
- индивидуальное или командное выполнение заданий, отражающих проблематику проекта;
- промежуточное оценивание полученных результатов, вычленение пробелов и трудностей, влияющих на качество проекта;
- осуществление контроля работы руководителем проекта;
- обсуждение наглядного оформления полученных материалов, графического и звукового сопровождения.

Демонстрационная стадия связана с презентацией монологического высказывания индивидуально или в составе группы. Представление продукта проектной деятельности осуществляется в виде инфографического плаката или постера, научного доклада, презентационного видеоролика или видеоролика, информационного буклета или бюллетеня. На данной стадии участники проекта имеют возможность ознакомиться с профессиональной информацией, отраженной в других проектах, принять участие в обсуждении, высказать аргументированную точку зрения по темам представленных к обсуждению проектов. Таким образом, обучающиеся выходят за границы собственных прикладных знаний, включаются в осознанный процесс генерирования информации.

Заключительная стадия предполагает анализ результативности проектной деятельности, обсуждение качества проектов. Обучающиеся обмениваются мнениями о содержании монологического высказывания, четкости изложения материала, степени его научности, логичности

и последовательности предъявления междисциплинарных знаний. Преподаватель оценивает грамотность подачи информации с точки зрения языковых норм. Участники обсуждения учитывают, кроме прочего, форму подачи проекта, то есть композиционное решение, иллюстративность и тематическую завершенность представленной информации.

Проект считается реализованным, если его цель достигнута, то есть обучающиеся овладели знаниями по специальности и навыками иноязычной коммуникации. Усвоение алгоритма выполнения проекта происходит при активной, последовательной, самостоятельной деятельности обучающихся. Преподаватель организует, разъясняет, направляет участников образовательного процесса, настраивая их на качественное выполнение заданий проектной деятельности. Консультирование и индивидуальная помощь педагога сопровождает участников проекта в течение всего времени его подготовки. Обучающиеся осваивают виды и формы проектов, работают в коллективе (группе, микрогруппе) или в индивидуальном формате. Совместная работа позволяет определить собственную роль в реализуемом проекте, самореализоваться через партнерство и коммуникацию. Возникающая благоприятная атмосфера сопровождает планирование, разработку и реализацию проекта.

Эффективность обучения иностранному языку посредством проектной деятельности была доказана результатами исследования, проведенного на базе Барнаульского юридического института МВД России. В нашем исследовании приняли участие 36 обучающихся факультета подготовки сотрудников полиции и следователей. В экспериментальной группе (ЭГ) проводилось профессионально направленное обучение английскому языку, ориентированное на формирование коммуникативной компетенции. На занятиях по иностранному языку большое внимание уделялось выявлению проблемных вопросов и нахождению способов их решения, созданию нового информационного поля, отражающего профессиональные интересы и потребности обучающихся, использованию информационно-коммуникативных технологий, обеспечивающих интенсификацию образовательного процесса. Обучение английскому языку в контрольной группе (КГ) имело традиционный характер, не включая специфику преподавания в юридическом институте, то есть использовались аутентичные учебные материалы по юриспруденции, применялись элементы проектной деятельности.

На протяжении двух учебных лет (2021-2022, 2022-2023) обучающиеся экспериментальной груп-

пы активно вовлекались в проектную деятельность. Были созданы условия для преодоления инертности мышления, консервативного восприятия своих профессиональных обязанностей, с одной стороны, и развития креативности, инициативности, ответственности, способности отвечать на вызовы, возникающие в профессиональной деятельности, – с другой. Традиционная методика обучения английскому языку в контрольной группе основывалась на базовых учебных изданиях, рекомендованных Министерством внутренних дел Российской Федерации.

На завершающем этапе изучения дисциплины «Иностранный язык» обучающиеся проходили промежуточную аттестацию. Одно из заданий предусматривало создание монологического высказывания на основе изученного тематического материала. Обучающиеся должны были продемонстрировать навыки и умения иноязычной коммуникативной компетенции. При оценке были выделены следующие критерии: объем и завершенность устной речи, лексическая наполняемость, фонетическая и грамматическая правильность речи, степень реализации коммуникативной задачи. Следует отметить, что на организационном этапе исследования у обучающихся экспериментальной и контрольной групп доминировал базовый уровень знаний по английскому языку: 58% в первой из них и 54% во второй. Результаты промежуточной аттестации подтвердили повышение качества знаний в экспериментальной группе до 71%, что соответствовало средне-продвинутому уровню, тогда как в контрольной группе показатель составил 60% (средний уровень). Увеличение показателей отмечается в обеих группах обучающихся. Однако сопоставительная статистика отражает двукратное опережение роста качества знаний в экспериментальной группе.

На заключительном этапе эксперимента было проведено анкетирование, нацеленное на установление достоинств организации проектной деятельности при обучении иностранному языку. Результаты представлены в таблице 2.

Следует отметить, что некоторые обучающиеся испытывали трудности, связанные с поиском аутентичной информации (6%), адаптацией языкового материала (13%), распределением обязанностей в группе (4%).

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о преимуществах внедрения и хорошем уровне организации проектной деятельности в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Проектная деятельность позволяет трансформировать отношение обучающихся к иноязычной комму-

Таблица 2.

ДОСТОИНСТВА ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Практико-ориентированный характер	100%
Включение в поисковую и исследовательскую работу	89%
Вовлеченность в сотрудничество, партнерские отношения	91%
Значимость для развития коммуникативных умений и навыков	97%

никации и создает условия организации самостоятельной работы по приобретению прикладных знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим результатам, выводам и обобщениям:

1. Определено понятие проектной деятельности, выявлено ее значение при овладении коммуникативной компетенцией. Проектная деятельность направлена на практическое применение профессиональных знаний в деловом общении и характеризуется прогнозируемым конечным результатом, представляющим ценность при выполнении обязанностей, связанных с осуществлением правоприменения.

2. Охарактеризовано профессионально ориентированное обучение иностранному языку в образовательных организациях МВД России. Учет особенностей образовательного процесса в ведомственных вузах создает условия для погружения в языковую среду, в которой обучающиеся совершенствуют умения отбирать, обрабатывать, обобщать информацию по специальности, находить нестандартные решения коммуникативных ситуаций.

3. Проанализирован опыт использования проектной деятельности сотрудниками органов внутренних дел на практических занятиях по иностранному языку. Установлено, что разработанная методика реализации проектной деятельности способствует повышению качества иноязычного образования. Результаты проведенного нами эксперимента отражают позитивную динамику изменения уровня знаний обучающихся с базового до средне-продвинутого.

4. Подтверждено, что метод проектов развивает креативные, когнитивные, рефлексивные способности. Обучающиеся получают не только профессиональные знания, но и учатся организовывать собственную деятельность, взаимодействовать с партнерами в целях удовлетворения профессиональных потребностей.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в реализации метода проектов при дистанционном обучении, которое осуществляется на электронной образовательной платформе «Moodle». Данная платформа обеспечивает электронное образование посредством проектирования учебных курсов, ориентированных на формирование коммуникативной и профессиональной компетенций. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемьева О.А. Методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе межкультурной коммуникации. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2005. 160 с.
2. Ляховицкий М.В. О некоторых базисных категориях методики обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2013. № 8. С. 4-10.
3. Поляков О.Г. Лингвистические аспекты проектирования курса английского языка для специальных целей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168.
4. Колесникова И.А. Развитие личности в образовательном процессе // Педагогика. 2012. № 9. С. 115-117.
5. Балабанов П.И., Зауэрвайн Л.Т. Инновации и проектирование // Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. 2019. Т. 3 (1). С. 29-35.
6. Безрукова В.С. О построении педагогического знания // Педагогика. 2007. № 10. С. 20-32.
7. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3-10.
8. Зимняя И.А. Лингвистическая психология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
9. Пахомова Н.Ю. Проектная деятельность учащихся: с чего начать? // Школьные технологии. 2007. № 6. С. 117-123.
10. Бреднева Н.А. Метод проектов в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку в вузе // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 92. № 3. С.144-149.
11. Капаева А.Е. О формировании готовности учащихся к самообучению иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 12-17.
12. Томина Е.Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 360-366.
13. Килпатрик В.Х. Метод проектов. Применение Целевой установки в педагогическом процессе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.
14. Тимошенко Т.Е. Технология проектного обучения лингвистов в ходе изучения курса «Русский язык и культура речи» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. № 8 (9). С. 108-114.
15. Горбачева И.М., Пудина С.И., Горбачева Е.А. Перспективы проектной методики в преподавании гуманитарных дисциплин // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С.163-170.

REFERENCES

1. Artem'yeva O.A. Metodologiya organizatsii professional'noy podgotovki spetsialista na osnove mezhkul'turnoy kommunikatsii. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2005. 160 s.

2. Lyakhovitskiy M.V. O nekotorykh bazisnykh kategoriyakh metodiki obucheniya inostrannym yazykam // Inostrannyye yazyki v shkole. 2013. № 8. S. 4-10.
3. Polyakov O.G. Lingvisticheskiye aspekty proyektirovaniya kursa angliyskogo yazyka dlya spetsial'nykh tseley // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 12 (30): v 2-kh ch. CH. I. S. 165-168.
4. Kolesnikova I.A. Razvitiye lichnosti v obrazovatel'nom protsesse // Pedagogika. 2012. № 9. S. 115-117.
5. Balabanov P.I., Zauervayn L.T. Innovatsii i proyektirovaniye // Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. T. 3 (1). S. 29-35.
6. Bezrukova V.S. O postroyenii pedagogicheskogo znaniya // Pedagogika. 2007. № 10. S. 20-32.
7. Polat Ye.S. Metod projektov na urokakh inostrannogo yazyka // Inostrannyye yazyki v shkole. 2000. № 2. S. 3-10.
8. Zimnyaya I.A. Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti. M.: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut; Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 432 s.
9. Pakhomova N.YU. Projektnaya deyatel'nost' uchashchikhsya: s chego nachat'? // Shkol'nyye tekhnologii. 2007. № 6. S. 117-123.
10. Bredneva N.A. Metod projektov v professional'no-oriyentirovannom obuchenii inostrannomu yazyku v vuze // Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2022. T. 92. № 3. S.144-149.
11. Kapayeva A.Ye. O formirovaniu gotovnosti uchashchikhsya k samoobucheniyu inostrannomu yazyku // Inostrannyye yazyki v shkole. 2001. № 3. S. 12-17.
12. Tomina Ye.F. Pedagogicheskiye idei Dzhona D'yui: istoriya i sovremennost' // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2 (121). S. 360-366.
13. Kilpatrik V.KH. Metod projektov. Primeneniye Tselevoy ustanovki v pedagogicheskom protsesse. L.: Brokgauz-Yefron, 1925. 43 s.
14. Timoshenko T.Ye. Tekhnologiya projektnogo obucheniya lingvistov v khode izucheniya kursa «Russkiy yazyk i kul'tura rechi» // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 8 (9). S. 108-114.
15. Gorbacheva I.M., Pudina S.I., Gorbacheva Ye.A. Perspektivy projektnoy metodiki v prepodavanii humanitarnykh distsiplin // Ekonomicheskkiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya. 2023. № 1 (37). S.163-170.

© Калашникова С.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Калашникова С.В. Проектная деятельность как метод реализации профессионально ориентированного обучения иностранному языку в образовательных организациях МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 150-156.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Александр Владимирович КОСТЮКОВ,
ORCID 0000-0002-6252-8957
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (г. Тюмень)
преподаватель кафедры физической подготовки
сотрудников органов внутренних дел
berger.87@mail.ru

Алексей Александрович БАЛАНДИН
ORCID 0000-0003-2969-2285
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (г. Тюмень)
старший преподаватель кафедры физической
подготовки сотрудников органов внутренних дел
alexseibalandin91@mail.ru

Научная статья
УДК 371.384:351.74

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ СИЛОВОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СИТУАЦИОННО-РОЛЕВЫХ ИГР

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Применение физической силы, сотрудник полиции, типовая ситуация, способы взаимодействия, метод ситуационно-ролевых игр.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Деятельность сотрудников полиции непосредственно связана с преследованием и задержанием правонарушителей. Зачастую сотрудники полиции выполняют поставленные задачи в составе подразделения (группы). В связи с этим большое значение для успешного выполнения поставленной задачи имеет их способность эффективно взаимодействовать друг с другом с учетом технических и тактических аспектов такого взаимодействия. Навыки его осуществления вырабатываются, в частности, в ходе занятий в рамках профессиональной подготовки полицейских. Эффективность подготовки сотрудников полиции к силовому взаимодействию зависит прежде всего от грамотности организации занятий с ними и правильного подбора методики обучения. В статье рассматривается проблема формирования у сотрудников полиции навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы при взаимодействии в составе группы или подразделения. **Методы.** С целью выявления эффективности влияния метода ситуационно-ролевых игр, направленного на формирование навыков применения физической силы при взаимодействии сотрудников полиции, авторы использовали методы моделирования, тестирования, экспертной оценки, метод математической статистики Т-критерия Уайта. **Результаты.** В статье представлены результаты апробации эффективности использования метода ситуационно-ролевых игр в случаях взаимодействия, предусматривающего необходимость применения физической силы, в ходе занятий со слушателями курсов профессиональной подготовки. Исследование проводилось на базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. На начало эксперимента представители экспериментальной и контрольной группы показывали одинаковый уровень навыков владения боевыми приемами борьбы. В ходе педагогического эксперимента практические занятия по физической подготовке с представителями экспериментальной группы проводились с использованием типовых ситуаций, представители контрольной группы занимались по общему плану. В итоговом тестировании результаты представителей экспериментальной группы превзошли результаты представителей контрольной группы. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о высокой эффективности влияния метода ситуационно-ролевых игр на формирование у полицейских навыков взаимодействия при применении физической силы.

Alexander V. KOSTYUKOV,

ORCID 0000-0002-6252-8957

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tyumen, Russia)
Lecturer at the Department of Physical Training
for Internal Affairs Officers
berger.87@mail.ru

Alexey A. BALANDIN,

ORCID 0000-0003-2969-2285

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tyumen, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Physical Training
for Internal Affairs Officers
alexseibalandin91@mail.ru

TRAINING POLICE OFFICERS IN FORCE INTERACTION USING THE METHOD OF SITUATIONAL ROLE-PLAYING GAMES

Keywords. Use of physical force, police officer, typical situation,
methods of interaction, method of situational role-playing games.

Annotation. Introduction. The activities of police officers are directly related to the pursuit and detention of offenders. Often, police officers perform assigned tasks as part of a unit (group). In this regard, their ability to effectively interact with each other, taking into account the technical and tactical aspects of such interaction, is of great importance for the successful completion of the assigned task. The skills to implement it are developed, in particular, during classes as part of the professional training of police officers. The effectiveness of training police officers for force interaction depends primarily on the competent organization of training with them and the correct selection of training methods. The article discusses the problem of developing skills in the use of physical force and combat techniques among police officers when interacting as part of a group or unit. Methods. In order to identify the effectiveness of the influence of the method of situational role-playing games, aimed at developing skills in the use of physical force in the interaction of police officers, the authors used methods of modeling, testing, expert assessment, and the method of mathematical statistics of White's T-criterion. Results. The article presents the results of testing the effectiveness of using the method of situational role-playing games in interaction situations that require the use of physical force during classes with students of vocational training courses. The study was conducted on the basis of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. At the beginning of the experiment, representatives of the experimental and control groups showed the same level of skills in mastering combat techniques. During the pedagogical experiment, practical classes in physical training with representatives of the experimental group were conducted using typical situations, representatives of the control group studied according to a general plan. In the final testing, the results of the representatives of the experimental group exceeded the results of the representatives of the control group. The results obtained during the study indicate the high effectiveness of the influence of the method of situational role-playing games on the development of police interaction skills when using physical force.

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее важными профессиональными задачами сотрудников полиции являются обеспечение защиты жизни и здоровья граждан, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, а также охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Необходимо отметить, что при осуществлении деятельности по решению этих задач полицейские достаточно часто оказываются в экстремальных ситуациях, связанных с оказанием противодействия их законным требованиям и угрозами в адрес их жизни и здоровья.

Судя по статистике, число зарегистрированных посягательств на жизнь сотрудника правоохранительных органов, при которых потерпевшим оказывался полицейский (ст. 317 УК РФ), ежегодно

растет. В 2020 г. таковых было зарегистрировано 32; в 2021 г. – 50; в 2022 г. – 108. Вместе с тем количество случаев применения насилия в отношении представителя власти, когда потерпевшим становился сотрудник полиции (ст. 318 УК РФ), также год от года увеличивается. В 2020 г. было зарегистрировано 7777 случаев применения насилия в отношении представителя власти; в 2021 г. – 8384; в 2022 г. – 9231¹.

Для обеспечения личной безопасности и эффективного выполнения своих служебных обязанностей сотрудники полиции должны обладать высоким уровнем физической подготовленности и навыками применения боевых приемов борьбы. Нередко при выполнении служебных задач сотрудники полиции действуют в составе подразделения. В связи с этим большое значение имеют их профессиональная слаженность и умение взаимодействовать друг с другом [1, с. 165].

¹ Приводятся официальные данные Главного информационно-аналитического центра МВД России.

Результаты анализа соответствующих показателей деятельности органов внутренних дел свидетельствует о том, что чаще всего сотрудники полиции при исполнении служебных обязанностей применяют в отношении правонарушителей именно физическую силу. Поэтому особое внимание при подготовке полицейских следует уделять выработке у них компетенций, связанных с правомерным применением физической силы, в том числе в составе группы.

В Наставлении по организации физической подготовки в органах внутренних дел названо несколько условий, выполнение которых необходимо для эффективного развития умений и навыков применения физической силы и осуществления взаимодействия при применении физической силы в составе группы (наряда). Одним из условий является обучение выполнению боевых приемов борьбы в условиях, приближенных к тем, которые складываются в реальной оперативно-служебной обстановке, с применением сбивающих факторов, направленных на отвлечение внимания. Другое условие – это предварительное распределение ролей в группе, определение тех, кто выполняет приемы, а кто создает благоприятные для этого условия (например сковывает подвижность захватами, обхватами, удержаниями и т.д.). Третьим названо выполнение приема сотрудником, который создавал условия, только после выполнения приема первым сотрудником. Несмотря на закрепленные в законодательстве и ведомственных нормативных актах требования, по нашему мнению, есть основания констатировать, что в настоящее время подготовке сотрудников полиции к применению физической силы в составе группы или подразделения уделяется недостаточно внимания.

Вопросы эффективного взаимодействия сотрудников полиции при применении физической силы в ходе задержания правонарушителей сегодня вызывают значительный научный интерес. Им посвящены труды многих исследователей: С.Н. Баркалова и Е.В. Флусова [2]; В.В. Силантьева и А.В. Горелика [3]; Н.А. Алексеева, Н.Б. Кутергина, П.Н. Войнова, А.Н. Воротника [4]; А.В. Алдошина [5]; Д.Е. Егорова, П.Н. Войнова, А.С. Грачева [6, с. 26-32]. В частности, в научной и учебной литературе достаточно активно обсуждаются возможности использования ситуационных задач в ходе обучения сотрудников полиции применению физической силы и боевых приемов борьбы. Так, С.О. Цекунов, М.В. Крысин, С.В. Шаповалов, А.И. Ткаченко экспериментально доказывают, что при обучении курсантов вузов МВД России приемам взаимодействия при задержании правонарушителей эффективность применения ими алгоритмов действий, наиболее востребованных в служебной практике полицейских, возрастает в результате использования методов ситуационного моделирования [7, с. 119]. Д.С. Семикин, С.Н. Сарапулов, С.В. Кузнецов теоретически доказывают необходимость тактико-технической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к осуществлению действий по силовому задержанию правонарушителей [8, с. 116]. Е.И. Троян

и Н.Н. Силкин на основе экспериментальных данных раскрывают значимость использования ситуационного метода при формировании навыков применения боевых приемов борьбы у сотрудников патрульно-постовой службы полиции [9, с. 209]. А.М. Старцев указывает на высокую эффективность обучения сотрудников полиции с использованием возможностей полигонных баз [10, с. 361]. С.Н. Баркалов в своем исследовании опыта проведения комплексных практических занятий в образовательных организациях МВД России отмечает их эффективность при формировании готовности сотрудников полиции к применению приемов борьбы для обеспечения личной безопасности [11, с. 152].

Впрочем, несмотря на столь широкое внимание, уделяемое наукой данной тематике, на наш взгляд, методы обучения сотрудников полиции взаимодействию при задержании правонарушителей изучены не в полной мере. Исходя из этого, мы сформулировали основную проблему нашего исследования следующим образом: требуется разрешить противоречие между необходимостью эффективного формирования у сотрудников полиции навыков взаимодействия при применении физической силы и боевых приемов борьбы в ходе задержания правонарушителей и отсутствием разработанных и апробированных методик обучения осуществлению такого взаимодействия. Считаем, что решению данной проблемы поспособствовало бы использование в ходе учебно-тренировочного процесса активных методов обучения, а именно метода ситуационно-ролевых игр, нацеленного на максимальное погружение обучающихся в ситуацию, имитирующую выполнение оперативно-служебной задачи, связанной с взаимодействием сотрудников полиции в ходе применения физической силы.

Суть метода ситуационно-ролевой игры состоит в импровизированном разыгрывании ситуации, моделирующей типичную для того или иного вида деятельности ситуацию и проблемы, которые возникают в ходе выполнения этой деятельности. В игре участвуют несколько человек, среди которых распределены роли персонажей, задействованных в игровой ситуации. Одна и та же ситуация может проигрываться несколько раз, чтобы дать возможность участникам игры побывать в разных ролях. Существуют многочисленные модификации ситуационных игр, предусматривающие использование различных методик. Их выбор определяется конкретными педагогическими задачами. Однако обязательным условием является проигрывание нескольких игр с нарастанием сложности, так как участие обучающегося в одной игре обычно не дает желаемого эффекта. Моделируемая в игре ситуация должна быть максимально приближена к условиям реальной действительности [12, с. 112].

Новизна нашего исследования заключается в том, что, несмотря на значительное количество научных работ в рамках данной тематики, не рассматривались вопросы использования метода ситуационно-ролевой игры в условиях краткосрочного периода обучения сотрудников поли-

ции, проходящих профессиональную первоначальную подготовку. *Целью* исследования стала разработка практико-ориентированных типичных ситуаций взаимодействия сотрудников полиции при задержании правонарушителей и выявление их эффективности в условиях краткосрочного периода обучения.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования было решено несколько *задач*:

- разработаны практико-ориентированные учебные задания, предполагающие взаимодействие сотрудников полиции при задержании правонарушителей;
- выявлена эффективность использования практико-ориентированных учебных заданий в учебно-тренировочном процессе подготовки сотрудников полиции.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ

Исследование проводилось в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России с участием слушателей курсов профессиональной подготовки и профессионального обучения в возрасте до 25 лет. С целью выявления эффективности применения типовых ситуаций взаимодействия при задержании правонарушителя было проведено тестирование навыков владения боевыми приемами борьбы. Слушатели были поделены на две группы: контрольную (7 человек) и экспериментальную (8 человек). Отбор проводился случайным порядком.

При проведении исследования были использованы следующие научные методы: моделирование ситуаций, тестирование, метод экспертной оценки, метод математической статистики (Т-критерий Уайта).

Моделирование как метод научного исследования применяется во всех сферах научной деятельности. Данный метод является одним из самых часто используемых и актуальных на сегодняшний день. И это неудивительно по той причине, что метод моделирования можно применить почти ко всем исследуемым данным и величинам, это позволяет строить различные модели, что, в свою очередь, показывает универсальность самого метода [13, с. 878].

Под моделированием в педагогике понимают построение копий, моделей явлений и процессов с помощью схем, чертежей и описаний. Под моделью традиционно понимается система объектов или знаков, воспроизводящая некоторые существенные свойства оригинала. Использование метода моделирования позволяет создать обстановку, максимально приближенную к условиям выполнения сотрудниками полиции служебных задач, связанных с применением физической силы [14, с. 168].

В результате анализа и обобщения материалов научных источников, а также опыта работы сотрудников органов, осуществлявших взаимодействие при задержании правонарушителей, нами были смоделированы случаи взаимодействия (взаимопомощи) сотрудников полиции при применении физической силы, характерные для различных должностных категорий, возникновение которых наиболее вероятно:

1) взаимодействие при задержании правонарушителя, отказывающегося выполнить законные требования сотрудников полиции о доставлении в отдел полиции;

2) взаимодействие при отражении совершенного правонарушителем невооруженного нападения (нанесение удара) на сотрудника полиции;

3) взаимодействие при задержании правонарушителя, совершающего вооруженное нападение на сотрудника полиции (использование ножа);

4) взаимодействие при задержании правонарушителя, угрожающего одному из сотрудников полиции огнестрельным оружием (пистолетом).

На практических занятиях со слушателями курсов профессиональной подготовки активно отрабатывалось взаимодействие при задержании в ситуациях оперативно-служебной деятельности. В ходе занятий слушатели делились на подгруппы по 2 человека, преподаватель доводил фабулу конкретной ситуации и распределял роли.

Ситуация 1.

Фабула: правонарушитель отказывается выполнять законные требования сотрудников полиции о доставлении его в отдел полиции, оказывает пассивное неповиновение.

Место проведения: открытая местность (парк, сквер, улица) либо помещение (магазин, кафе).

Задача: взаимодействуя, осуществить задержание правонарушителя, выполнив болевой прием на руку (загиб руки за спину рывком).

Действия сотрудников: сотрудник № 1 стоит лицом к правонарушителю, сотрудник № 2 стоит справа от правонарушителя. Сотрудник № 2 в момент неповиновения правонарушителя захватывает его правую руку и удерживает ее, после чего сотрудник № 1 захватывает левую руку правонарушителя и проводит болевой прием – загиб руки за спину рывком. После этого сотрудник № 2 выполняет загиб руки за спину. Далее осуществляется сопровождение.

Ситуация 2.

Фабула: правонарушитель осуществляет нападение на сотрудника полиции, нанося удар рукой сверху в голову.

Место проведения: открытая местность (парк, сквер, улица) либо помещение (магазин, кафе).

Задача: защититься от удара, осуществить задержание правонарушителя, выполнив болевой прием на руку – рычаг руки внутрь.

Действия сотрудников: сотрудник № 1 стоит лицом к правонарушителю, сотрудник № 2 стоит справа от правонарушителя. Сотрудник № 2 в момент нанесения правонарушителем удара сверху в голову выполняет блок (подставку), захватывает атакующую руку и выполняет рычаг руки внутрь. Сотрудник № 1 захватывает вторую руку правонарушителя и выполняет болевой прием – загиб руки за спину рывком. Далее осуществляется сопровождение.

Ситуация 3.

Фабула: правонарушитель осуществляет нападение на сотрудника полиции, нанося удар ножом снизу в туловище.

Место проведения: открытая местность (парк, сквер, улица) либо помещение (магазин, кафе).

Задача: защититься от удара ножом снизу в туловище, осуществить задержание правонарушителя, выполнив болевой прием на руку – рычаг руки внутрь.

Действия сотрудников: сотрудник № 1 стоит лицом к правонарушителю, сотрудник № 2 стоит справа от правонарушителя. Сотрудник № 2 в момент нанесения правонарушителем удара ножом снизу в туловище выполняет блок (подставку), захватывает атакующую руку, выполняет рычаг внутрь и дожимом кисти осуществляет обезоруживание. Сотрудник № 1 захватывает вторую руку правонарушителя и выполняет болевой прием – загиб руки за спину рывком. Далее осуществляется подбор оружия и сопровождение.

Ситуация 4.

Фабула: правонарушитель угрожает одному из сотрудников полиции огнестрельным оружием (пистолетом) спереди.

Место проведения: открытая местность (парк, сквер, улица) либо помещение (магазин, кафе).

Задача: обезоружить правонарушителя, осуществить его задержание, выполнив болевой прием на руку – рычаг руки наружу.

Действия сотрудников: сотрудник № 1 стоит лицом к правонарушителю, сотрудник № 2 стоит справа от правонарушителя. Сотрудник № 1 с целью отвлечения внимания правонарушителя поднимает руки вверх, в этот момент сотрудник № 2 внезапно захватывает вооруженную руку правонарушителя и отводит ее вниз в сторону, после чего проводит болевой прием – рычаг руки наружу – и обезоруживает правонарушителя. Сотрудник № 1 осуществляет загиб руки лежащего правонарушителя, после этого сотрудник № 2 также переходит на загиб руки. Далее осуществляется сопровождение.

Эффективность владения навыками применения боевых приемов борьбы определялась методом экспертных оценок. Его суть заключается в определении каких-либо качественных параметров путем нахождения среднего арифметического показателя оценок, выставленных квалифицированными специалистами [15, с. 74].

Оценка уровня владения навыками применения физической силы и боевых приемов борьбы в процессе решения типовых задач осуществлялась в баллах по шкале от 1 до 10 комиссией из трех преподавателей. Прием считался выполненным, если испытуемый провел его уверенно, грамотно, в быстром темпе, согласно описанию структуры боевого приема борьбы. Выполнение приема не засчитывалось, если прием был проведен неуверенно, неэффективно была применена защита от атаки, была нарушена техника и схема выполнения приема, отсутствовала достаточная плотность захвата, был потерян контроль над ассистентом, не было осуществлено силовое задержание.

При обработке полученных результатов использовался метод математической статистики Т-критерий Уайта. Он был использован для установления достоверности различий, наблюдаемых

при сравнении двух независимых результатов, полученных по шкале порядка (ранжирования).

Порядок вычислений:

1) количество участников в контрольной группе должно быть от 2 до 15 человек, а в экспериментальной от 4 до 27 человек;

2) после оценки выполнения боевых приемов борьбы по десятибалльной системе результаты контрольной и экспериментальной групп ранжируют (упорядочивают) в общий ряд в возрастающем порядке вне зависимости от наименования групп;

3) находятся ранги (места) результатов контрольной и экспериментальной групп. В случае, когда попадают одинаковые оценки в разных группах, ставится средний ранг (место), полученный путем деления суммы рангов, имеющих одинаковые значения показателей, на число таких одинаковых показателей. Среднеарифметический ранг (место) записывается для обеих оценок;

4) ранги суммируются по отдельности для каждой группы;

5) достоверность различий между суммами рангов оценивается с помощью Т-критерия Уайта по специальной таблице. Для этого меньшая сумма рангов сравнивается с табличным значением критерия количества участников контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_s = 8$) при 5%-ном уровне значимости;

6) если значение меньшей суммы рангов меньше табличного значения, то это указывает на достоверность различий, а, соответственно, экспериментальная методика является эффективной при $p < 0,05$ (при 5%-ном уровне значимости), и наоборот, если значение меньшей суммы рангов больше табличного значения или равно ему, то это указывает на недостоверность различий, и, соответственно, экспериментальная методика не является эффективной, а полученные результаты случайны¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные при исходном тестировании баллы были проранжированы в возрастающем порядке с присвоением каждому баллу соответствующего ранга (места), определена сумма этих рангов. В контрольной группе выявлено значение 47,5, в экспериментальной – 74,5. При сравнении наименьшей суммы полученных рангов (47,5) с установленным значением в таблице Т-критерия Уайта для количества испытуемых контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_s = 8$) при 5%-ном уровне значимости (38) мы пришли к выводу, что группы однородны (см. таблицу 1). В начале исследования тестирование показало, что исходный уровень владения навыками применения физической силы и боевых приемов борьбы у слушателей был одинаков, достоверности различий не выявлено.

После апробации учебных типовых ситуаций нами было проведено итоговое тестирование слушателей экспериментальной и контрольной групп. В результате итогового тестирования уров-

¹ См.: Щербак А.П. Математико-статистическая обработка материалов научной и методической деятельности: Учебное пособие для студентов специальности «Физическая культура». Ярославль, 2007 // URL: <https://cito-web.yspu.org/link1/metod/met90/node14.html>.

Таблица 1.

Суммы рангов испытуемых экспериментальной и контрольной групп в начале эксперимента

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8			2,3		3		3,3		3,3		3,6	4		4	4,3
Контр. гр.	7	2	2,3		2,6		3,3		3,3		3,6			4		
Рэ				2,5		5		7,5		8,5		10,5	12		13,5	15
Рк	1	2,5		4		7,5		8,5		10,5				13,5		

Таблица 2.

Суммы рангов испытуемых экспериментальной и контрольной групп в конце эксперимента

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8								7,1	8	8,3	9,4	9,6	10	10	10
Контр. гр.	7	4,3	4,4	4,6	5	5,4	5,5	6								
Рэ									8	9	10	11	12	13	14	15
Рк	1	2	3	4	5	6	7									

ня сформированности навыков взаимодействия и владения боевыми приемами борьбы слушатели экспериментальной группы показали средний бал, равный 9,05, а слушатели контрольной группы – 5,02. Проранжировав баллы, полученные в ходе итогового тестирования, мы получили сумму рангов (мест): в контрольной группе – 28, в экспериментальной – 92. При сравнении наименьшей суммы полученных рангов (28) с установленным значением в таблице Т-критерия Уайта для количества испытуемых контрольной и экспериментальной групп ($n_x = 7$ и $n_y = 8$) при 5%-ном уровне значимости (38) можно сделать вывод, что в группах наблюдается достоверность различий (см. таблицу 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате решения первой задачи исследования нами были разработаны практико-ориентированные учебные задания по осуществлению взаимодействия сотрудников полиции при задержании правонарушителя, оказывающего пассивное неповиновение, активное невооруженное или вооруженное сопротивление. Данные задания были смоделированы на основе анализа практики деятельности сотрудников полиции, в результате которого нами выявлены наиболее часто возникающие ситуации, а которых осуществляется взаимодействие сотрудников полиции при применении физической силы и боевых приемов борьбы.

Для решения второй задачи исследования, направленной на выявление эффективности использования практико-ориентированных учебных заданий, нами было проведено итоговое тестирование представителей экспериментальной и контрольной групп. Представители экспериментальной группы показали уровень владения навыками применения физической силы при взаимодействии друг с другом на 38,9% выше, чем уровень владения такими навыками, сформировавшийся у представителей контрольной группы, обучавшихся по общепринятой методике проведения занятий.

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности использования метода ситуационно-ролевых игр в процессе обучения полицейских взаимодействию при силовом задержании правонарушителей, а также, соответственно, о необходимости более активного его использования в рамках учебно-тренировочных занятий. Перспективы развития научной деятельности на основе полученных в ходе нашего исследования результатов видятся в дальнейшем изучении возможностей метода ситуационно-ролевых игр и его адаптации к использованию в обучении применению физической силы и боевых приемов борьбы в ситуациях служебной деятельности, характерных для разных должностных категорий сотрудников полиции (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные, ГИБДД и др.). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Камиллов Р.Р., Семикин Д.С. Проблемы моделирования тактики поиска, преследования и задержания правонарушителя на учебных занятиях в образовательных учреждениях МВД России // Правоохранительные органы: теория и практика 2010. № 2. С. 165-166.
2. Баркалов С.Н., Флусов Е.В. Методические подходы к обучению сотрудников патрульно-постовой службы полиции взаимодействию при силовом задержании правонарушителя // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2018. № 3. С. 8-12.
3. Силантьев В.В., Горелик А.В. Некоторые особенности обучения сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России применению боевых приемов борьбы и огнестрельного

оружия при задержании преступника, вооруженного холодным оружием // Научный компонент. 2019. № 1 (1). С. 99-106.

4. Алексеев Н.А., Кутергин Н.Б., Войнов П.Н., Воротник А.Н. Некоторые аспекты подготовки сотрудников полиции к действиям по задержанию преступника в условиях ограниченного пространства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 33-37.

5. Алдошин А.В. Совершенствование тактики и способов защитных действий от холодного оружия // Наука-2020. 2019. № 4 (29). С. 129-134.

6. Егоров Д.Е., Войнов П.Н., Грачев А.С. Тактика действий сотрудников ОВД в типовых ситуациях несения службы // Дискурс. 2017. № 3 (5). С. 26-32.

7. Цекунов С.О., Крысин М.В., Шаповалов С.В., Ткаченко А.И. Моделирование типовых ситуаций как эффективный способ формирования готовности курсантов ДВЮИ МВД России к задержанию правонарушителя // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 117-120.

8. Семикин Д.С., Сарапулов С.Н., Кузнецов С.В. Методика обучения взаимодействию при применении физической силы курсантов образовательных организаций МВД России // Наука-2020: Физическая культура и спорт: наука, практика, образование. 2019. № 6 (31). С. 113-117.

9. Троян Е.И., Силкин Н.Н. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции применению физической силы на основе использования ситуационного метода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 207-214.

10. Старцев А.М. К вопросу о методах и средствах методики специальной подготовки в условиях полигонной базы в образовательных учреждениях МВД России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 359-364.

11. Баркалов С.Н. Комплексное формирование готовности обучающихся образовательных организаций МВД России к обеспечению личной безопасности в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Автономия личности. 2020. № 1 (21). С. 146-153.

12. Пафифова Б.К. Ситуационно-ролевые игры как одна из форм интерактивных методов обучения в высшей школе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 1. С. 110-116.

13. Шматко А.Д., Глушко Т.Я. Моделирование как метод научного исследования // Форум молодых ученых. 2018. № 9 (25). С. 876-881.

14. Синянский В.А., Романов Р.В., Кравцов С.В. Роль метода ситуационного моделирования в формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 167-169.

15. Демакова И.Д. Метод экспертной оценки в исследовании проблемы формирования позитивного отношения к жизни в семье с особым ребенком // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2021. № 1 (37). С. 73-78.

REFERENCES

1. Kamilov R.R., Semikin D.S. Problemy modelirovaniya taktiki poiska, presledovaniya i zaderzhaniya pravonarushitelya na uchebnykh zanyatiyakh v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii // Pravookhranitel'nyye organy: teoriya i praktika 2010. № 2. S. 165-166.

2. Barkalov S.N., Flusov Ye.V. Metodicheskiye podkhody k obucheniyu sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii vzaimodeystviyu pri silovom zaderzhanii pravonarushitelya // Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport. 2018. № 3. S. 8-12.

3. Silant'yev V.V., Gorelik A.V. Nekotoryye osobennosti obucheniya sotrudnikov politsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii primeneniyu boyevykh priyemov bor'by i ognestrel'nogo oruzhiya pri zaderzhanii prestupnika, vooruzhennogo kholodnym oruzhiyem // Nauchnyy komponent. 2019. № 1 (1). S. 99-106.

4. Alekseyev N.A., Kutergin N.B., Voynov P.N., Vorotnik A.N. Nekotoryye aspekty podgotovki sotrudnikov politsii k deystviyam po zaderzhanii prestupnika v usloviyakh ogranichennogo prostranstva // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2014. № 2. S. 33-37.

5. Aldoshin A.V. Sovershenstvovaniye taktiki i sposobov zashchitnykh deystviy ot kholodnogo oruzhiya // Nauka-2020. 2019. № 4 (29). S. 129-134.

6. Yegorov D.Ye., Voynov P.N., Grachev A.S. Taktika deystviy sotrudnikov OVD v tipovykh situatsiyakh neseniya sluzhby // Diskurs. 2017. №3 (5). S. 26-32.

7. Tsekunov S.O., Krysin M.V., Shapovalov S.V., Tkachenko A.I. Modelirovaniye tipovykh situatsiy kak effektivnyy sposob formirovaniya gotovnosti kursantov dvuyi MVD Rossii k zaderzhanii pravonarushitelya // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2017. № 1. S. 117-120.

8. Semikin D.S., Sarapulov S.N., Kuznetsov S.V. Metodika obucheniya vzaimodeystviyu pri primeneni fizicheskoy sily kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Nauka-2020: Fizicheskaya kul'tura i sport: nauka, praktika, obrazovaniye, 2019 № 6 (31). S. 113-117.

9. Troyan Ye.I., Silkin N.N. Obucheniye sotrudnikov patrol'no-postovoy sluzhby politsii primeneniyu fizicheskoy sily na osnove ispol'zovaniya situatsionnogo metoda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (88). S. 207-214.

10. Startsev A.M. K voprosu o metodakh i sredstvakh metodiki spetsial'noy podgotovki v usloviyakh poligonnoy bazy v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2020. № 1. S. 359-364.

11. Barkalov S.N. Kompleksnoye formirovaniye gotovnosti obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii k obespecheniyu lichnoy bezopasnosti v usloviyakh, svyazannykh s primeneniyem fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Avtonomiya lichnosti. 2020. № 1 (21). S. 146-153.

12. Pafifova B.K. Situatsionno-rol'nyye igry kak odna iz form interaktivnykh metodov obucheniya v vysshey shkole // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2015. № 1. S. 110-116.

13. Shmatko A.D., Glushko T.YA. Modelirovaniye kak metod nauchnogo issledovaniya // Forum molodykh uchenykh. 2018. № 9 (25). S. 876-881.

14. Sinyanskiy V.A., Romanov R.V., Kravtsov S.V. Rol' metoda situatsionnogo modelirovaniya v formirovanii professional'nykh kompetentsiy sotrudnikov OVD // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2020. №2 (31). S. 167-169.

15. Demakova I.D. Metod ekspertnoy otsenki v issledovanii problemy formirovaniya pozitivnogo otnosheniya k zhizni v sem'ye s osobym rebenkom // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. № 1 (37). S. 73-78.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Костюков А.В., Баландин А.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Костюков А.В., Баландин А.А. Обучение сотрудников полиции силовому взаимодействию на основе использования метода ситуационно-ролевых игр // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 157-164.

Ольга Александровна ВАСИЛЬЕВА,
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
МВД России (г. Калининград)
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отделения
vascoa2319@gmail.com

Обзорная статья
УДК 061.3:[34+378](048.8)

XII БАЛТИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ»: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Калининград, 15 декабря 2023 г.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Научная конференция, правоприменение, борьба с преступностью, совершенствование законодательства, государство и право, профессиональная подготовка кадров.

АННОТАЦИЯ. 15 декабря 2023 г. в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России прошла ежегодная международная научно-практическая конференция XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». В ходе пленарного заседания и работы тематических секций обсуждались актуальные вопросы предупреждения, расследования и раскрытия преступлений; уголовно-правовые, криминологические и тактические особенности борьбы с преступностью; проблемы правового регулирования взаимоотношений общества и государства; направления совершенствования профессиональной подготовки кадров для силовых ведомств. В рамках конференции был организован обмен мнениями по широкому спектру вопросов, связанных с развитием российской государственности, изменениями геополитического мироустройства, состоянием преступности в России и за рубежом, внедрением инноваций в деятельность по предупреждению, расследованию и раскрытию преступлений. В оргкомитет было представлено более 120 заявок на участие в конференции. Ее участниками стали представители научных и образовательных организаций МВД России, других силовых ведомств, Министерства образования Российской Федерации, зарубежные ученые. Расширить географию научного представительства на конференции позволило использование, кроме очного формата участия, возможностей видео-конференц-связи. В завершение работы конференции ее участники приняли резолюцию, в которой подчеркнули необходимость дальнейшего развития и укрепления международного и межведомственного взаимодействия в целях решения проблем научного обеспечения правоохранительной деятельности.

В Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России 15 декабря 2023 г. состоялся Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». В статусе международной конференции это ежегодное научно-представительское мероприятие, ставшее традиционным, проводилось уже в двенадцатый раз. Научные дискуссии развернулись не только на пленарном заседании, но и ходе работы тематических секций. Таковых

было шесть: «Проблемы правоприменительной деятельности», «Общество, право и государство: проблемы теории и практики», «Инновации в предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений», «Уголовно-правовые и криминологические средства борьбы с преступностью», «Актуальные аспекты выявления, расследования и раскрытия преступлений», «Актуальные вопросы профессиональной подготовки кадров». В рамках конференции был организован обмен

Olga A. VASILYEVA,

Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Researcher of the Research, Editorial and Publishing Department
vascoa2319@gmail.com

**XII BALTIC LEGAL FORUM «LAW AND ORDER
IN THE THIRD MILLENNIUM»: INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE (Kaliningrad, December 15, 2023)**

KEYWORDS. Scientific conference, law enforcement, fight against
crime, improvement of legislation, state and law, professional training.

ANNOTATION. *On December 15, 2023, the annual international scientific and practical conference XII Baltic Legal Forum «Law and order in the third millennium» was held at the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. During the plenary session and the thematic sections, topical issues of preventing, investigating and solving crimes were discussed; criminal legal, criminological and tactical features of the fight against crime; problems of legal regulation of relations between society and the state; directions for improving professional training for law enforcement agencies. The conference included an exchange of views on a wide range of issues related to the development of Russian statehood, changes in the geopolitical world order, the state of crime in Russia and abroad, and the introduction of innovations in the prevention, investigation and detection of crimes. More than 120 applications for participation in the conference were submitted to the organizing committee. Its participants were representatives of scientific and educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia, other law enforcement agencies, the Ministry of Education of the Russian Federation, and foreign scientists. The expansion of the geography of scientific representation at the conference was made possible by the use, in addition to the face-to-face format of participation, of video-conferencing capabilities. At the end of the conference, its participants adopted a resolution in which they emphasized the need for further development and strengthening of international and interdepartmental cooperation in order to solve problems of scientific support for law enforcement activities.*

мнениями по широкому спектру вопросов, связанных с развитием российской государственности, изменениями геополитического мироустройства, состоянием преступности в России и за рубежом, внедрением инноваций в деятельность по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений.

В организационный комитет поступило более 120 заявок. В работе конференции приняли участие, в частности с применением средств видеоконференц-связи, представители 31 научной и образовательной организации Российской Федерации, а также Республики Таджикистан и Республики Беларусь. Среди них – 16 докторов наук, 57 кандидатов наук. Были представлены Академия МВД Республики Беларусь, Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Академия МВД Республики Таджикистан, Академия управления МВД России, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Санкт-Петербургский университет МВД России, Волгоградская академия МВД России, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Сибирский юридический институт МВД России, Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия», Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, Академия ФСИН России, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Алтайский государственный университет, Донской государственный технический университет, Российский государственный университет правосудия и другие вузы. Участниками форума стали

и сотрудники территориальных органов внутренних дел: Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних и Управления уголовного розыска УМВД России по Калининградской области, Западного линейного управления МВД России на транспорте и других.

В рамках открытия конференции выступил начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России полковник полиции **Игорь Александрович Горковенко**. Он поблагодарил присутствующих за интерес, проявленный к участию в форуме, и поприветствовал представителей Академии МВД Республики Таджикистан, МВД Республики Беларусь, ученых других образовательных организаций.

В формате видеоконференц-связи к участникам конференции обратился профессор кафедры предотвращения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции **Сафарзода Хаёт Сайдамир**. В своем выступлении он определил сущность и содержание принимаемых в его стране общесоциальных мер по противодействию экстремизму, рассказал о перспективах их совершенствования. В контексте реализации уголовной политики Республики Таджикистан наиболее важным документом является Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 годы¹. В ней определены

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 03.05.2014 № 296 // Сборник нормативных актов по реформе милиции. Душанбе: Полиграф групп, 2015. С. 41-58.

цели и приоритеты реформирования милиции, а также меры, реализация которых должна способствовать решению важных задач социально-экономического и организационно-правового развития деятельности органов внутренних дел.

В названной Программе предпочтение отдается мерам общесоциального предупреждения преступности, повышению уровня доверия граждан к милиции путем общественного контроля, замещения вакантных должностей на конкурсной основе, снижения уровня коррупции. Кроме того, предусмотрены устранение дублирования функций в органах внутренних дел, сокращение подразделений, деятельность которых несвойственна правоохранительным структурам, совершенствование профессиональной подготовки в образовательных учреждениях МВД республики, материально-техническое переоснащение подразделений милиции, повышение уровня социального обеспечения ее сотрудников и другие меры.

Интерес вызвали и другие доклады, представленные на пленарном заседании конференции. Далее кратко изложим содержание некоторых из них.

Профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России доктор юридических наук, доцент **Ольга Борисовна Дронова** выступила с докладом на тему «Современные технические средства выявления дипфейков». Она отметила расширение перечня технико-криминалистических средств, стоящих на вооружении экспертно-криминалистических подразделений, что способствует повышению эффективности обеспечения субъектов расследования криминалистически значимой информацией и доказательствами. Многогранное внедрение в жизнь современного общества нейросетевых технологий, которые активно используются и лицами, осуществляющими противоправную деятельность, обуславливает необходимость ведения правоохранительными органами непрерывного мониторинга технических средств совершения преступлений. Эта деятельность требует повышения эффективности обеспечения подразделений правоохранительных органов средствами выявления и фиксации фактов применения преступниками технологий, основанных на возможностях искусственного интеллекта.

О.Б. Дронова рассказала о разрабатываемом в настоящее время программно-аппаратном комплексе «Зеркало (Верблюд)», который должен обеспечивать точность выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненных с помощью нейронных сетей. Кроме того, этот комплекс автоматизирует производство поиска отклонений и несоответствий установленных параметров при выявлении диагностических признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений. Внедрение данного комплекса в качестве технико-криминалистического средства, стоящего на вооружении правоохранительных органов, потенциально должно способствовать пресечению противоправной деятельности, осуществляемой

с использованием современных нейросетевых технологий, а также содействовать минимизации случаев распространения на территории страны намеренной дезинформации.

Необходимость в разработке отечественного программного обеспечения такого рода обусловлена имеющейся у специализированных оперативных подразделений потребностью в современных средствах обработки оперативно значимой информации. Кроме того, представленная докладчиком программа поможет сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений в производстве видеотехнических экспертиз: она будет способствовать выявлению признаков внутрикадрового монтажа на видеоизображениях, таких, например, на которых внешность тех или иных лиц умышленно подвергнута изменениям с применением нейросетевых технологий.

На законодательном уровне не установлено запретов на применение программно-аппаратных средств, предназначенных для создания дипфейков, и любой пользователь современных гаджетов может получить доступ к программам и приложениям, формирующим компиляционные изображения. Внедрение в деятельность оперативных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России отечественного программного обеспечения нового поколения призвано повысить эффективность технико-криминалистического обеспечения процессов выявления и пресечения противоправной деятельности, осуществляемой с использованием нейросетевых технологий.

О методике расследования преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и ее значении в своем докладе рассказала заместитель начальника кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Александровна Бадзгардзе**.

Начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, доцент **Кирилл Станиславович Сердобинцев** выступил с докладом «Русская философская мысль - аксиологическая основа формирования цивилизационной идентичности». Докладчик представил свое видение дискуссионных аспектов специфики, проблематики и генезиса русской философии. Специфика России, по его мнению, проявляется в характере населяющих ее народов, в первую очередь в таких образующих этот характер качествах, как соборность, общинность, мессианство, жертвенность, терпение, особое отношение к духовному нравственному началу как в быту, так и в политической, правовой, хозяйственной, экономической деятельности.

Критически докладчик отнесся к представлению о России (с учетом ее огромных размеров и расположения на территории, примыкающей с одной стороны к западным, а с другой – к восточным странам) как о промежуточном звене между

Западом и Востоком. Исходя из такого представления, его сторонники делают вывод о том, что Россия якобы не имеет своей цивилизационной определенности, хотя на ее развитие влияли и влияют западные цивилизационные тенденции и ценности. Другая точка зрения заключается в понимании России как евразийской страны, осуществившей синтез европейских и азиатских тенденций, страны, в которой произошло слияние славянских и тюркских народов. И существующий в России феномен подражания Европе якобы ведет к негативным последствиям и утрате российской самобытности.

С докладом «Перспективы развития мер противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних» выступила профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент **Марина Сергеевна Колосович**. Она обратила внимание на беспрецедентно высокие показатели преступности рассматриваемого ею вида. При стабильном сокращении на протяжении последних лет количества регистрируемых в России преступлений число выявленных лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, с каждым годом только растет.

В сознании россиян преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних не просто равнозначно убийству, а рассматривается как более тяжкое преступление. По мнению докладчика, представляется вероятным, что в ближайшее время с новой силой возобновится дискуссия о возможности применения смертной казни, поскольку формальные препятствия для этого были устранены 28 февраля 2023 года, когда Россия денонсировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Появление в России единого публичного реестра лиц, осужденных за совершение вышеназванных преступлений, не выглядит как ресурс, способный лишь подвергнуть его фигурантов опасности расправы со стороны возмущенного их деяниями населения. Несмотря на совершение фигурантами реестра наиболее отвратительных и осуждаемых обществом преступлений, они как носители конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина имеют право на защиту государством от преступных посягательств со стороны других лиц. Население должно осознавать неминуемость привлечения к уголовной ответственности любого лица, посягнувшего на жизнь, здоровье или имущество.

Вместе с тем М.С. Колосович указала на необходимость разработки четкой правовой регламентации процедуры создания и функционирования реестра с возможностью обжалования правомерности, достоверности и/или полноты размещаемых в открытом доступе данных, их изменения и удаления. Государство должно соблюдать разумный баланс при решении комплекса задач по

защите детей от лиц с доказано повышенным уровнем агрессии, представляющих особую общественную опасность, для того чтобы не допустить совершения ими вновь преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

В рамках конференции с докладом «Преступления в сфере спорта: криминалистические аспекты» выступила профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор **Анна Павловна Алексеева**. В своем докладе профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент **Сергей Васильевич Мельник** определил упрощенные процедуры рассмотрения гражданских дел в контексте реализации задач гражданского судопроизводства.

Завершил планарное заседание доклад «Проблемные аспекты квалификации транспортных преступлений с административной преюдицией», с которым выступил профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Олег Валентинович Стрилец**. Он отметил, что только закрепление научно обоснованных норм, регламентирующих вопросы уголовной ответственности за транспортные преступления, позволит решить задачи, которые ставят перед законодателем современные реалии.

В ходе работы секций обсуждались проблемы и перспективы развития уголовного закона России, уголовно-процессуальные средства борьбы с преступностью, вопросы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, особенности развития федеральных территорий, применение профайлинга в процессе несения службы сотрудниками полиции, современные возможности выявления субъектов преступной деятельности и многие другие актуальные проблемы правоприменения и правотворчества. В рамках работы секций были рассмотрены научные доклады представителей различных образовательных организаций, в том числе: Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России, Омской академии МВД России, Краснодарского университета МВД России, Воронежского института МВД России, Нижегородской академии МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России, Ростовского юридического института МВД России, Уфимского юридического института МВД России, Академии ФСИН России, Уральского юридического института МВД России, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Алтайского государственного университета, Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Северо-Кавказского федерального университета, Российского государственного университета правосудия,

Могилевского института МВД Республики Беларусь и других.

Традиционно основными целями форума были расширение и укрепление научного сотрудничества, обмен мнениями между научно-педагогическими работниками образовательных организаций, сотрудниками территориальных органов и подразделений МВД России и государств-партнеров. В завершение работы конференции ее участники приняли резолюцию, в которой подчеркнули необходимость дальнейшего развития и укрепления международного и межведомствен-

ного взаимодействия в целях решения проблем научного обеспечения правоохранительной деятельности. По результатам работы конференции планируется издать сборник тезисов выступлений ее участников. Предполагается включение в него 68 статей, отражающих содержание научных докладов и сообщений. В числе авторов – 17 докторов наук, 64 кандидата наук, адъюнкты, аспиранты, соискатели, сотрудники территориальных подразделений правоохранительных органов, представляющие Российскую Федерацию, Республику Беларусь и Республику Таджикистан. ■

© Васильева О.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Васильева О.А. XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Международная научно-практическая конференция (Калининград, 15 декабря 2023 г.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 165-169.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 1 (75)
2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 04.03.2024. Подписано в печать - 27.03.2024. Дата выхода в свет - 29.03.2024.
Формат 60x90 1/8. Объем - 21,25 у.п.л. Заказ № 449. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.